

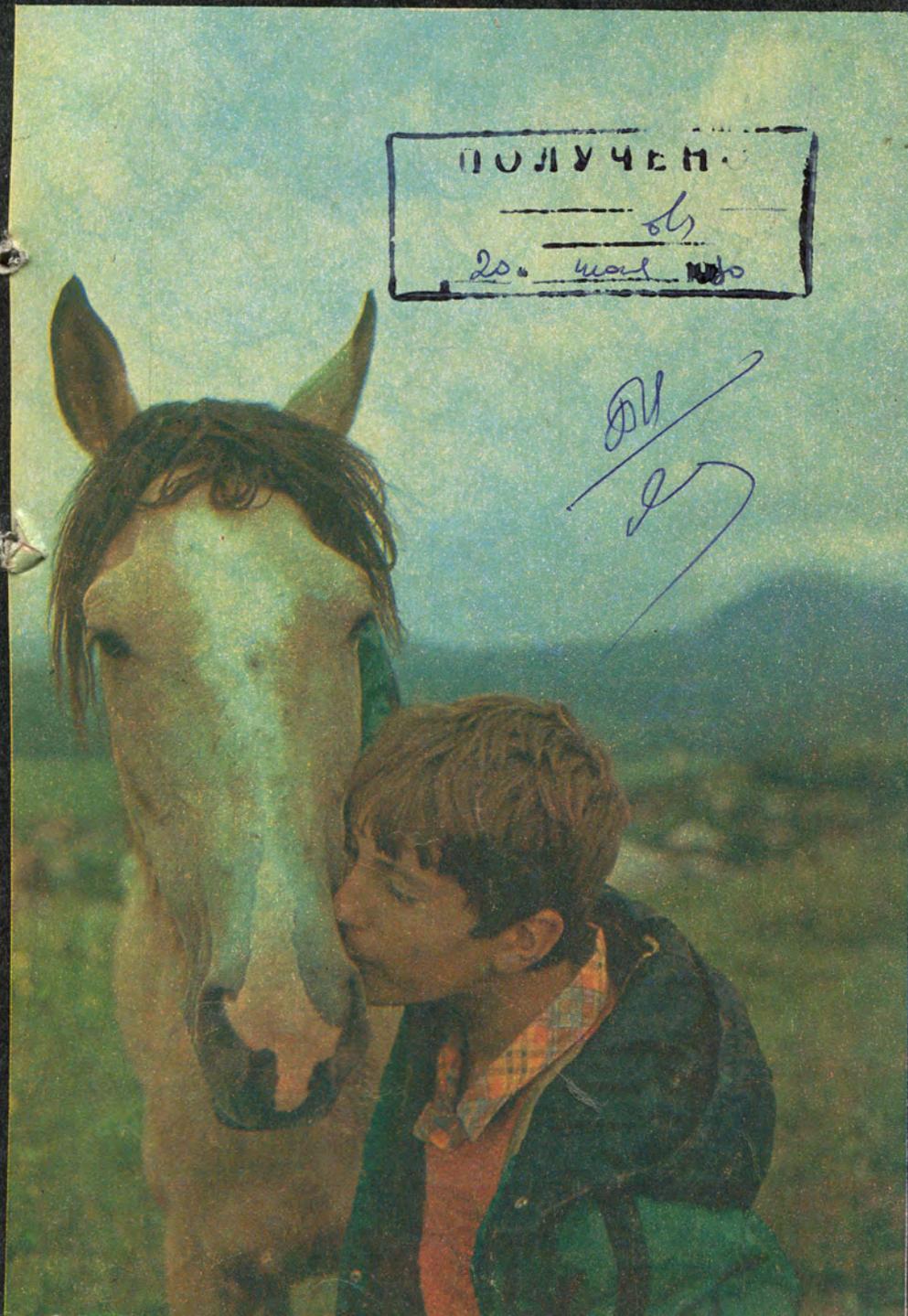
ISSN 0131-7377

СЕМЬЯ И ШКОЛА

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

ПОЛУЧЕНО
_____ 06
20. _____ 1990

Handwritten signature

1990
7

Ежемесячный журнал
для родителей
Издаётся с мая 1946 года

В НОМЕРЕ

Главный редактор
В. Ф. СМИРНОВ

Редакционная коллегия:

М. В. АНТРОПОВА,
Т. М. АФАНАСЬЕВА,
И. В. ДУБРОВИНА,
Ю. И. ЕРМОЛАЕВ,
И. Д. ЗВЕРЕВ,
В. А. КАРАКОВСКИЙ,
Г. А. КОВАЛЕВ,
Р. А. КУРБАТОВА,
В. Л. ЛЕВИ,
О. Н. МАМОНТОВА
(зам. главного редактора),
Ф. М. МОРОЗОВ,
В. А. ПОЛЯКОВ,
В. А. РЫБАКОВ
(редактор отдела
психологии),
Г. Н. СЕРДЮКОВСКАЯ,
Л. Н. ТИМОФЕЕВА,
В. И. ЧЕРЕДНИЧЕНКО,
Б. Т. ШУМИЛИН.

Редакторы отделов:

Н. АВТАМОНОВА
(семейного воспитания),
С. ВОЛЬШОНОК
(писем),
Л. ОСИПОВА
(эстетического воспитания),
С. ПАРСАДАНЯН
(семейного быта и досуга),
С. СИВОКОНЬ
(литературы и критики),
Е. СМОЛКО (школ).

Редакторы:

Г. БЕЛИКОВА,
Т. БУКАШКИНА,
Ж. БЫКОВА.

Зав. редакцией
Т. ПЕТРОВСКАЯ

Художественный редактор
Л. ШУВАЛОВА

Технический редактор
Л. РОЗАНОВА

Макет и оформление
художника Р. ТАБАЧНИКОВА

На первой и четвертой
страницах обложки
фото С. Ветрова

✉ Адрес редакции:
129278, Москва,
улица Павла Корчагина, 7
☎ Телефоны редакции:
283-86-14, 283-80-09

СЕГОДНЯ И ВСЕГДА	1	Т. Афанасьева. Хлеб и соль
НЕПОЛНАЯ СЕМЬЯ	2	А. Булгаков. Разговор с «амазонками»
ВОЗВРАЩАЮСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ	5	З. Гельман. Володя, Таня и все другие взрослые
	6	В. Лапин. Муж из 7 а
ВОЗВРАЩАЮСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ	28	В. Рахматшаева, Н. Осухова. Надеяться ли на советы?
ОСТРАЯ СИТУАЦИЯ	8	Э. Линчевский. «А мне нужно совсем другое»

ПОЧТА 11 «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»

ПРОЕКТ «САМАНТА»	18	В. Васильев. Руки — для объятий
СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!	21	А. Филатова. С миссией любви
ИСТОРИЯ ИЗ ЖИЗНИ	23	С. Коновалова. Мы, люди...
АЗБУКА ОБЩЕНИЯ	26	Ю. Гиппенрейтер. Почему с ними так трудно?
МУЖЧИНА И РЕБЕНОК	34	Б. Кочубей. Под отцовским крылом
НАШИ ЦЕННОСТИ	37	О. Сергей (Окунев). Что посеем...
КАКИЕ ОНИ, НАШИ ДЕТИ?	39	В. Тодрес. С мантрой по жизни?
ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	42	Е. Ополовникова. По мере сил
ПРОШУ СЛОВА!	45	Н. Дёгтева. «Учат в школе, учат в школе, учат в школе...»
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	47	М. Петровский. Януш Корчак в Киеве
КНИГИ	52	
ФИЗКУЛЬТУРА КАЖДОМУ — КАЖДЫЙ ДЕНЬ	53	А. Гурфинкель. Как рыба в воде
СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ	56	
ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ	64	В. Алексеев. Феофан Грек. К 650-летию со дня рождения
ДЛЯ МАЛЫШЕЙ		

Сдано в набор 10.05.90. Подписано в печать 30.05.90. А03432. Формат 84×108 1/16. Бумага «Котлас». Печать глубокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 12,93. Тираж 3051830 экз. Заказ 967. Цена 30 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по печати. 107847, Москва, Лефортовский пер., 8.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСТЕРА

Задумывая рубрику «Авторский почерк», мы собирались представлять в ней не просто мастеров, успешно работающих в нашей теме, но именно тех фотографов, снимки которых составляют лицо журнала. С этой точки зрения Сергей Ветров, безусловно, фотограф № 1 «Семьи и школы». Впервые в журнал Ветров пришел в 1971 году, когда еще учился в Школе-студии МХАТ. Сергея сразу послали снять фотоочерк об очередном выпуске в одном из ПТУ Днепропетровска, послали, в общем, без особой надежды на что-нибудь толковое. «Новичок» же сразу такое обилие материала и такого качества, что его сразу зачислили в творческий актив. «Зачислили», конечно, не означает, что внесли в некий реестр, просто первым же репортажем Ветров показал: он и может, и должен печататься в «Семье и школе». А надо сказать, что в те годы попасть на страницы периодики было не всегда просто. Точнее, напечататься раз, другой — это было нетрудно, хотя и не многого стоило, важно было стать постоянным автором. «Новичок» для нашего журнала, Ветров отнюдь не был таковым в фотографии и в фотожурналистике. Как он сам любит рассказывать, первый снимок был им сделан в шесть лет — первым своим фотоаппаратом «Любитель». В десять лет у него уже была «Смена», потом были и другие аппараты, но, главное, были снимки — разные и многообразные.

С. ВЕТРОВ

Фото С. Ветрова

Тамара АФАНАСЬЕВА

ХЛЕБ И СОЛЬ

Наша пословица: «Инициатива наказуема». Удивительно точно подмечено и то, что, может, самая таинственная категория людей — не те, кто «высоставляет», у всех на виду, лидеры, но, напротив, те, чей облик нечетко очерчен, голос глуховат, движения экономны. Вот только аттестация их — посредственности, пожалуй, скоропалительна и не очень точна. Хотя тут есть словесный подвох. «Посредственность» — это то, что находится посередине крайностей.

Художники, поэты, писатели, которые во многом определяют наши отношения к разным явлениям и характерам, всегда стремились воплотить в своих произведениях образы личностей неординарных, ярких, порой — запредельных. И менее всего их привлекала норма. Медицина и психология тоже интересуются аномалией, болезнью, но никак не здоровьем. Только в последние годы медики повернулись в эту сторону. Выдающийся наш хирург, академик Н. Амосов создал учение о здоровье. Зато у философов древности к норме отношение было уважительное и заинтересованное. Так, Аристотель называл середину «золотой» — в отличие от художников, именующих ее «серой».

Говоря о лидерах, можно перефразировать известное выражение: они — соль земли, теин в чаю и т. п. Но ведь не они — хлеб насущный. Норма и есть хлеб, воздух, вода живой жизни. Без соли пища пресная, но все же не соль — основа существования.

Представьте такую картину: живет великий Конструктор С. Королев, но рядом с ним нет сотен и тысяч инженеров, строителей, рабочих, не могущих придумать ракету, но способных материализовать ее проект, используя знания и навыки, нередко недоступные самому первооткрывателю. Чего тогда стоят эти фантазии, проекты? Я не случайно назвала самый распространенный тип: вершители-исполнители. Вершители всех высоких и низких замыслов и идей.

Сколько гениальных откровений пропало бесследно оттого, что их творцы не увлекли своей придумкой «средняков». В любой сфере знаний и дел основная сила — они. И сколько бы ни рвались ввысь ретивые кони прогресса, скорость все-таки определяют трудовые массы, их способность и готовность воспринимать новые знания и приемы работы. А возможности здесь тоже оказались беспредельными. Доказательство тому — вовлечение в современное производство с умопомрачительными техническими сложностями миллионов простых тружеников. Ведь еще век с небольшим назад знание интегрального исчисления давало право на звание профессора европейского университета, на всеобщее почтение и восхищение премудростию

того, кто освоил эту науку. Теперь же интегралы лихо щелкают студенты техникумов и вузов. И никакого восторга и наград. Дело обычное.

У человечества все выше поднимается планка середины. И заставляет осторожной раздавать оценки, чтобы не оказаться смешными в глазах потомков. Самые дальновзорные корифеи всегда воздавали должное этой плодородной почве, на которой произрастали сами, и признавали изначальность народной мудрости и смекалки. О поэтической стихии народных сказок не уставал повторять А. Пушкин. О «Педагогическом гении народа» говорил Д. Ушинский. О том, что музыку творит народ, а композиторы ее только аранжируют, заявил М. Глинка. У нас нет оснований не верить их оценкам.

А в понятие НАРОД для меня собираются те люди, в которых воплощаются душевная сила, мудрость, стойкость, красота, здоровье нации. Но отнюдь не одни создатели необходимых средств пропитания и проживания, занятые физическим трудом, как это принято считать многими приверженцами вульгарно-социологического классового подхода. Потому для меня народ — это няня Татьяны Лариной и сама Татьяна, Гринев и Савельич, чеховские герои: военный Вершинин, директриса гимназии Ольга и ее нетрудящиеся сестры, толстовские: крестьянин-философ Платон Каратаев, граф Пьер Безухов и Наташа Ростова.

Однако норма, как и лидерство, отнюдь не даются нам с рождения. До нее тоже нужно дорасти и на ее отметке удержаться, когда исторический поток смывает плодородный слой в овраг, в канаву. Соблазны, примеры облегченной и безответственной жизни в свое удовольствие без конца сотрясают наши устои. И лукавая черная зависть нашептывает грешные желания, которые подрывают здоровье и мутят душевную ясность. Так что и в этом состоянии «покой нам только снится». Но не верьте высокомерным острословиям, будто «средняки» не стоят уважения. Он тогда его не заслуживает, когда сам не ценит и не имеет устойчивого стержня, клонится в любую сторону, куда ветер по сильнее подует. Но с такими свойствами не ценится и талантливый человек.

Высокая приспособляемость к меняющимся условиям, жизнеспособность — замечательные свойства нормального человека, но, как любые иные, могут из достоинства превратиться в существенный недостаток. И тогда становятся источником народных же бедствий.

О «сильных ветрах», дующих при диктаторских режимах, мы нынче много говорим. В нашей стране они выветрили, выстудили родные дома и души. И тогда «сред-

няка» оказался вовлеченным в нечеловеческую работу по взаимному самоуничтожению. Но опять же это были отнюдь не одни безымянные и безликие охранники, костоломы, тюремщики, в которых постепенно перекалцифицировались крестьяне, рабочие, ремесленники. Но и профессора-ученые, угодливо подводящие марксистский базис под действия энквэдэшника, артисты-писатели, славившие такие социальные изобретения, как концлагеря, где «перековывались» или стирались в лагерную пыль миллионы соотечественников.

И в тех адских условиях можно было разглядеть носителей народной, нормальной силы и стати, вроде главного героя повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», простого оборотистого мужичка, и другого персонажа — морского офицера, у которого следователи не смогли отбить (в прямом и переносном смысле этого слова) чувство собственного достоинства, чести, независимости. Хотя проявлялись эти свойства у каждого на свой лад. Оттого они, по первому взгляду, казались представителями разных народов.

В некоторых публикациях, выступлениях официальных лиц можно прочесть, что наши современники утратили многие извечные человеческие достоинства и нравственные принципы и что необходимо их восстановить. Что же это за общечеловеческие ценности, которые теперь ставятся даже выше классовых, национальных и иных частичных (партийных тоже, поскольку в переводе на русский «партия» и означает — часть) установок? Да ничего особенного, поскольку они — для всех, а не для исключительных особей (это — и тавтология, и каламбур).

Означают они уважение к любому человеку, вне зависимости от его социальной, национальной, политической, религиозной, половой, возрастной и иной принадлежности. Уважение к его правам, прежде всего — на жизнь, на условия обитания, его достойные, на любовь и семью, на свободный труд, на развитие способностей, на веру или неверие, на беспрепятственное перемещение по своей стране и по всей планете и т. д.

«Настанет ли то времечко? Приди, приди, желанное!» Впрочем, заклятиями тут делу не поможешь. Потому что эти требования сплошь и рядом оказываются не по росту даже гигантам, не то что нам, простым смертным. То на иноверца косо глядим, то над старым и малым куражимся, то держим за полу того, кто так и рвется за моря-за леса, в чужие страны. Сами в шорах выросли и детей на коротком поводке держим.

Чтобы себя перекрестить, не одному поколению стараний и усердия достанется. И опять не какие-то сверхъестественные требования к нам предъявляет время. Быть честными, добросовестными, трудолюбивыми, сострадательными, бережными к инакомыслящим и инакочувствующим, самостоятельными и бесстрашными в отстаивании собственного достоинства... Набор, прямо скажем, известный, даже оскому набивший. Но что делать — много все человечество за свою историю не изобрело, не выдумало. Да исполним мы хоть эти заповеди, не рвись в облака, то-то рай воцарился бы во человеках. А ведь это — НОРМА, заповеди для середняка, не для героя.

Изучая биографии великих деятелей, часто замечала, что и в их натуре не все безупречно, не хватает то одного, то другого достоинства из здесь названных. А иные, напротив, гипертрофированы до крайности: например стремление к самостоятельности, независимости, творческое бесстрашие. Оттого наш скорый суд выносит им приговор: деятель выдающийся, а человек — сложный, а то и более резко: эгоистичный, недобрый, самоуверенный и т. д. А про носителя нормальных качеств говорят тоже не без осуждения: человек хороший, достойный, но звезд с неба не хватает, птичка невысокого полета.

Вот и причина для внутреннего беспокойства самолюбивых молодых людей: кем же быть лучше? Хорошим, но невысокого полета или неудобным, трудным для близких, но выдающимся в какой-то сфере деятельности? Ответить на этот вопрос приходится каждому, причем — самому. Мне же хочется пожелать: нужно перестать пугаться и стыдиться быть нормальным человеком. Повторяюсь: на него долго учиться нужно и еще очень постараться заслужить это высокое звание.

Несколько слов читателям, прежде чем они отправятся в дальнейший путь по нашим страницам...

Журнал — не учебник и не сборник на ту или иную «заданную тему».

И тем не менее, почти в каждом номере обнаруживается средство, устанавливается взаимное притяжение каких-то публикаций. И не оттого, что редакция сосредоточена на нескольких своих излюбленных темах, а других и не замечает. Большинство наших тем звучат «с вашего голоса» — они названы в читательских письмах, просьбах, выступлениях. Вот и два из четырех материалов, входящих в наш первый тематический «блок» — это обзор, анализ, сопоставление тех мнений, которые высказаны вами, нашими читателями.

А о чем сам этот «блок»?

В не столь давние годы, когда предпочтительны были определения возвышенные, можно было бы назвать его «трудности первой любви».

Но читатель, пожалуй, скажет, что ситуации, о которых рассказывают З. Гельман, В. Лапик, да и многое из того, о чем говорится в обзорах А. Булгакова и Э. Линчевского, и любовью-то называть не хочется. Не будем спорить о словах; но коли уж нередким итогом таких «чрезвычайных ситуаций» оказываются дети —

о их судьбе будем и думать, прежде всего, а не об оценках и разборах — кто и что «проглядел». Что бы там ни было с их юными и непутевыми родителями, рождение каждого нового человека «даст миру шанс» — шанс на его счастье.

Если только мы будем добры к нему...

Заметки В. Васильева и А. Филатовой, короткие рассказы С. Коноваловой — они вроде бы и не о воспитании «как таковом».

Но они о том, что составляет «воздух воспитания» — атмосфере добра, душевного тепла, доброжелательности. Без всего этого никакие самые правильные

«Правила жизни» ничего не сделают. Разговор о духовных основах жизни

продолжают беседы отца Сергея, заметки В. Тодреса, Е. Ополовниковой, Н. Дегтевой. Что является истинно

духовной пищей, а что — суррогатом ее (если не отравой) — так важно,

так неотложно понять это — ведь действие этой отравы все очевиднее проступает сегодня — в росте преступности,

в приливах жестокости, в глухоте к облику и голосам других.

Вот те несколько кратких «путеводных указаний», которые захотелось высказать нам в начале июльского номера...

РАЗГОВОР С «АМАЗОНКАМИ»

Алексей БУЛГАКОВ

Наступает ли снова век «амазонок»? Век прекрасных, но воинствующих женщин, которые, как донесла до нас древнегреческая мифология, вступали в контакты с мужчинами лишь ради продолжения жизни своего однополорожденного племени.

Этим вопросом мы задались после того, как свердловчанин Павел Васильевич К. рассказал о своей 27-летней дочери Вике (№ 8. 1989). Вика решила родить ребенка от своего знакомого Олега, не выходя за него замуж. Отец решительно возразил против такого шага дочери. Из разговора Вика узнала, что в молодости ее отец, Павел Васильевич, сам стал внебрачным отцом и мучился этим всю жизнь.

Рассматривая эту ситуацию, мы увидели, что не так все просто в треугольнике «мужчина — женщина — внебрачный ребенок», попросили читателей журнала высказать свои суждения: хоть таким образом попытаться уловить общественное мнение по этому поводу. Ведь не секрет, что проблема внебрачных детей не только все еще не изучалась, но и долго замалчивалась. В результате из-за недоговоренности и невыговоренности нагромодились целые горы негативных эмоций, заблуждений. И письма читателей говорят о том, что разговор мы завели животрепещущий.

Общая характеристика писем-откликов: более трех четвертей — от женщин. В большинстве из них читательницы нещадно ругают мужчин — отцов их детей. Примерно в трети писем, и мужских, и женских, предъявляется счет к государству, которое поставило в «неродительские» условия либо мужчин, либо женщин, либо тех и других. И, наконец, есть письма, в которых осуждается позиция Вики и таких, как она, матерей-одиночек.

«Прочитала статью «Современные «амазонки»?», и очень меня взволновало поведение Вики, — пишет Т. Ершова из Кыштыма Челябинской области. — Я бы никогда не позволила такого ни себе, ни дочерям. Раньше девушка, случайно забеременев, чтобы избежать позора, кончала свою жизнь, если парень ее не брал в жены. Хочет ли Вика действительно ребенка, если сразу собирается спихнуть его своей маме? Почему она не думает об Олеге? Ведь она же исковеркает ему жизнь, он потеряет веру в девушке».

Некоторые, увя, восприняли наш материал как науськивание на таких, как Вика. Уж очень сильна в нас привычка разоблачать, громить, приговаривать. Между тем это — драма Вики и миллионов других женщин, которые не могут, не умеют жить с теми, кого им предлагает судьба; в то же время природа властно требует от них свое — продолжение рода человеческого. Не знаем мы, насколько выстрадано это решение Вики.

Иные читательницы надеются, что Вика, когда станет матерью, одумается, поскольку осознает драматизм своего положения, а больше — своего ребенка. Е. Романова из Курганской области, оставшаяся несколько лет назад одна с болезненным

ребенком, полагает, что на ее месте Вика не решилась бы на такой поступок, советует ей как следует еще раз все взвесить, быть ответственным и за ребенка, и за его отца; а когда родится ребенок, уверена Е. Романова, Вика сама поймет, какое счастье — иметь полноценную семью.

В самом деле, можно понять женщину, если она не стремится выходить замуж за человека пьющего или гуляку, который готов едва ли не на следующий день после свадьбы устремиться за другой юбкой. Но вот ведь нередко что можно наблюдать в жизни: девушке предлагает руку и сердце один добрый молодец — следует отказ, другой — снова отказ, затем еще и еще, но она, теперь уже молодая женщина, все не в браке. В крайнем случае, охладает на короткое время «сходить замуж». Все женихи были плохи? Что ж, по теории вероятности и это возможно. Но все чаще женщина отказывается и от вполне достойного мужчины вроде Олега, потому что не может любить его, уметь с ним сожительствовать (в психологическом смысле).

Согласитесь, отказ от замужества женщины — более озадачивающее явление, чем отказ от женитьбы мужчины. Особенно тогда, когда она тем не менее хочет иметь ребенка и решается иметь его, не спрашивая на то согласия мужчины. И подобная тенденция, увы, нарастает. Почему? Однозначного ответа, разумеется, нет. Но отклики на статью «Современные «амазонки»?» высвечивают некоторые грани проблемы.

«Я воспитывалась без отца, мой бывший муж тоже рос лишь с матерью. Когда мы расходились, он сказал: «Я же вырос без отца, и моя дочь вырастет». Сам теперь живет с четвертой женщиной. А недавно и дочь заявила, что родит ребенка, а замуж выходить не будет, и таких разговоров среди девушек много, особенно в неполных семьях. Я-то хоть не виновата в безотцовщине дочери, но специально рожать без отца?.. Как же нужно не любить еще не зачатого ребенка! Пусть такие, как Вика, лучше берут сирот и растят их. Это очень большое несчастье, когда ребенок растет без отца. Нельзя идти против природы, иначе с нами произойдет то же, что мы сделали с нею» (без подписи, г. Рязань).

Но может ли женщина, которая задумала растить ребенка без отца, воспитать его лучшим семьянином, чем она сама? Почему часто именно оставшиеся без отцов дочери, как подметила жительница Рязани, не хотят выходить замуж? Обратимся к письмам.

«Своего отца я видела раза два-три, никогда не умела наладить отношения с парнями, не знаю, каким должен быть отец, муж. Мне очень одиноко, я хочу замуж, но переступить через себя, начать активные поиски спутника жизни не могу, хотя подруги говорят, что я симпатичная. Сейчас мне двадцать, но я еще в 16 лет решила, что рожу ребенка. Тогда будет для кого жить» (А. Ю., Свердловская обл.).

«Я родилась у матери-«амазонки», отца никогда не видела, — рассказывает Нина К. из Перми. — Знаю только: моя мать отца не уважала. Может быть, он этого заслуживал, однако она вообще к мужчи-

нам очень критична... Но вот я встретила парня. Мать стала внушать, что он мне не подходит и, наконец, сумела внушить. Мы расстались. Теперь мне 27, сколько и Вике, но отношение с мужчинами не получается: наверное, мамин отношение к ним мне перedalось. Если я решу родить ребенка, то, в отличие от Вики, сделаю так, чтобы мужчина не узнал о моем решении. И мне будет спокойнее, и ребенку не в чем будет упрекнуть отца. Ничего — ни материальной помощи, ни моральной поддержки — требовать от отца ребенка не буду. Ведь я же захотела ребенка, а не он».

Ну а что, возникает вопрос, если сын Нины К. не смирится с полусиротской судьбой и захочет, когда подрастет, во что бы то ни стало найти отца?..

Итак, А. Ю. и Нина К. подсказывают две причины, почему они не вышли замуж. Отсутствие опыта общения с мужчинами в детстве создает психологические трудности в контактах с ними и во взрослом возрасте. Нетерпимость матери к мужчинам может передаться дочери.

В отличие от спокойного тона письма Нины К., чувствуется, что среди откликнувшихся женщин много «амазонок» воинствующих, которые, на какого мужчину ни посмотрят, — «если он не пьяница, то дурак, если не дурак, так развратник. Если ни то, ни другое, ни третье, то просто не способный к семейной жизни человек» (без подписи, Киев). Вообще женские отклики в целом агрессивнее мужских. Особенно упорно в женских письмах слово «подлец». Даже Павел Васильевич, отец Вики, удостоился этого «звания».

Письмо Людмилы Ильиничны (назовем ее так) из Хабаровска звучит бодро, но когда его прочтешь до конца... Мать троих дочерей рассказывает:

«Как и Вика, я задумала родить без мужа. Но реакция близких была отрицательной. Тогда я вступила в законный брак с человеком, не вселявшим радужных надежд на семейное счастье. И действительно, семья наша развалилась очень быстро, он оказался ответным негодяем, не простила моей доброй «порочности». После этого я презрела законный брак и от двух солдат, ночевавших на вокзале, украинца и узбека, родила еще двоих дочерей. Наряжаю их как кукол, всем назло. Трудности главным образом в том, что дети растут без материнского присмотра: необходимо зарабатывать на жизнь. А так ли много времени уделяют своим детям нерадивые родители? Нет среди знакомых замужних ни одной, которой я завидую. Как говорится, лучше семнадцать мгновений со Штирлицом, чем всю жизнь с дураком».

Создается впечатление, что «антимужская заряженность», которой пропитано все письмо, было вселено в Людмилу Ильиничну еще в детстве. Почему так вышло? Письмо на этот вопрос ответа не дает.

В письме Людмилы Ильиничны все время ощущается вызов обществу: назло всем завела дочерей от случайных солдат, наряжает их как кукол... То-то и оно, что дочери для матери — скорее игрушки, которым не хватает даже материнского внимания. Уж не говоря об отцовском. Тем не менее дочери, как считает мама, вполне счастли-

ливы. Ох, не верится, если само появление их стало неким орудием мести и протеста. Выросшие в «биополе» неприятия мужчин, не повторяют ли они, как это часто бывает, судьбу матери, не смогут завести полноценную семью?..

Выходить замуж или не выходить, рожать вне брака или не рожать вовсе — это решает каждая женщина индивидуально. Но в любом случае шквал негативных эмоций по отношению к отцу, обрушившийся на сына или дочь, — «диверсия» по отношению к самому ребенку. Вообще передавать из поколения в поколение ненависть и презрение к мужчине — это тупик. Гибель общества. И если мужчины так плохи — ответственнее надо выбирать отца своего ребенка.

Лексикон и приемы воздействия наших современниц на мужчин стали уж очень боксерскими — и в переносном, и в прямом смысле. Чересчур много переняли они из арсенала не очень джентльменского мужского обхождения. И отпор нынешняя мадонна нередко получает еще менее интеллигентный. А между тем в прошлые времена, о которых мы теперь ностальгически тоскуем, женщина имела влияние на мужчину отнюдь не меньшее, чем сейчас, причем без топая ногой и угроз. Брала... мягкостью и той особой женской «слабостью», перед лицом которой мужчина чувствовал себя защитником и опорой. И еще, как ни покажется кому-то странным, уважением к мужчине брала...

Пожалуй, из всех дефицитов в нынешнем обществе этот — самый большой. «Биополе» уважения в нем разорвано в клочья, растерзано до предела. Не может без него никак мужчина, прямо-таки теряет свой человеческий облик. А сейчас явно ему не хватает уважения и к самому себе, и со стороны окружающих к нему, в том числе женщин. Вот ведь как причина и следствие переплелись. А разве вы не заметили: чем больше мужчину ругаешь и презираешь, тем хуже он становится?

Если спросить каждую женщину, каким она хочет видеть своего избранника, ответ будет в конечном счете сводиться к одному: уважаемого окружающих и уважающего самого себя. Но учтась-то уважать себя отнюдь не в 25 лет, а ровно на четверть века раньше, в собственной семье, рядом с матерью, рядом с отцом...

«Но как нынешних мужчин можно уважать, ведь матери-одиночки в основном появляются из-за непорядочности мужчин», — возражает Валентина Ш. из Усть-Каменогорска. Говорят читательницы также об агрессивности нынешних мужчин, об их эгоизме, индивидуализме.

А в каких семьях индивидуалисты вырастают? Возьмем нашу Вику. Отринув Олега, она будет растить сына одна. А за Олега — предположим, ему повезло — вышла замуж другая женщина, создала с ним полноценную семью, стремится, чтобы ему с ней было хорошо, растит вместе с ним сына. Так вот из двух этих братьев по отцу у какого парня, при прочих равных условиях, больше опасность стать индивидуалистом? Я думаю, все-таки у сына Вики. Потому что он будет видеть мать одинокой индивидуалисткой, не увидит заботливого отношения отца к его матери, а матери — к отцу. Разумеется, разговор идет в общем плане, в жизни

могут встречаться разные повороты.

Что касается агрессивности мужчин, на один из ее истоков красноречиво указывает письмо от ленинградца, не назвавшего своего имени:

«Мы с женой разошлись после десяти лет жизни, — пишет автор, — но ребенок, по нашим дурацким законам, должен оставаться обязательно с матерью, а мы так многого с дочкой добились, она видит во мне друга. Что-то во мне сломалось, выпрямлюсь ли?»

И далее житель города на Неве сетует, что на страницах журнала редко увидишь статьи про мужчин и для мужчин, про отцов и для отцов, хотя на обложке написано: «Журнал для родителей». «А отец — разве не родитель? Когда вы рассказываете только о женщинах, во мне все кипит», — заключает читатель.

Что ж, упрек, что наш журнал все более становится изданием для женщин, видимо, надо принять к сведению.

Ну а что вызывает агрессивность? Вообще-то, многое. Прежде всего, угроза не быть услышанным, когда крик, протест, просто мнение рвется из души, но заранее ясно, что ни до чьих ушей, тем более душ он не дойдет. Во-вторых, — бессилие, заведомое положение виноватого из-за заданности, схематичности общественного мнения на все случаи жизни, следование людей готовым стереотипам («женщина всегда права», «ребенок должен быть с матерью», «не приходит к дочери — не годяй») и как крайняя степень упрощения — «все они одинаковы»).

Кстати, печать предвзятости лежит и на отзывах некоторых читательниц о Павле Васильевиче, отце Вики. Немало выдвинуто против него обвинений, основанных лишь на домыслах, на весьма отдаленных ассоциациях истории Павла Васильевича с положением, в котором оказались наши корреспондентки. Ну, например, не верят тому, что ему была закрыта дорога к сыну: мол, он ее и не искал.

Предвзятость — главный враг взаимопонимания. Заведомая заданность оценок на основании сложившихся стереотипов не дает воспринимать ситуации в каждом отдельном случае по-своему, что совершенно необходимо для установления отношений с кем бы то ни было. Вообще мы как-то не привыкли разбираться в подобных ситуациях, наверное, не умеем, — понимают, слишком болезненный вопрос, захлестывают эмоции. И поэтому по поводу внебрачных детей или отмалчиваемся, или гневаемся. А тем временем число таких детей катастрофически растет.

Но вернемся к письму ленинградца. Рискую оказаться не всеми понятым, но тем не менее выскажу то, в чем убежден. Понимаете, у нас все время идет разделение: о ком думать больше, о ком меньше, к кому надо быть чутким сегодня, а кто может и подождать. И забота государства носит характер кампаний: в этой пятилетке надо обратиться лицом к детям, а в следующей — уделить внимание женщинам. Пятилетка заботы о мужчинах еще не настала. Между тем мужчина нынче очень не в своей тарелке — сами женщины пишут об этом. Да и рост агрессивности мужчин в первую очередь говорит о том же. Тенденция далеко не обнадеживающая:

мужчина все слабеет (а агрессивность — признак слабости), теряет вес в обществе. А как мы реагируем на это неблагополучие? Да очень прямолинейно: еще больше мужчину поносим и награждаем злобно-презрительными и ругательными эпитетами в очередях, на кухнях, в печати — везде, при каждом удобном и не очень удобном случае. А результат — обратный, негодование женщин только сгущает атмосферу. Потому что речь уже о серьезном социальном явлении, а не об отдельных прегрешениях или вывихах.

И вообще агрессивность никогда еще не рождала ничего другого, кроме ответной агрессивности. Но почему-то нам в голову не приходит прежде всего заглянуть, что в душе мужчины творится, почему ему так неудобно в нынешнем мире. Почему так стремительно растет число разводов по инициативе женщин (и отклики на очерк о «амазонках» еще раз это подтверждают)? Поверьте, вовсе не стремлюсь выторговать какое-то особое внимание для мужчин. Говорить надо о чуткости и доброжелательности к человеку вообще, не ставя то одних, то других в привилегированное положение. И разве не в интересах самих женщин и детей, чтобы мужчина обрел душевное равновесие, истинное чувство собственного достоинства, а не пошлое геройство? Именно из-за отсутствия уважения к самому себе, доброгостеплюбия и проистекает нередко та безответственность мужчин, о которой пишут некоторые наши читательницы.

А почему, в самом деле, так много отцов, которые даже не позвонят матери, не интересуются, как живут их дети? Не все же они поголовно безответственны. Что скажут по этому поводу сами мужчины? Прочитаем еще одно письмо.

«Когда мы сошлись с Н., нам обоим было далеко за тридцать. Я был разведен, у нее тоже никого не было. Хотя и я не строил относительно нее никаких планов (и не скрывал этого), и она безответно любила другого, встречались, как она сама сказала, «ради физиологии». Дала понять, что и ребенка в такой ситуации не хочет. И все-таки я с нею расстался: что-то в наших отношениях было недостойное. А вскоре она пришла и сказала, что беременна, хотя, по всем расчетам, этого не должно было случиться. Я упрашивал ее сделать аборт, но безуспешно. И вот моя жизнь раскололась на две части: до рождения дочери и после... Нет, я ничего не имел бы против дочери (у меня — сын), но от другой женщины. Очень часто думаю о дочери, иногда страшно тяжело на душе, но какая-то большая сила не дает к ней поехать. Никого не обвиняю, проклинаю лишь себя, однако не оставляет ощущение, что произошла какая-то роковая несправедливость. От «прокола» никто не застрахован. Но у женщины, если она не хочет от конкретного мужчины или по каким-то причинам не может иметь ребенка, всегда есть в запасе крайняя мера — аборт. А какая крайняя мера у мужчины? Один выход: удалиться и терпеть занозу в сердце, что где-то, как пишет А. Булгаков, «растет, радуется, страдает его кровное существо». Иногда

хочется крикнуть неопытным мужчинам: будьте осторожней с женщинами, если не готовы жениться, не давайте им возможности забеременеть» (К. Т., Минск).

Автор письма, судя по всему, не подлец, не дурак, не развратник и не пьяница, а вот к дочери его ноги не идут. И мы должны понять, почему не идут, разобраться спокойно и без злобы, без наклепывания ярлыков, преодолев стереотипы мышления. Не думаем, что Н., познавшая материнство, жалеет о случившемся. Другое дело: опять же осталась без отца девочка. Но почему так труден путь к дочери минчанина К. Т.? Отчего Павел Васильевич не женился на однокурснице? Выскажу одну из версий.

Мужчина, особенно самолюбивый, никак не может примириться с тем, что важный жизненный вопрос решен без учета его желания и мнения. Что кто-то не «с ним» предполагает построить семейное счастье, а «из него». Вот и Вика не с Олегом вместе хочет завести ребенка, а с использованием Олега — для себя. Чувствуете разницу? Именно эта разница, видимо, оказалась тем барьером и в случае с К. Т. из Минска. Конечно, можно его упрекнуть, что для него собственное «я» важнее счастья ребенка, что он не может перешагнуть через свою гордыню. Но, может быть, вместо того чтобы заставлять перешагивать барьеры, которых и так в нашей жизни более чем достаточно, попытаемся их друг для друга не создавать?

Когда мужчина сулит женщине золотые горы, клянется в вечной любви, а в трудной ситуации ее бросает — тут наша реакция однозначно отрицательная. У мужчины, принуждающего женщину к близости, и у женщины, которая стремится завести от мужчины ребенка, скрывая свое намерение, цели, конечно, несоизмеримы. Но есть одно общее: партнер в обоих случаях — лишь средство для достижения цели. Можно ли вообще совершить что-то возвышенное и благородное, если при этом использовались уловки, неуважение к свободе личности?

И среди мужчин, и среди женщин тревожно усиливается ощущение: человек — это я, остальные — материал для моего преуспеяния в жизни. Отнюдь не хочу сказать, что раз сейчас говорим о Вике, значит, считаем женщину эгоистичнее мужчины. Но первые месяцы родившегося человека проходят на руках женщины, и формирование его психики, становление личности, а следовательно, зарождение предрасположенности к добру или злу, доброте или жадности, отзывчивости или эгоизму, смелости или трусости начинается под чутким и мудрым началом матери. От нее, стало быть, в немалой степени зависит и возникновение в сыне чувства собственного достоинства. Можно сказать, с рождением ребенка каждый раз человечество на 1/6-миллиардную часть начинает свою жизнь заново. Ответственность огромная. И если говорить о распределении ролей, то можно сказать так: женщины влияют на общество больше психологически, а мужчины — экономически и политически. От женщин гораздо больше, чем они подчас думают, зависит, какими мы все будем в следующем поколении.

З. ГЕЛЬМАН,
учитель,
кандидат химических наук

ВОЛОДЯ, ТАНЯ И ВСЕ ДРУГИЕ ВЗРОСЛЫЕ

Жаль, что не могу назвать настоящую фамилию героя этого очерка: я связан словом. А ведь я им горжусь. Он первый из моих учеников защитил диссертацию и стал кандидатом химических наук. Да не в этом дело...

Почему я решил рассказать эту историю. В моем педагогическом, да и вообще жизненном опыте не было истории, более меня поразившей. Она осветила для меня такую гамму красок человеческой души, которую я, новоиспеченный тогда учитель, никак не ожидал увидеть. А совсем недавно, то есть почти через два десятка лет, у нее оказалось неожиданное продолжение. По крайней мере для меня.

Представить себе обычную московскую школу двадцатилетней давности нетрудно: увя, она почти не изменилась. Володе Мохову не было еще и тринадцати. Но через несколько месяцев он должен был стать отцом. Лучший ученик школы, ее крада и гордость, активный член совета пионерской дружины, спортсмен и гитарист был взрван на педсовет.

«Расскажи, как это все

случилось. Мохов?» — на вопрос директора школы все восторженно и приоткрылись слушать, хотя все уже знали.

Итак, очень хороший мальчик неплохо знал английский и французский языки, играл на фортепиано и гитаре, читал стихи. Не очень хорошая девочка Таня Евгеньева (точно знали, что она покуривает на переменах и часто прогуливает уроки), одноклассница этого мальчика, была на два года старше, но зато умела петь под гитару и танцевать. Кому-то показалось, что Таня и Володя могут составить неплохой певческий дуэт. Причем если Володя подучит Таню более или менее сносно произносить слова американских или французских песен, то и в серьезном смотре художественной самодеятельности эта пара участвовать сможет.

Уговаривать долго не пришлось — одной хотелось петь популярные западные песни, другому, школьному активисту, не к лицу было увильнуть от порученного дела. Спевки (пока без кавычек) начались. Сколько они продолжались — за давностью лет и не при-

помню, но в итоге пара «спелась».

Не берусь, право же, винить в этом «ни хорошего мальчишка», ни «не очень хорошую девочку». Но вот тогда, в учительской, более всего наседали на юного «героя», ибо беременная Таня по причине понятного нездоровья вскоре покинула заседание. А часто произносимое «родители» относилось не к провинившимся мальчику и девочке, а к присутствовавшим здесь же родителям Володи и матери Тани.

Таня мама шумела, ругала своего бывшего мужа, в суд грозила подать на родителей Володи. На тех же смотреть было страшно. С Моховым старшим, художником по профессии, я успел познакомиться еще в начале учебного года. Он состоял в школьном родительском комитете и сам вызвался помочь оформить кабинет химии. Ему было немногим за тридцать. Примерно столько же и жене. Но там, в учительской, дышавшей трагедией, они оба выглядели постаревшими и все время молчали.

Честно скажу, Володю мне было искренне жаль.

Думаю, к нему вполне подходили слова из «Обломова»: «Душа его была еще чиста и девственна; она, может быть, ждала своей любви, своей пары, своей поэтической страсти». А Таня совсем не напоминала ждущую ребенка Кити из «Анны Карениной».

И тем не менее, как «все это» случилось, объяснить пришлось именно Володе, хотя объяснить толком он ничего не мог. Его глубокое потрясение было совершенно очевидным. Однако любопытство некоторых учителей оставить неудовлетворенным оказалось невозможно. На «провинившегося» наседали... И Володя сказал... Но что он мог сказать? Пели песни у Тани на квартире... почти неделю. Таня хотела танцевать, а он не умел. Под пение и музыку Таня почему-то раздевалась... И вот однажды...

Разбирательство, конечно же, ничего не дало. А вот природа брала свое — через три месяца Таня благополучно разрешилась от бремени. Далее события развивались стремительно, как в кино.

Мальчика из роддома забрать она отказалась — на этом настояла мать Тани — «бабушка», которая бабушкой стать не захотела. «Что ж, судьба есть судьба», — рассудили Моховы-старшие и взяли внука в семью. Назвали Сережей и... усыновили. Так, семиклассник Володя приобрел «родного брата» в лице собственного сына.

И чтобы, как говорится, концы в воду, вся семья Моховых покинула столицу и переехала в один северный город. Полагали, что навсегда.

Но вот год назад случилось невероятное — мне позвонил Володя и пригласил в гости. Оказывается, в Москву приехала вся семья Моховых-младших: Володя, его жена Света, дочка Катя и... «брат» Сережа.

Первое, что меня поразило, — как похож Сережа на своего родного отца, которого считает братом! Потом спохватился: а разве братья не бывают похожими? Я совсем успокоился, когда увидел их отношения — вполне братские, даже без «пне-

тета» младшего перед старшим! «Вовка» да «Серрежка» — наиболее частые обращения.

Я чувствовал, Володе хочется выговориться. Когда остались наедине, он поведал, что оказывается, Света, жена его, ничего не знает о том, что произошло с ним в далекие годы детства. «И Сережа ни о чем не подозревает. Для него трагедии нет. Он счастлив...» Секунду помедлив, он слегка усмехнулся и продолжил: «Света — жена чудесная! Но женщинам свойственна разговорчивость. Одно-два лишних слова подруге, соседке и молву не остановить. Зачем рисковать счастьем... — он на секунду заппнулся, а потом произнес твердо: — ...родного сына». Я понял, что «Серрежка», «Володька» — все это внешние детали отношений. Все это для Сережи. Так ему лучше, так не догадается никогда.

Каких душевных сил это стоило, какие веревки приходилось из себя вить, чтобы ненароком не выдать чувство, переполняющее сердце через край! ...У меня с Сережей установились хорошие, почти деловые отношения, благо он поступал в вуз химического профиля, и мой опыт учителя и экзаменатора оказался ему весьма кстати. Вскоре он стал студентом. Но на этом история не кончается.

Бывшую свою ученицу Таню Евгеньеву я иногда встречаю. Живет она и работает недалеко от моего дома. Однако сюрпризы, которые преподносит жизнь, иной раз кажутся неправдоподобными...

Итак, Таня образца прошлого года — это весьма симпатичная, если не сказать красивая женщина, которая не может не нравиться мужчинам, но выйти замуж ей не просто, ибо преуспевающие женихи (а именно такой ее устроил бы) на дороге не валяются.

А наша встреча произошла как раз на дороге. Вернее, на тротуаре, недалеко от табачного

Муж из
За

Окончание см.
на стр. 17

Проблемы сексологии, полового просвещения и воспитания детей — какие это острые проблемы? Хорошо, что об этом сейчас пишут, но сколько еще несказанного. Боймся? Продолжаем быть ханжами? Делаем вид, что у нас «ничего такого» нет? А как же быть с фактами, которые упрямо лезут из жизни?

— Тринадцать (!) детей из каждой тысячи новорожденных в Белоруссии сегодня не доживают до одного года, — назвал мне печальные данные главный акушер-гинеколог Минздрава БССР *Дмитрий Михайлович Михнюк*. — У нас еще хорошие цифры. В некоторых союзных республиках из ста новорожденных погибают трое или четверо. Там главная беда — болезни, большей частью, как вы понимаете, связанные с климатом Средней Азии, бытом людей. В Белоруссии первопричина бед с малышами — аборт школьниц и студентов. Не верится? Вот подумайте: 170 тысяч родов за год и две с половиной тысячи быстро следующих за родами детских смертей. Почему так много? Потому что сорок пять процентов умирающих новорожденных — недоношенные. А почему недоношенные? Потому, что эти дети очень юных матерей, которые незадолго до этого свою первую беременность прервали. Девочки-женщины прерывают беременность, а потом не могут стать счастливыми матерями. Почему же прерывают? Да потому, что им нужно учиться, сдавать экзамены, в будущем вырваться замуж без «живого приданого». Понимаете? Постель — сейчас, загс, семья — через годы. Колоссальная проблема!

Да, невосполнимая потеря — утрата тысяч здоровых, крепких, счастливых ячеек общества. Такая вот плата за распушенность сексуальную безграмотность, уродливую половую жизнь до замужества. И еще — не в последнюю очередь — за наше ханжеское и недальновидное отношение к вопросам полового просвещения и воспитания, проблемам планирования семьи.

— За последний год в республике число аборт у девушек-подростков увеличилось в два раза, — добавил мне информации Д. М. Михнюк. — К сожалению, для нас половые отношения подростков — сплошная неизвестность. Ни глубоких исследований, ни серьезного анализа... Мы знаем, что аборт стало в два раза больше, а вот почему — можно только догадываться...

...Недавно сотрудники уголовного розыска Минска задержали двух воров. Они пролезали в форточки окон на первых этажах. Брали только деньги, золото и лишь самые ценные, но легкие вещи. Воры — мальчик и девочка. Семиклассник и пятиклассница.

— Дяденька, мы все расскажем... Только разрешите нам с мужем быть в одной камере! — первым делом попросила маленькая воровка.

Впрочем, совсем не так уж часто мальчик и девочка в таком положении хранят «верность» друг другу. В большинстве случаев они удовлетворяют любопытство

и расстаются. И спешат к новым «победам», новым приключениям. Не стоит долго гадать, где именно они находят «брачное ложе». Иногда это подоконник, иногда — парта, иногда — подвал или чердак, чаще — кровать родителей, которые на работе... И если беременные девочки потом умоляют сделать им аборт, то «женыхи» к своему совершеннолетию начинают замечать половую слабость — очень типичные беды старшеклассников — «молодоженов».

Врачи убеждены: акселерация, хорошее питание, отсутствие тяжелых забот стимулируют физиологическое созревание. Оно заметно опережает социальную зрелость. Примем это к сведению. И подумаем вот о чем.

Мы полны восторга, когда видим за рулем подростка. Взрослые научили его управлять машиной, и он ведет ее аккуратно, грамотно. Знает: на трассу выезжать ему нельзя. Рано. Ему это объяснили, и он принимает определенные запреты как само собой разумеющееся.

Нас умиляют рассказы о первой любви школьников:

— Прекрасное время, чудесное чувство! Его нужно беречь, ведь оно пройдет...

Проходит. Даже когда были не только нежные слова и невинные ласки. Но если о «падении» узнают старшие и педагоги, тогда звучат, громят слова:

— Как вы посмели? Стыд! Вы готовы растить ребенка?

Нет, ребенка они не хотят. Они напуганы: надо же, как, оказывается, все это сложно и страшно. А ведь, кажется, даже «безопасные» дни высчитывали...

Где они узнают о «безопасных» днях или о «восточных» эротических наслаждениях? Во дворе, в классе. С родителями, педагогами об этом не говорят. Точнее: педагоги, родители и врачи — с ними не говорят. Поэтому половое просвещение и половое воспитание подростков — уличное, извращенное. Те меры, которые с недавних пор начала предпринимать школа, недостаточно эффективны. «Отчего появляются дети» — школьники знают с первого класса. А этика семейной жизни в пятнадцать лет их мало интересует, хотя бы потому, что о создании собственной семьи пока речь не идет. Гигиена? О гигиене своих чад мамы и папы заботились всегда, но...

Вот и получается, что, провожая молодых людей во взрослую жизнь, мы предоставляем им право методом проб и ошибок самим хоть как-то разобраться в сложнейшем мире половых отношений. Лишь единицы имеют возможность пользоваться специальными книгами на «эту тему» — почему такой литературы мало? Почему и сегодня мы упорно лишаем подростков тех знаний, без которых некоторая часть из них заранее обречена на постыдные и неправильные поступки?

Хорошо, что нынешние старшеклассники знают, как устроен двигатель автомобиля или бытовой компьютер. Плохо, что им практически неизвестны вещи, о которых девушки узнают после аборта, а юноши —

либо после свадьбы, либо от лечащего врача.

Кстати, мальчики находятся в не менее трудном и незавидном положении во время взросления, чем девочки. С одной стороны, они уже чувствуют себя (это поощряется) самостоятельными и почти взрослыми, с другой — еще не готовы даже подумать о «пеленках» и поэтому (что порицается) склонны выбирать в подруги не тех девчонок, в которых втайне влюблены, а тех, которые доступнее, смелее. Браком такие связи заканчиваются редко. Драми — часто. И вот возмущенная мать приводит за руку рыдающую дочь в квартиру безусого «жениха»: «Аборт делать поздно. Пусть женится!» Еще чаще свадьбы не бывает, а девочка все-таки рождает. От ребенка отказывается. С парнем перестает встречаться. Берется за ум. Оканчивает десятилетку, получает профессию. Выходит замуж, и дальше у нее — как у всех людей. Малыш — не в счет. Его как будто и не было.

У паренька после «побед» тоже проходит эйфория от познания «тайны взрослых».

— В последние годы военные врачи, работающие в призывных комиссиях, обеспокоены: у многих подростков заболевания, патологии мочеполовой системы, — услышал я в Минздраве БССР. — Конечно, о половой силе солдата в армии заботятся совсем не в первую очередь. Но ведь страшно: когда приходит пора становится отцом, он отцом уже стать не может...

Тяжело сдирается с наших лиц маска ханжества. В Минздраве Белорусской ССР я услышал любопытное высказывание:

— СПИД в республике есть, а презервативов — нет. Вы можете представить себе жалобу в «Книге жалоб» аптеки на отсутствие презервативов?..

Половое воспитание, которым сейчас никто не занимается, необходимо. Необходимо с детского сада, с первых классов. Половое просвещение и всю санитарную работу нельзя вести методом запугивания. «Страшные» плакаты о вреде абортов — это смешно. Потому что достаточно одной девушке прервать беременность, а через год-два родить, как десять ее подруг перестают верить разумным предупреждениям в неразумной форме.

Нам нужны хорошие, умные и популярные книги «об этом». Массовыми тиражами. Беседы сексологов больше уместны в старших классах и в студенческих аудиториях, чем в больницах, когда уже поздно. Специальные медицинские осмотры необходимы и девочкам, и мальчикам. И пусть во время встречи с подрастающими детьми доктора объясняют девушкам, что они могут обращаться в женские консультации, пользоваться (раз уж факт есть факт) противозачаточными средствами. И что при этом не надо бояться звонка в школу, сообщений о «падении» дочери ее родителям.

Нам нужно здоровое общество. А не общество страдающих половыми недугами прозревших ханжей.

В. ЛАПИН г. Минск

А МНЕ НУЖНО СОВСЕМ ДРУГОЕ

Э. ЛИНЧЕВСКИЙ

В семье трое. Родители-педагоги и дочь-семиклассница. Свободное время стараются проводить все вместе: часто бывают в театре, кино, по выходным выезжают на природу или устраивают прогулки по городу. Всегда оживленно обсуждают впечатления. Родители стараются привить дочери любовь к тому, что любят и ценят сами. Живут скромно, в соответствии со своими взглядами и зарплатой. Культура вещей в семье не существует. Зато предметом заботы и гордости служит собранная дома библиотека.

И вдруг однажды дочь заявляет, что выйдет замуж только за шофера Совавтотранса. Родители сочли это за неудачную шутку, не придали значения. Но вскоре странное заявление повторилось. Насторожились, стали выяснять, что означают такие выды на будущее. Ответ ошеломил взрослых:

он много зарабатывает, бывает в зарубежных рейсах.

Несколько успокоившись, стали разбираться, чего не хватает дочери, откуда у нее такой настрой, столь далекий от ценностей, принятых в семье. И вот что они услышали: «Вас волнует архитектура, история, а меня нет. Вам нужны книги, театр, музыка, а мне совсем другое. Я одета хуже всех в классе. Чем тратить деньги на книги, лучше бы купили мне новое платье».

Родители попытались переубедить девочку. Ссылаясь на биографии великих людей, приводили примеры из жизни близких, знакомых, но ничего не добились: «Вы меня ущемляете, у меня нет своих денег (хотя на кино, на мороженое и т. п. ей всегда давали). И вообще мне с вами скучно...»

Что посоветовать родителям в этой острой ситуации?

Таково было «домашнее задание» для читателей последней «острой ситуации» (Семья и школа. 1989. № 7).

Перебираю письма и в который раз мечтаю: как славно было бы собрать вместе их авторов и устроить общий разговор, да еще пригласить родителей девочки, задумавшей выйти замуж за шофера-«скоробейника». Но это несбыточно — все жив в разных местах. Остается, как и в прежних выпусках, самому попробовать воспроизвести такую дискуссию, опираясь на мнения, высказанные в письмах. Тем более что читатели, приславшие их, не ограничиваются лаконичными ответами на поставленный вопрос, а дают свои оценки, стараются понять, как возникла эта острая ситуация.

Начнем с сомнений:

— А стоит ли вообще обсуждать этот эпизод? Я полагаю, что этим родителям уже ничем не поможешь. Что это за педагоги и какой прок от их библиотечки, которой они так гордятся, если они не вычитали в своих книгах, как сохранить контакт с единственной дочерью?

— Думаю, вы сгущаете краски. Беспокойство родителей понятно, но не драматизируют ли они ситуацию? Стоит ли придавать значение юношеским фантазиям? Сболтнула глупость под настроение, а потом, видя настроенность папы с мамой, из упрямства настаивает на своем. Ну и пусть потешится этими разговорами. Если не заострять внимания, сама забудет. А то, что привито в семье — любовь к книге, искусству, природе, никуда не денется, обязательно проявится. Не теперь, так позже, когда повзрослеет и сама все поймет. Не надо суетиться, паниковать. Жили правильно, и не надо отступать от своих правил.

— Не могу согласиться ни с тем, ни с другим. Конечно, воспринимать «планы» девочки слишком серьезно не стоит. Но речь идет не о замужестве. Разговор о нем лишь повод, который настораживает: дочка, быть может, впервые, дала родителям увидеть, что не приняла их взгляды на жизнь. Выходит, они вовсе и не были ей «привиты»... Значит, если в семье все будет оставаться по-старому, противоречия вряд ли сгладятся сами собой. Скорее, они будут обостряться. Ведь девочка взрослеет, и то, что она послушно и безропотно делала прежде, создавая у родителей иллюзию общего согласия и благополучия, теперь вызывает у нее протест. Так что, если ничего не предпринять, расхождение будет увеличиваться. Но если бы все было так безнадежно, то вряд ли высказывания девочки встревожили бы родителей. Они бы просто не обратили внимания на ее слова. Да и можно ли по одной ситуации выносить столь суровый приговор?

— Вот именно! Мы же выхватываем случайный эпизод из жизни целой семьи и беремся делать далеко идущие выводы! Пустое дело. Только время зря теряем...

— Простите, а когда по «случайной» капельке крови (если она попадает к специалисту) определяют состояние всего организма, а иногда и точный диагноз ставят, это вас не смущает? Мы же не приговор выносим, у нас «следствие» не судебное, когда устанавливается однозначная истина, а психологическое. Его цель —

проследить наиболее вероятные варианты влияния людей друг на друга. Все наши заключения носят предположительный характер, и ими могут воспользоваться все, кто озабочен сходными проблемами. А для участников дискуссии это хорошая психологическая тренировка. Как в математике, когда важен процесс решения задачи, а сам по себе ответ не имеет никакого практического значения.

— Однако в математике мы не вторгаемся в чужую жизнь. А тут — целое «персональное дело»...

— А, по-моему, все очень просто: кто не видит смысла в обсуждении, тот и не участвует. Выдержка, деликатность не помешают в любом случае, даже если «герои» вымышленные — хотя бы ради самовоспитания.

— Вернемся, однако, к ситуации. Что за странное намерение у тринадцатилетней девочки? Откуда оно взялось, что означает?

— Не иначе, у кого-то из ее подруг отец как раз такой шофер. Бывая у нее дома, девочка видит, как живет та семья и невольно сравнивает...

— А имеет ли значение, так было или совсем по-иному? Гораздо важнее, что девочка переживает свою ущербность. И с этим нельзя не считаться.

— А разве родители не считают? Они же стараются переубедить дочку, приводят в пример и близких, и великих...

— Ох как мы любим примеры! А ведь они обычно убедительны только для того, кто их приводит. Зато тот, кому они адресованы, запросто может отговориться: то ли найти другой пример, противоположный, то ли этот «отвести» («они — великий, а я — нет»). А возьмите обратный случай, когда ребенок в споре со взрослым ссылается на удобный для себя пример. Что он слышит? «С кем ты себя равняешь!»

— Так, по-вашему, примеры бесполезны?

— Примеры хороши, если сам выбрал их для подражания. Куда ни шло, если с их помощью иллюстрируется, проясняется основная мысль. Но коль скоро за них хватаются от беспомощности, подменяя ими аргументы, убедительные для ребенка, добра не жди. Это скорее обострит противоречия, чем поможет их смягчить.

— Что мне не нравится в этой семье: она состоит не из трех, а из двух, причем очень похожих людей. Третьему уже не оставлено своего места. А главное, двое даже на хотят его понять. У родителей не возникает и тени сомнений в собственной правоте. И потому все их поиски и усилия идут в одном направлении: как восстановить единственно приемлемую для них модель отношений, по которой дочка безропотно следует за ними по пятам, разделяя их интересы и оценки. Но это невозможно, потому что требует от девочки принять на себя роль белой вороны в среде сверстников. А не сами ли родители приучили ее быть ведомой? Только раньше она следовала за ними, а теперь наступил возраст, когда мнения сверстников становятся для нее более значимыми.

— Неужели нет способа удержать ее в семейном кругу?

— Почему же нет? Есть, и очень надежный. Хотя родителям он дается непросто. А состоит он в том, чтобы... перестать

ее удерживать. Предоставить значительно больше свободы и найти в себе мужество с уважением отнестись к новым вкусам, заботам, тревогам дочери.

— Отказавшись от своих принципов?

— Совсем не обязательно. Если хорошо задуматься, в претензиях девочки многое заслуживает внимания. И они не так уж сильно противоречат принципам родителей.

— В самом деле, вот хоть вопрос о деньгах. Взрослые гордятся, что не жалеют ей на кино, мороженое и т. п. А она хочет иметь «свои» деньги, чтобы их можно было истратить по собственному усмотрению, не отчитываясь потом за каждую копейку. И это на самом деле очень важно, так как без такого доверия не может быть самоуважения подрастающего человека. Не говоря уже о том, что без практики он не научится распоряжаться деньгами.

— А желание быть нарядной, привлекательной, разве это так плохо? Родители озабочены развитием духовного мира дочери и с презрением думают о «тряпках». Очевидно, ориентируются на пословицу: «По одежке встречают, а по уму провожают». Но чтобы дошло до проводов, сначала надо, чтобы хотели встретиться...

— Между прочим, хорошо одеваться — это тоже искусство, которое требует развитого эстетического чувства, вкуса и многого другого. И как можно воспитать культурного человека, тем более женщину, если не уделять этим проблемам должного внимания?

— Вы забываете, что в наше время это «искусство» обходится недешево! Да и при наличии денег прилично одеваться — целая проблема. А ведь на зарплату двух педагогов особо не разгуляешься. Да и гоняться за дефицитом, стоять в очередях у них нет ни времени, ни охоты...

— Есть другие пути. Скажем, жертвовать частью совместных прогулок в пользу совместных занятий мамы с дочкой на курсах кройки и шитья или вязания. Если постараться, приложить выдумку, можно своими руками изготовить множество отличных и недорогих вещей.

— Неизвестно, устроит ли это кого-нибудь. Судя по всему, у мамы к подобным занятиям душа не лежит, а значит, ничего «отличного» она сделать не сможет. С дочкой тоже еще не ясно, что для нее важнее — выглядеть привлекательно или престижно. Похоже, что второе. И тогда домашними самоделками проблемы не решить. Тут нужна импортная «фирма», в крайнем случае — кооперативная подделка.

— И все-таки маме надо себя заставить попробовать. Тем более что это, быть может, единственный путь сохранить надежный контакт с дочерью — на основе общего дела. При этом очень важно проявить терпимость, уважение к интересам дочери, готовность хотя бы отчасти приобщиться к ним. Иначе как можно требовать того же от нее? И не беда, если у мамы не окажется портновского таланта. Если он обнаружится у девочки, что ж, мама будет ей помогать, довольствуясь второстепенными операциями.

— Я не спорю, что желание девочки выглядеть «не хуже других» заслуживает внимания. Но, во-первых, надо разубедить

ся, соответствует ли ее впечатление действительности. И если нет, то почему оно у нее сложилось. А если на самом деле она одета хуже всех в классе, то, конечно, надо подумать, как исправить положение. В любом случае надо позаботиться, чтобы извабить девочку от чувств ущербности.

— Это правильно. И внешний вид подростка, то, как он глядит в глаза сверстников, это очень серьезно. Но тут родителей подстерегают две ошибки. Первая — пытаться навязать дочери пренебрежительное отношение к материальным благам. Мы видим, что родители в нашем случае как раз встали на этот путь и ни за что не хотят с него сойти. Очевидно, не без влияния не столь давней пропаганды, на разные голоса бичевавшей «вещную болель», «мещанство», «накопительство». А фактически покрывавшей социальную несправедливость, когда сами же обличители и борцы с «вещизмом» под треск своих речей потихоньку пользовались всевозможными привилегиями...

— Однако, что предосудительного в достатке? Нелепо умалять ценность одежды, вещей, косметики. Другое дело, чтобы они не стали самоцелью, не заслонили более значительные духовные ценности. И, конечно, чтобы достигались не любыми средствами.

— Я продолжу. Другая ошибка ждет тех, кто включается в гонку за призрачной целью: чтобы твой ребенок был одет (а потом и устроен) «не хуже других». Эдакая своеобразная ностальгия по уравниловке. При этом обычно забывают, что у всех родителей далеко не одинаковые силы, способности, условия, количество детей, наконец. Чем большего напряжения требует участие в этой гонке, тем чаще все это оборачивается к тому, что в семье всё (не всё лучшее, а вообще всё) — для них. С тем и входят в жизнь и, ставшая взрослыми, не думают отдавать долги не только престарелым родителям, но подчас и собственным детям.

— Вы затронули очень важную проблему. Бессмысленно и даже вредно закрывать глаза на расслоение общества по уровню благополучия. Тем более что, судя по всему, оно будет нарастать. А значит, наряду с уважительным отношением к материальным благам и стимулам, необходимо воспитывать способность соразмерять свои притязания со своими возможностями. Чтобы именно на этом держалось чувство собственного достоинства, а не на

сравнении своей и чужой одежды. Но все это должно быть привито ребенку еще до того, как он начнет задумываться над этими проблемами. Чтобы у него не возникло зависти, чувства ущербности перед тем, кто лучше одет.

— Тут есть над чем подумать и более состоятельным. Во-первых, нужно воспитывать чувство разумной достаточности: совсем не обязательно пользоваться всеми имеющимися возможностями. И во-вторых, достаток отнюдь не исключает скромности. Я имею в виду недопустимость хвастовства одеждой, украшениями и т. д. К этому тоже нужно приучить с малых лет.

— Не слишком ли далеко мы ушли от ситуации, изложенной в домашнем задании? Хотелось бы обсудить еще один важный вопрос: почему интересы и ценности родителей так и не перешли к дочери?

— Я подозреваю, что бурная духовная жизнь этой супружеской пары носила показной, неподлинный характер. Это не столь уж редкий вариант, когда человек озабочен не существом, а внешней стороной явления. Достать билет на выступление заезжей знаменитости, пробиться на труднодоступную выставку, завладеть нашумевшей публикацией — вот главное. А что за всем этим стоит, какие у кого возникают мысли, переживания, личные оценки, — не столь существенно. Важно «отметиться». Это тоже потребительство, только не материальное, а духовное. И приобщать к нему иные взрослые начинают с детства, порой «перекармливая» духовной пищей и вызывая отвращение вместо любви.

— Вы напомнили мне сцену, которую недавно довелось наблюдать в Эрмитаже. Внимание мое привлекла группа школьников третьего-четвертого класса в праздничной форме. Большая часть детей уже устали, но у некоторых искорки в глазах — явно замыслили какое-то озорство. Но за детьми бдительно надзирают несколько взрослых, очевидно, из родительского актива. Они строго одергивают то одного, то другого и следят, чтобы ребята не разбрелись по залу. А перед всеми — экскурсовод, как тетерева на току. Не слышит никого, кроме себя. И в упор не хочет видеть, что никто его не слушает. Что заложит в детские души подобная «пытка музеем»?

— Ваш пример не доказывает, а лишь подтверждает то, что недавно говорилось о примерах. Разве мало у нас других экскурсоводов, от которых детей трудно отор-

вать? И вообще стоит ли так ставить вопрос: что важнее? Ну и пусть кто-то идет «отметиться» на выставку. «Отметится» раз, другой, а там, глядишь, и почитать начнет, и до сути дойдет. Часто приходится слышать упреки в адрес тех, кто собирает книги, но не читает их. Особенно возмущаются, когда кто-то подбериет тома по цвету переплета и т. п. А разве так уж плохо, чтобы книги на полках «смотрелись»? Вот я и думаю: «Пути в культуру, в искусство могут быть разные. И степень погружения — тоже. Так что не надо спешить с ярлыками».

— Послушайте! Почему мы вслед за «героями» этой ситуации твердим о прозаичных материальных сторонах жизни? А как же любовь? Похоже, что у девочек совсем отсутствуют мечты о ней как основе будущего брака. Это очень серьезное упущение родителей. Быть может, еще не поздно его исправить?

— А мне кажется, что в нашем разговоре мы повторяем еще одну ошибку родителей. А именно — не учитываем, что семья не изолирована от внешнего мира и ценностные ориентации девочки не могут и не должны черпаться только в семье. Один из обязательных их источников — общение со сверстниками. С возрастом оно становится более значимым, и это усиливает степень влияния принятых в их среде ценностей. В нашем случае они не просто отличаются от ценностных ориентаций родителей, но носят конкурентный характер. Поражение родителей было предопределено тем, что они сделали ставку только на своего ребенка. Все могло быть иначе, если бы они в орбиту своих воспитательных усилий помимо собственной дочери включали кого-то из ее сверстников, лучше нескольких, с тем чтобы обеспечить себе союзников дочкиного возраста...

— А ведь это не поздно сделать и теперь. Можно объединиться с несколькими родителями-единомышленниками в компанию или примкнуть к существующему уже семейному клубу (таких теперь много повсюду). Важно соединить детей в группу. Потому что даже самая прекрасная семья не может и не должна подменять собой для ребенка общество сверстников. (Как, впрочем, и наоборот.)

— А можно еще один совет? С момента публикации «домашнего задания» прошел год. Было бы интересно узнать, как смотрит девочка теперь на те события, продолжает ли следовать своему мнению.

Мать уверена, что все произошло случайно. В проступке сына не видит преступления и не склонна драматизировать ситуацию.

В итоге принято решение: запрет бабушки играть в чужом дворе должен неукоснительно соблюдаться. Вина Павлик будет вставлять стекло, а Костя должен ему помочь. Рогатки изымаются и уничтожаются.

Кто и в чем не прав?

Ленинград

Проблемы, которые поставлены в этих статьях, значимы почти что для любой семьи, где есть взрослеющие дети. Но что именно из этих проблем, какие аспекты, какие оттенки для вас особенно актуальны, на чем именно вы «спотыкаетесь» в общении с детьми?

Это нам важно бы знать — чтобы решить, какое именно направление дать обсуждению этих проблем в дальнейшем.

Среди авторов писем, по которым воссоздана наша воображаемая дискуссия, — З. Верникова из Свердловска, Н. Ивашина из Оренбургской области, Т. Налимова из Цюрупинска, М. Павлова из Донецка, О. Радова из Нарюньги, Г. Токарева из Дзержинска, Т. Сатарова из Геленджика, Т. Смирнова из Ленинграда. Особо хочется отметить тринадцатилетнюю свердловчанку Аню Роговскую, четырнадцатилетнюю москвичку Машу Явриян и пятнадцатилетнего Андрея из Ленинграда, который не указал свою фамилию. Спасибо им всем и тем, кто остался не назван.

И в заключение очередное «домашнее задание».

Разбито окно соседа. Выясняется, что к этому причастны третьеклассники Костя и Павлик. Мать Кости узнает от сына, что приятели стреляли из рогатки по сараю соседа — пугали ворон. В стекло попал Павлик — нечаянно.

Бабушка Кости торжествует: она же говорила, что нельзя играть в чужом дворе! И требует от невестки самых решительных действий.

Парадная повинность

•
Беда — для незнаек

•
Замарашка в коляске

•
Шестилетний политик

•
Учененный воспитатель

письма

Шагом марш!

Я читательница журнала на протяжении трех лет. Хочу высказаться по поводу проведения в школах смотра строя и песни. Эти «парады» обычно проходят в феврале, в День Советской Армии. И вот две-три недели до «праздника» вся школа марширует. Моя дочь уже в пятом классе, ей десять лет. После шести уроков дети снова остаются в помещении и под команду (опять напряжение!) чеканят шаг. Сокращается время для прогулок, любимых занятий. Я побывала в школе, беседовала с директором и завучем. К великому сожалению, они ничего не могут изменить — это предусмотрено во всех школах, по всей стране.

Кажется, мы уже отказались от единообразия в учебном процессе: появились разные программы, ученикам предлагают факультативы на выбор. Но что-то не чувствуется демократизации в пионерской жизни. Кому нужна такая шагистика? Этот солдатский строй, вытягивание носков и так далее. Особенно девочки противятся, многие сбегают, а их за это наказывают. Такие мероприятия не учитывают ни желания, ни интересов детей. Зато при массовом охвате в отчетах появляются миллионные цифры, подтверждающие активность ребят в пионерской работе.

Неужели, принимая новый устав, пионерское движение не откажется от обязательности и показухи?

Д. БОНДАРЬ
Ворошиловградская область

Плоды непросвещения

В наше нелегкое время за житейскими трудностями проблема секса выглядит мелкой, второстепенной. Многие не хотят забивать голову «ерундой». Мы по-прежнему не просвещаем детей ни в детском саду, ни в школе. Повинуясь догмам советской педагогики о воспитании нравственности, родители четко усвоили: все, что до пояса, хорошо, а ниже пояса «кака».

С этим брезгливым отношением к своему «ниже пояса» ребенок вступает в бурную полосу подросткового периода. Появилась потребность любить, а он не знает, как себя вести... Любовь по Пушкину и Блоку — это в книгах, высоко в облаках. А на грешной земле, приняв сто граммов для храбрости и усвоив напутствие старших ребят — «Это они для видимости ломаются, цену набивают», — юные кавалеры с девицами не церемонятся. Многие мужчины всю жизнь так и считают, что по-другому и не бывает. Наши деды и бабушки верили — «человек создан по подобию божьему». Дети воспринимали все естественно, купались в чем мать родила. А сейчас малыши купаются только в трусиках, а потом бегают в мокром по берегу. Больше простуды и болезней родители боятся того, что дети что-то увидят, прознают. Эту строгую мораль наши дети успешно усваивают. Шестилетний сынишка в семье сестры выгоняет мать из комнаты, когда переодевается.

Как-то сын-школьник спросил меня, как рождаются дети. Я начал объяснять, но тут же спохватился и обрезал: «Вырастешь — поймешь!» Как понимают наши дети, жизнь показала. Жена узнала, что наш мальчик экономит деньги на школьных пирожках. И покупает вместе с друзьями порнографические журналы по 50 рублей за штуку. Хотел его выпороть, но отложил ремень и взялся писать это письмо.

Доколе мы будем растить детей в неведении, скрывать от них то, что предназначено человеку природой? Они же, как дикари, смеются, когда видят голое тело на картине художника. Потому и тяготеют к порнографии, что ничего другого не знают.

По тревоге на местном телевидении собрали за «круглым столом» учителей, родителей и врачей. Уже ничего не скрывая, они говорили о мужеложестве в школе и ПТУ, про СПИД, который ходит где-то рядом. Все единодушно признали необходимость полового воспитания. Но когда зашла речь о том, кому решать проблему, желающих не нашлось: у родителей, как они сами признались, «уши крас-

неют», учителя не знают, как подступиться, врач, один на несколько школ, занят по горло. Сейчас появилось много статей на тему полового воспитания. Авторы выступают за открытость семейных отношений, призывают родителей откровенно обсуждать с детьми деликатные вопросы. И рекомендуют делать это «с учетом норм и традиций, принятых в окружающей среде». Но ведь в традициях советского общества придерживаться ложной стыдливости. У родителей даже «уши краснеют» при одном упоминании о сексе... А стыдиться надо как раз незнания, неосведомленности детей в сексуальных вопросах, что оборачивается для них бедой.

Александр ИВАНОВ
г. Кемерово

Первая прогулка

В прошлом многодетная мама, а теперь многодетная бабушка (старшие внуки — студенты), я вновь испытала радость когда у младшей дочери появился первенец. Для меня, уже имеющей шестерых мальчиков — внуков, рождение внуки стало особенно приятным событием. Настал день, когда мы торжественно вывезли малышку на первую прогулку.

Раньше проблем не было. Рядом с нашим домом — Московский зоопарк, планетарий и тихая Зоологическая улица. Я и дети, которые выросли в этих местах, уверовали в чистоту дворов, приспособленность нашего микрорайона к отбыху.

По семейной традиции мне первой доверили везти новенькую нарядную коляску, где сладко посапывала маленькая Алиса. Но как все изменилось! Прежде тихая и уютная, Зоологическая улица встретила нас грохотом машин, по ней в ту и другую сторону катили мощные грузовики с прицепами, обдавая прохожих пылью и выхлопными газами. Из-за колдобин и выбоин пришлось передать коляску дочери, более ловкой на акробатические манипуляции. По пути то и дело нас настигали грязные бумажки и пакеты, гонимые ветром. Мы обхватали с коляской все дворы. Всюду грязь, брошенные строителями доски (видно, шло ремонт). И гаражи, гаражи, гаражи...

На территорию планетария войти не рискнули, отпугнул запах общественного туалета и горы строительного мусора. В поисках спасения купили билеты в зоопарк. И... вдохнули с избытком запахи краски. Несмотря на поток посетителей, здесь красили клетки.

Попытка перебраться через подземный переход на другую сторону улицы Красной Пресни не увенчалась успехом: не оказалось специального спуска для колясок.

Усталые и огорченные вернулись с прогулки домой. Черные точки усеяли еще недавно белоснежный пододеяльник. Все личико внучки было в крупинках пыли и копоту. Как же мы, взрослые, могли допустить такое, что детям деваться некуда от грязи и копоту?

М. ВЛАДИМИРОВА
Москва

В избиратели пошёл бы

Моему сыну Андрею только шесть лет, в школу он еще не ходит, но умеет читать, с интересом смотрит по телевизору общественно-политические передачи, в частности съезды, сессии Верховного Совета страны. Знает «в лицо» М. С. Горбачева, А. И. Лукьянова, А. А. Собчака.

Во время 1-го Съезда народных депутатов СССР, когда с утра до вечера шла трансляция по телевизору, произошел такой случай. Сделал Андрейка бумажный самолетик и пошел на балкон его пускать. Вдруг слышим: «Территориально-национальный округ № 1» — так сын представил свой самолет, который отправил в полет.

Как-то приходит домой с улицы и говорит:

— Папа, я пословицу знаю!

— Какую?

Выпалил:

— Мир — народам, власть — Советам, земля — крестьянам!

— Откуда же ты ее знаешь? — спрашиваю.

— На доме прочитал.

А как он за меня переживал, когда я был кандидатом в депутаты городского Совета! На вопрос, где папа, неизменно отвечал: «Ушел на встречу с избирателями». И каждый день меня спрашивал, когда же я стану депутатом. А потом признался:

— Папа, скорей бы ты депутатом стал, я хочу, чтобы

тебя тоже на сессии по телевизору показывали.

На выборах, когда ему не дали бюллетеня, даже обиделся, так хотелось ему участвовать в голосовании вместе со всеми. Когда узнал, что меня не избрали депутатом, так расстроился, что заплакал. Андрейка настолько увлекся происходящими событиями,

ОТКЛИКИ

Верю в тебя!..

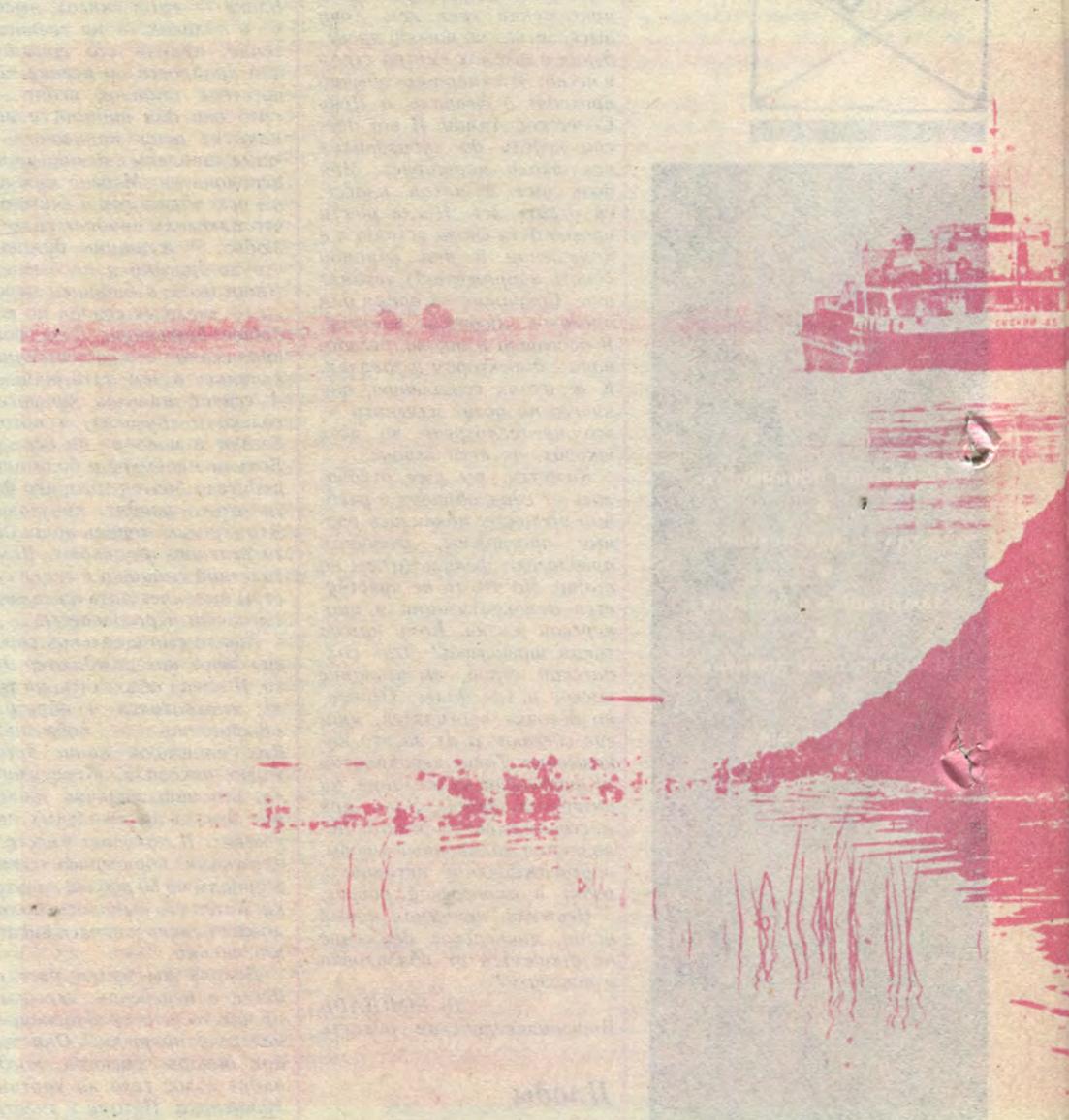
«Как спасти Рому?»
(№ 5 за 1989 год)

В статье шла речь о шестикласснике воронежской школы Роме Королеве, который не

ции — путь оказался не близким. Начиналось оно с обращения к автору статьи:

«Уважаемый господин Анисимов!

Я прочел Вашу статью в журнале, который привезла в Париж моя тетя. Она живет в Москве. Судьба Романа меня потрясла. Я написал ему письмо и послал по адресу:

что даже стихи написал. Его первое в жизни стихотворение было про политику.

Только включишь телевизор. Там и тут

Депутаты сессию Советскую

ведут.

Горбачев на сцене весело сидит
И про перестройку депутатам

говорит.

А еще считают, что дети ничего не понимают...

А. БУТОРИН,
мастер производственного

обучения
г. Нефтекамск

хочет учиться, прогуливает уроки, обманывает родителей, сквернословит, причастен к воровству. Во многом виной тому были ошибки взрослых, тех, кто причислил мальчика к неспособным, отпетым и поставил на нем крест.

В своих письмах читатели жалели Рому, негодовали по поводу школьных порядков, которые не дают развиваться истинным способностям детей. Когда схлынул поток писем, пришло письмо из Фран-

СССР, г. Воронеж, 83-я средняя школа. Но я не уверен, что оно дойдет. Посылаю копию своего письма, так как думаю, что Вы должны иметь домашний адрес. Очень Вас прошу не посчитать за труд и переслать эту копию Роману.

Заранее благодарю за беспокойство
С уважением
Никита СЫЧЕВ».

Письму Никиты мы выполнили, письмо ушло по назна-

чению. Но раз так случилось, что письмо это стало достоянием редакции, мы решили, получив согласие автора, опубликовать его. Тот, кто прочтет письмо Никиты Сычева, оценит не только отзывчивость, дружелюбие французского школьника, но и его веру в возможности Романа стать человеком.

которое путь к культуре. Но ты мне все равно понравился, потому что ты личность. Лет тебе совсем мало — ты еще можешь стать и культурным «римлянином», и добрым «королем» — придешь на смену Горбачеву, когда тот уйдет на пенсию. Я чувствую, что ты способен на великие дела, для великих дел нужно, кроме

15 лет, но скоро будет 16 лет. Если ты хочешь со мной переписываться — я буду очень рад. Этой весной у меня тоже были неприятности. Я остался на второй год во втором классе (во Франции первый год обучения — это 12 класс, и дальше уменьшается до первого, а потом выпускной. Получив аттестат зрелости в ли-

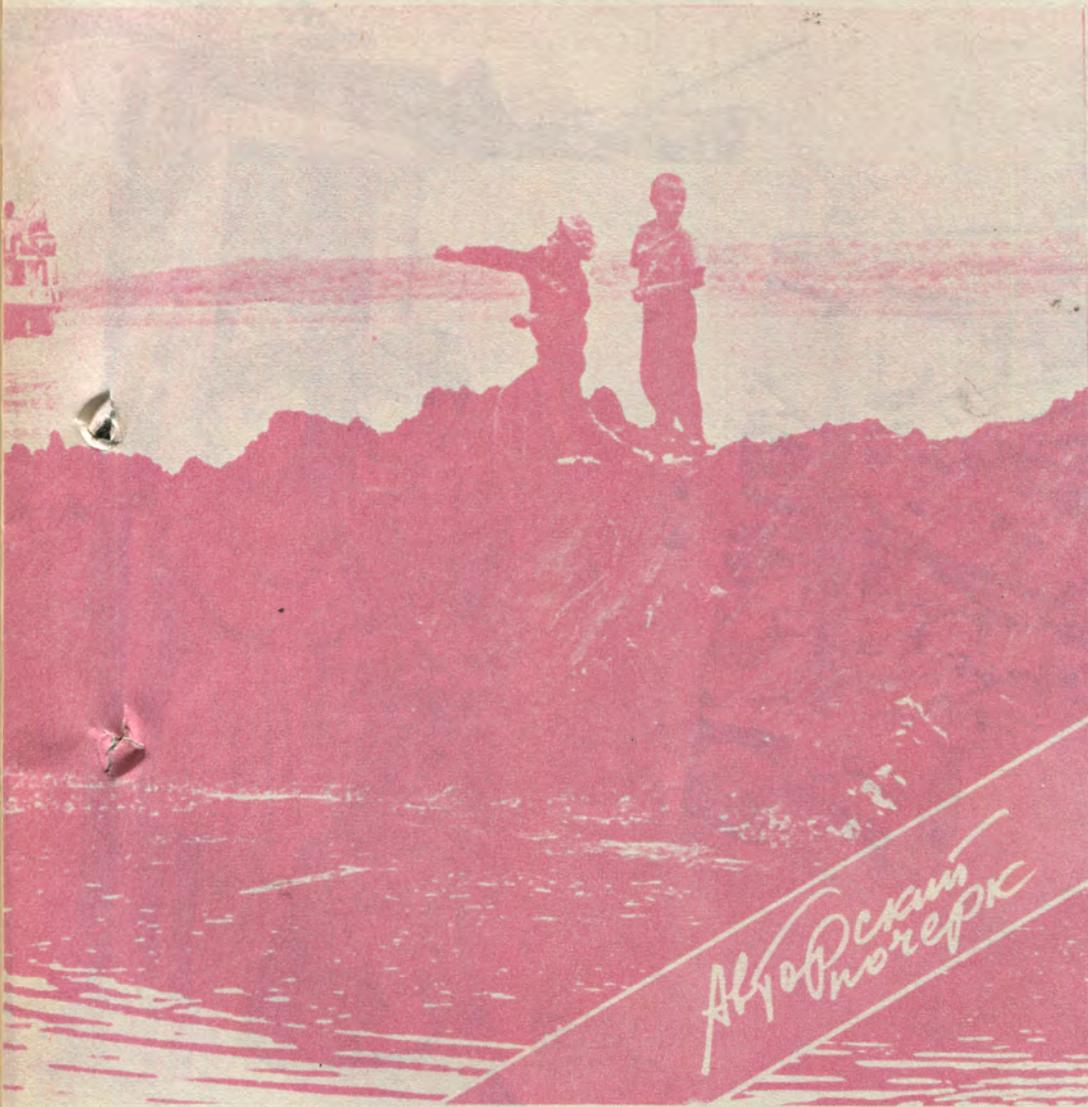
давно, без спортивных успехов, но для удовольствия. Мне жалко, что ты уже куришь, когда куришь — не растешь, а каждый мальчик хочет быть высоким. Это красиво и больше нравится девочкам.

Если ты запустил все предметы в школе, можно остаться на второй год, твои родители могут найти тебе мальчиков из старших классов, которые бы занимались с тобой за маленькую плату, ты бы сам мог заработать эти деньги, собирая макулатуру или присматривая за чужими детьми, когда родителей нет дома. Тебе повезло, что твой отец учит тебя разбираться в машине. У нас есть машина, но мой отец ничего в ней не понимает, он — фотограф.

Какой язык ты учишь в школе? Хорошо бы французский, но и английский тоже неплохо. Если бы ты начал сносно учиться, а главное — учил бы язык, то со временем я смог бы пригласить тебя в Париж. И все бы тебе здесь показал. А пока, если ты согласишься не курить, не бить, жалеть маму (и вообще жалеть людей, даже учителей — они ведь тоже люди, у них тоже свои проблемы, болезни, усталости) и прилично кончить первую ступень школы, я мог бы тебе писать, прислать маленький прослушиватель с наушниками и кассетами — моего любимого певца (он англичанин) и с уроками французского или английского языка, смотря по тому, какой язык ты учишь.

Я учу три иностранных языка — английский, русский (я француз, хотя русского происхождения, и русский для меня иностранный) и испанский. Для практики в английском языке мои родители летом посылают меня в Англию на три недели. Я живу там в английской семье, хожу на занятия в колледж три часа в день и два часа играю в теннис. Это стоит дорого, но мои родители стараются оплатить мне все это, потому что английский язык — международный и очень необходим. Напиши мне свой точный домашний адрес. Я очень волнуюсь, дойдет ли это письмо до тебя через школу, надеюсь, что оно не потеряется.

У меня к тебе еще одна просьба, меня потрясла судьба твоего друга Руслана. Не оставляй его одного. Пиши ему в колонию. Пришли мне его адрес, я ему тоже напишу и пошлю посылку, нельзя человека оставлять одного. Жаль, что ты не упрости сво-

Здравствуй, Роман Королев!
У тебя очень красивые имя и фамилия: Роман — значит римлянин, из Рима, а римляне создали всю культуру и цивилизацию Западной Европы, а короли — эту культуру развивали и поддерживали. Короли карали, но и раздавали милости...

К сожалению, никаких милостей ты не раздаешь — даже собственной матери, и культуры не хочешь, и борешься против образования.

культуры, еще и мужество, воля, ум, знания, терпение, доброты. А для того, чтобы воровать или говорить грязные слова, никакой воли и никакого ума не надо. Нет ничего легче, чем лежать в канаве. Самое легкое — это падать в жизненную грязь и там валяться. И все тебя будут топтать. Чем нарушать законы, лучше стремиться их самому устанавливать.

Меня зовут Никита Сычев и я живу в Париже. Мне

цее, ты можешь поступать в институт без экзамена), я ленюсь и запустил физику и сочинение по-французскому. Но во Франции не стыдно «дублировать» год, многие ученики и родители делают это добровольно, чтобы лучше были знания к выпускному классу, потому что в школе важны знания, а не отметки. Я не хотел дублировать, я считал себя умным. Все получилось из-за моей лени и из-за тенниса, в который я играю уже

их родителей помочь этому мальчику. Это страшно, что он был голодный в стране, где вроде бы нет голода. Ведь сейчас не война. Почему люди жестоки друг к другу? И ты тоже... Если бы ты прилично учился и прилично себя вел, твои родители не считали бы Руслана виновником и. может быть, согласились бы оставить его у себя в доме. Я знаю, что давать советы легко, трудно выполнять. Но я почему-то верю в тебя, верю, что тебе будет противна жизнь уличного бродяжки, ты сам встанешь на ноги и Руслану поможешь.

Надеюсь, что ты мне ответишь.

Никита СЫЧЕВ
Париж».

В письме указан адрес и телефон. «Я знаю, — написал Никита, — что звонить от вас дорого, но если у тебя есть телефон, — я позвоню тебе сам».

прошу слова!

Плата не по труду

Я педагог, отработала в детском саду уже семнадцать лет. Имею среднее специальное образование. В детский сад пришла по призванию и желанию и смею надеяться, что воспитатель из меня получилась неплохой. Я всегда считала, что на первом месте в дошкольном возрасте стоит игра, и стараюсь в меру своих сил и способностей сделать игру привлекательной для ребятшек. Я неплохо рисую (окончила Московский народный университет искусств), шью, вяжу, выпиливаю, выжигая, мастерю игрушки из всяких материалов. Не подумайте, что хвастаюсь, просто я люблю свою работу и надеюсь, что принесу пользу детям. Только вот почему-то у нас не ценятся ни знания, ни квалификация воспитателя, ценится только диплом. Если кто-то имеет высшее образование, даже если пришел в садик сразу после института, то платят ему больше, чем тем, кто успешно и давно работает с детьми после педучилища. Почему в других отраслях материально поощряют людей за хороший труд, а в детском саду это не принято? А когда люди не заинтересованы в успехе дела, они работают спустя рукава. Везде и всюду на производстве доплачивают работнику за расширение объема

работы. А воспитатель — он и плотник (сколачиваем сами игрушки и кукольную мебель), и швея (обшиваем кукол, подшиваем занавески и скатерти), и садовник (озеленяем участок, высаживаем цветы на клумбах) — никаких доплат не получает.

А сколько времени приходится тратить на подготовку

маски и шапочки сама. А наш кукольный театр — опять же все своими руками.

Зашла я недавно в ведомственный сад по соседству. Стены разрисованы, детские шкафчики один другого лучше. Спрашиваю: «Откуда такая красота?» А мне говорят, завод пригласил художника, выделил 700 рублей (!) на

ния, его труд. Но никто и никогда нам копейки не заплатил.

Нередко задают вопрос: почему девочки после окончания школы не идут в воспитатели, хотя многие любят детей? Причина одна — профессия не престижная, малооплачиваемая и хлопотливая. Сколько же можно, ратуя на сло-

к развивающим играм! Ведь промышленность о дошколятах не заботится. Отштамповать геометрические фигуры на машине — одна минута, а попробуйте сделать вручную 20 штук шести видов и трех размеров!

Масок в магазинах тоже днем с огнем не сыщешь. А чтобы подвижные игры проходили весело и интересно, у каждого персонажа должна быть примета... И рисую

оформление. Ну а я в своем районном детском саду, который смотрится не хуже, тружусь бесплатно. Кто и когда решил, что на заводе, в торговле, в НИИ художник-оформитель нужен, а в детском саду и в школе по штату не положено? Разве можно представить мир ребенка без ярких красок и цветных картинок? И когда, восполняя пробел, воспитатель заменяет художника, цените его стара-

вах за счастливое детство, на деле игнорировать труд людей, которые заботятся о детях?

Т. ЧЕКМАРЕВА
Псковская область

В дорогу с детьми

Когда я вместе с двумя детьми в возрасте трех и четырех лет вошла в поезд на станции Беляя Глина, свободных мест в вагоне не оказалось. Нашлась добрая женщина, подвинула своего ребенка, и

на одной полке. Только после того, как женщина вышла вместе с дочкой, полка стала нашей. Втроем мы ютились на ней всю дорогу. В конце пути проводница потребовала заплатить за проезд детей, хотя мест им не предоставила. Я платить отказалась, попросила вызвать начальника поезда, пойти к нему сама

Редакция обратилась в Министерство путей сообщения СССР и попросила инженера Главного пассажирского управления Светлану Константиновну Мазанову оценить ситуацию, представленную в письме, с точки зрения действующих правил.

— Начну с того, что на двух детей до пяти лет, кото-

рых услуг не получили: ехали в тесноте, без удобств, поэтому требовать дополнительную плату проводник не имела права. Проводник допустила нарушение и в отношении взрослого пассажира. У А. Зайцевой был билет, который гарантирует право на отдельное место. Ютиться впятером на одной полке — недопустимо. Даже если на одно место оказалось два билета, проводник должна решить вопрос опять же при участии начальника поезда, он на всем пути следования несет ответственность за размещение пассажиров и порядок в вагонах. Ссылка на то, что начальник поезда спит — пустая отговорка.

Все, о чем я рассказала, записано в «Правилах перевозок пассажиров и багажа по железнодорожным дорогам Союза СССР». Основные выписки из них можно прочитать в вагоне поезда (текст вывешивается под стеклом) или на любой станции. Полный текст Правил — Тарифное руководство № 5 — поступает свободно в продажу, правда, тираж маленький — 50 тысяч экземпляров.

Думаю, чем лучше будут осведомлены пассажиры о своих правах, тем меньше будут страдать от недобросовестности проводников — любителей поживиться за чужой счет. Поэтому, пользуясь случаем, хочу назвать родителям наиболее важные положения действующих Правил, касающиеся непосредственно детей. В период летних каникул и отпусков, когда дети направляются на отдых самостоятельно или со взрослыми, знать эти правила родителям полезно.

Дети младше 10 лет без сопровождения взрослых к проезду в пассажирских поездах не допускаются.

При пассажире может ехать бесплатно один ребенок в возрасте не старше 5 лет, если он не занимает отдельного места.

На двух детей в возрасте до 5 лет, а также на каждого ребенка от 5 до 10 лет покупают детский билет.

Для детей старше 10 лет полагается приобретать билеты, как для взрослых.

В общем вагоне с местами для сидения каждому ребенку, имеющему детский билет, должно быть предоставлено место наравне со взрослыми пассажирами.

Для ребенка в возрасте от 5 до 10 лет при приобретении билета в вагон со спаль-

мы присели рядом. Наконец к нам подошла девушка-проводник и попросила предъявить билеты. Я показала ей свой — взрослый. Но она сказала, что на детей полагается отдельный билет. Я удивилась, так как езжу с малышами не первый раз и никто не требовал на них билета.

Разместить нас проводница не стала. В вагоне было жарко, душно, а мы впятером — спасибо доброй попутчице —

не могла, на руках маленькие дети. Но проводница сказала, что начальник поезда спит и привела сменщика и проводницу из соседнего вагона. Втроем они стали меня убеждать, что платить положено по закону. Поезд уже подвезжал к Краснодару, мне ничего не оставалось как выложить деньги. Хотелось бы знать, правильно ли поступили с нами проводники?

А. ЗАЙЦЕВА г. Краснодар

рых сопровождает взрослый, полагается детский билет. А. Зайцева должна была приобрести его в кассе. В порядке исключения, если есть свободные места, плату за проезд может принять только начальник поезда (он находится в «штабном» вагоне) и выдать квитанцию пассажиру. На основании проездных документов детям предоставляется отдельное место.

Дети А. Зайцевой положен-

Андрейский
Юночерк

ными местами доплата за плацкарту не требуется, если он не занимает отдельного места в вагоне. На двух и трех детей до 10 лет, следующих со взрослыми, должно быть оплачено одно общее для них спальное место, а на четырех-пятерых детей при взрослом должны быть оплачены два спальных места.

По желанию пассажира могут быть произведены отдельные доплаты за проезд в вагоне со спальными местами для каждого ребенка до 10 лет.

В период с 1 октября по 15 мая школьникам старше 10 лет предоставляется 50-процентная скидка со стоимости проезда в поездах и вагонах всех категорий (кроме мягких и СВ).

50-процентная скидка на оплату проезда (с 1 октября по 15 мая) предоставляется детям-инвалидам до 16 лет на основании справки установленной формы.

В период с 16 мая по 30 сентября (ежегодно) организованным группам школьников старше 10 лет (не менее 10 человек) и сопровождающим эти группы (один сопровождающий на 10 школьников) предоставляется 50-процентная скидка на оплату проезда в пригородном сообщении в рабочие дни (кроме субботы и воскресенья). Для получения льготного билета в кассу должны быть предъявлены соответствующие документы, дающие право на получение такой скидки.

КЛУБ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ

Родительский стаж не в счет?

Своими ушами слышал, как один демограф призывал, чтобы многодетных аж на руках носили. Но чтобы кто ко мне такими чувствами воспылал, не припомню. Ладно, пусть не носят — главное, чтобы не поносили. Спасибо на том, что находятся радители, гордые замолвить за нас словечко. Газета «Семья», к примеру, заверяет, что не отречется от темы проживающих за чертой бедности многодетных. Но разве дело только в материальном цветении?

Семью нашу можно причислить к той разночинной классической, которая на Руси повсеместно бытовала: отец на службе состоит, мать с

детьми управляется. Кухарки и няньки нет. При таком раскладе содержание наше получается не особенно богатое; но вот тут какая есть заковыка. Доход наш вырос бы на 20—30 процентов, если бы мы с женой трудились вдвоем вне дома, но при этом стали бы жить хуже наши дети. Видите, сколь велико для нашей семьи значение домашнего материнского труда!

Сдали мы однажды с легкой руки профкома, который милостиво вручил нам направления в дошкольные учреждения, троих наших детей в ясли и сад. И получили от наших доселе бодрых ребят такие избыточные сопли и кашли, что, помявшись более полугода, махнули на общественное благо рукой. И оставили ребятшек дома с матерью. Теперь вот с четырьмя школьниками убедилась, — школа выучивает только тех, кто занимается с помощью родителей.

Столкнувшись со многими службами, мы утвердились в том, что полагаться на них не приходится. Рассчитывать надо только на себя! Самим не болеть, — закаляться, самим шить, — ничего на детей не купишь, самим выращивать овощи и фрукты, — в продаже они редки, да и низкого качества... Конечно, все это весьма способствует независимости семьи и укрепляет семейную автономию... Но, как говорится, это — только одна сторона медали. Другая же состоит в том, что длинная цепь домашних забот крепко держит нас внутри семейного круга и сводит к минимуму наше общение с миром. Такая изоляция, согласитесь, не очень приятна и полезна детям. Этому способствует и отсутствие технических коммуникаций. Телефонная станция, к примеру, известила нас, что телефон нам нельзя установить «по техническим причинам» (сами мы тут бессильны). И в этом вопросе общественная среда пока далека от создания многодетным статуса семейного благоприятствования.

А что сулит многодетным Закон о пенсии? Для матери, родившей пять и более детей, предусмотрена льгота: на 5 лет раньше установленного срока выходить на заслуженный отдых — не в 55, а в 50 лет. Но при этом нужно иметь 20 лет трудового стажа. Главное же — это размер пенсии, он увязан только с трудом на производстве. Труд же,

вложенный матерью в воспитание детей, будущих граждан страны, при начислении пенсии абсолютно не учитывается. Получается, многодетность сводится к тому, чтобы родить детей. А предназначение женщины растить и воспитывать детей, так сказать, эффективность родительского труда во внимание не принимается. Труд женщин по воспитанию детей признается обществом, только если они являются профессиональными наставниками (педагогами, психологами) чужих детей.

Раньше, когда женщина не работала, а только растила детей, пенсии на старости лет ей вообще не полагалось. Теперь такая мать будет получать так называемую социальную пенсию... в размере 50 процентов от минимальной по возрасту, то есть 35 рублей! И независимо от количества детей! Так оценивает государство родительский труд, вклад матерей, помогающих нормальному воспроизводству населения страны. Правда, в статье 129 говорится, что местные власти могут устанавливать «более льготные условия выхода на пенсию по возрасту для женщин, имеющих детей, с учетом конкретной демографической ситуации». Ситуацию, конечно, учитывать надо, но хорошо бы при этом выплачивать пенсию многодетным матерям с учетом родительского стажа.

Владислав
АРХАНГЕЛЬСКИЙ,
отец пятерых детей,
научный сотрудник
г. Ульяновск

Не милость, а право

Отрадно, что высказанные многими людьми, в том числе и мною, предложения засчитывать индивидуальную трудовую деятельность в трудовой стаж, отражены в Законе о пенсиях. Но надо еще создать условия, чтобы эта самая трудовая деятельность стала доступной для желающих. А как обстоит дело сейчас?

Не стану подробно рассуждать о том, как живет в наше время семья, где трое детей (4,5; 8 и 14 лет) и родители-инженеры. Зарплата мамы 180 рублей, папы — 170 рублей. Сами понимаете, без достатка не прожить. По существующим правилам, когда кончается год, чтобы по-

лучить патент на ИТД, надо снова обращаться в горисполком, проходить комиссию, представлять справку с места работы. А иначе тебя подозревают в туеядстве. Воспитание детей в расчет не принимается. На комиссии я прямо задала вопрос: «Можно ли мне оставить работу и заняться дома индивидуальной трудовой деятельностью, чтобы больше уделять внимания детям?» Мне ответили, что в порядке исключения комиссия исполкома может дать такое разрешение. Но тут же пристыдили, что я личные интересы ставлю выше общественных. «Что будет, если все матери, вместо того чтобы работать в общественном производстве, захотят заниматься детьми?» А что, позвольте спросить, разве плохо, если мамы начнут заниматься детьми?

Связь между родителями и детьми теряется в наше время очень рано: с того самого момента, как мы переддем своих несмышленишек в детские дошкольные учреждения — неизвестно в чьи руки. Я помню, что во времена моего детства дети были в основном заботой бабушек. Сейчас же все бабушки вынуждены работать почти до того момента, когда не то что внуки вырастут, а даже правнуки появятся: цены растут, а пенсии крохотные. Неудивительно, что и внуки о стариках не заботятся. Связи детей с родными порываются в детстве. Сначала мы с мамой детей в детский сад, потом дети сдают стариков-родителей в дом престарелых.

Есть много постановлений о льготах работающим женщинам, но они в основном на бумаге. Хотя я могу сказать, что мне еще повезло: администрация любезно подписала разрешение на шестичасовой рабочий день. Но с моей стороны это своего рода риск, так как в условиях хозрасчета на производстве стараются избавиться от женщин, да еще с малолетними детьми. Я знаю много мам в своей же организации, которые не могут получить разрешение на этот самый оплачиваемый пропорционально отработанному времени неполный рабочий день. Мне он обходится в 60 рублей ежемесячно, но зато обеденный перерыв удлинен на полтора часа. За это время я успеваю прибежать домой и проводить свою дочь в школу во вторую смену. Но угроза попасть

под сокращение постоянно висит надо мной.

На той же комиссии в горисполкоме меня спросили: «А если бы не было индивидуальной трудовой деятельности, то Вы бы оставили работу? Ради детей?» Я ответила, что возможно так и поступила бы. Сразу последовал вывод: «Вот и не работайте, если есть на что жить!..» Так недвусмысленно мне намекнули, чтобы я отказалась от ИТД. Что на это можно сказать?

По Казахскому телевидению министр социального обеспечения республики назвал сумму прожиточного минимума: по нашей республике она составляет 90 рублей. Прикиньте, каков должен быть доход семьи из пяти человек (за вычетом подоходных налогов), где трое несовершеннолетних детей, чтоб вытянуть на этот самый минимум.

В индивидуальной трудовой деятельности для многодетной семьи много положительных моментов. Во-первых, дети — под присмотром. Во-вторых, видя, что мама что-то делает, они тоже стремятся помочь. Хотя бы из соображений — если хочется что-то приобрести, то придется приложить усилия, что намного уменьшит иждивенчество, зависимость подрастающих детей от родителей. И, наконец, обществу польза: в таких случаях меньше придется изыскивать дополнительных средств для поддержания малообеспеченных семей.

Мое глубокое убеждение, что мать и только мать может передать ребенку то, в чем мы особенно испытываем дефицит, — милосердие, трудолюбие, человечность. Согласитесь, лучше вовремя предупреждать преступность,

Многие матери хотели бы заниматься воспитанием детей больше статистических 17 минут, но не всем, как говорится, финансы позволяют сидеть дома. Индивидуальная трудовая деятельность для многодетных семей — выход. Если право заниматься ею будет предоставляться в законодательном порядке, а не по милости исполкома. Без всяких комиссий и унизибельных подзоров в туннельстве, а по предъявлении свидетельства о рождении детей.

*В. КАЛАШНИКОВА
Целиноград*

Адреса для милосердных

В семье Варфоломеевых — четверо детей. Старшему сыну 14 лет, девочкам 9 и 6 лет, сыну-дошкольнику 2 годика. Р. Варфоломеева ждет пятого ребенка. Просит помочь с вещами для новорожденного и с обувью для дочери-первоклассницы. Расходы и стоимость готова возместить. Адрес Варфоломеевых: 416560, с. Успенка Ахтубинского района Астраханской области.

У А. П. Григорьевой тяжело болен один из сыновей. Ему нужны фрукты, продукты, богатые витаминами. Но выполнить рекомендации врачей по питанию, особенно в зимнее и весеннее время, когда в магазинах пусто, а на рынке «цены кусаются», матери, которая сама больна и одна воспитывает детей, затруднительно. Адрес Григорьевых: 182620, Псковская область, г. Порхов, Псковская улица, д. 10, кв. 2.

Галина Николаевна Мышкова одна воспитывает четверых детей. Будет признательна тем, кто пришлет зимнюю и осеннюю одежду (размеры 32-34, 26-28) и обувь (размеры 19-20, 15-16) для девочек 8 и 4 лет, а также зимнюю и осеннюю одежду (размеры 30-32, 26) и обувь (размеры 17,5-18, 13-14) для мальчиков 6 лет и 1,5 года. Проживает семья Мышковых по адресу: 356010, Ставропольский край, г. Новоалександровск, ул. Калинин, 101.

В семье Смирновых четыре сына и три дочери. Особенно остро стоит проблема одежды для старших детей — мальчику 13 лет и девочке 12 лет. Вещи можно прислать по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Слепнева, д. 14, кв. 26.

Мать пятерых детей хотела бы вывезти ребятшек в городок или село на Украине, в Молдавии, Средней Азии — где тепло и солнечно. Все члены семьи — взрослые и дети — готовы с удовольствием поработать в поле, в саду. В свою очередь Нехамкины будут рады принять с ответным визитом тех, кто пригласит их семью. Письма направлять по адресу: 232029, Вильнюс, ул. Укмергес, д. 295, кв. 36. Нехамкиной Тамаре.

ВОЛОДЯ, ТАНЯ И ВСЕ ДРУГИЕ ВЗРОСЛЫЕ

*Продолжение.
Начало см. на стр. 5*

киоска, в котором Таня работает.

Однажды прогуливаясь с Сереей Моховым — уж не помню, что мы обсуждали: не то трудную задачу по химии, не то просто «за жизнь» говорили, — мы лицом к лицу столкнулись с Таней. Остановились, поздоровались, начали обычные ничего не значащие распросы.

Какое-то время Сережа стоял рядом. Затем, прошел немного вперед, встал у газетного стенда. Поначалу я даже забыл, что эта женщина имеет к моему спутнику самое непосредственное отношение. Через мгновение я осознал весь драматизм ситуации, в которую все мы попали. Несколько шагов отделяли мать от ее собственного сына! Как они были похожи! Так нередко бывает: ребенок похож одновременно и на отца, и на мать.

Вероятно, какое-то внутреннее чутье (неужели материнское чувство?) заставило ее повернуть голову в сторону Сереежи. Сережа стоял у обочины тротуара и смотрел на свою мать. Какую-то секунду они всматривались друг в друга. Вдруг легким движением руки Таня поправила прическу. Я взглянул на нее, в ее глаза. Нет. Просто женщина оценивала юношу! Посмотрел в сторону Сереежи — он отвернулся к стенду и читал газету. «Кто это?» — спросила Таня. Я ответил спокойно: «Мой ученик».

Еще совсем немного постояли и, попрощавшись, разошлись.

...Зачем я рассказал эту историю? Да, она драма-

тична, но почему она оказалась, возможной? Дело в том, что исходная ситуация упирается в недостаток культуры. Ведь никто не станет отрицать, что секс — составная часть человеческой культуры. Причем та часть, о которой слышаны, но так мало знают и взрослые, и тем более дети...

Мне бы не хотелось проводить аналогий, но они напрашиваются едва ли не сами собой. Я обращаюсь к Толстому, к его «Воскресенью»: «В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один — духовный, ищущий блага себе только такого, которое было бы благо и других людей. И другой — животный человек, ищущий блага только себе...»

Нет, я не считаю, что Володя и Таня в описанной ситуации в отроческом возрасте показали себя «животными людьми». Но надо честно признать, что и сегодня многие не знают ни возвышенности, ни целомудрия, ни стыдливости в любви, тех осознанных ограничений, которые только и способны регулировать отношения между полами.

Вот что говорят данные социологических исследований. Каждая четвертая из девочек-подростков в возрасте 15—18 лет уже имела половые контакты, две трети из них вступили в половую связь в возрасте 15—16 лет, каждая десятая — до 15 лет. И только три с половиной процента начали половую жизнь по достижении 18 лет. Как бы к этим данным мы ни относились, не считаться с ними нельзя.

Владимир ВАСИЛЬЕВ

РУКИ ДЛЯ ОБЪЯТИЙ

Многое нам показывали. А это я набрался духу и посмотрел сам.

Рассвет.

Накануне был душный день, и я решил встать пораньше да искупаться в озере. В четыре двадцать на цыпочках вышел из дому и пробрался по короткой тропинке к маленькой пристани.

Было то самое время, когда ночь уже тает, но до солнца неблизко. Нет, не туман — легкий парок еще льнул к зеркалу неподвижной воды. Постоишь минуту с закрытыми глазами — уже другая картина, дальше и больше видно. Пробуют голоса птицы. Одинокий комок звенит над ухом. Вдали недолго помычала корова...

Мирное раннее утро. Одно из самых прекрасных зрелищ на свете.

Окунулся. Бодрящая вода и свежий воздух. Вспомнил, что озеро называется Эхо. Крикнуть и дожидаться отзвука? Даже мысли такой застыдишься — благословенная тишина кругом...

Уж чем-чем, а острыми, звонкими и яркими впечатлениями летняя встреча с Соединенными Штатами Америки была очень богата. Почему же в первую очередь вспомнилось то утро на берегу Эхо-озера, штат Мэн?

Напутствуя в Советском комитете защиты мира большую группу подростков-миротворцев (тут были ребята из Москвы, Чувашии, Караганды, Гагры, с Кубани), детский писатель Юрий Яковлев, автор повести «Саманта» и одноименного проекта, говорил: «Для людей моего поколения такая поездка — несбыточная мечта. Но вот возник проект «Саманта», прошло всего два года — и мы на чемоданах. Наверное, понимаете, что не только отдыхать едете. Вы — маленькие послы мира. И если привезете из-за океана ощущение общего мира...»

Вот! Ощущение общего мира. Чувство единой планеты, где две стороны одного и того же земного шара — все-таки условность, если вспомнить, какие беды ему грозят от человеческой разобщенности. Когда мы были в Нью-Йорке, ребят пригласили в Организацию Объединенных Наций. Среди

многого показали и статую святого из города Нагасаки 1945 года. Она упала лицом вперед после взрыва атомной бомбы и видно, что лицо и руки побиты, покорены. А как страшен вид сзади: спина камня обуглилась... Но если рванет все, что мы накопили в мире сегодня, то ведь следа не останется и от всего человечества...

Что только ни обменивают люди в этом мире: то на это, шило на мыло... Народная дипломатия и самая «зеленая» ее часть — дипломатия детская, выдвинули простую и великую идею. Да, обмен, но какой? Один народ посылает другому народу самое лучшее, самое дорогое, чем располагает, — детей. Так у нас побывала Саманта Смит, а в США — Катя Лычева. В прошлом году почти полсотни американских тинэйджеров провели месяц в СССР (Москва — Анапа), а наши подростки в это время гостили в США (Нью-Йорк — штат Мэн). Я видел, как они, расставаясь, плакали, обнимая друг друга. И на майке юного американца было начертано по-русски: «Перестройка — это хорошо». И значок, подаренный советской девушке, гласил по-английски: «Руки — для объятий» (афоризм американских миротворцев).

Попробую рассказать о том, что приоткрылось мне за океаном. Понимаю, что много будет субъективного и, наверное, слабовато по части глубоких обобщений. Зато правда. Что видел, что переживал, о том и попытаюсь поведать.

Поразительно дружелюбно встретили нас американцы. ...На берегу Эхо-озера, в летнем театре лагеря «Лорэл» уже час идет рок-концерт. И певец не звезда, и песенки так себе. Впрочем, слов я не различаю, потому что рев невообразимый и, главное, очень плохо знаю английский. Правда, если говорят медленно и внятно...

— Прошу гостей из Советского Союза на сцену, — медленно и внятно произносит певец. — Наш концерт идет под девизом «Рок — за мир». И теперь, дорогие зрители, кто хочет, может подойти и обнять наших гостей. Мы сделаем маленькую паузу...

Маленькая пауза затянулась чуть не на полчаса. Нас обнимали дети и подростки, люди молодые и пожилые. Одни улыбались, другие утирали слезы. Некоторые что-то говорили, и я опять ничего не понимал. Может, от волнения. Может, потому что в лагере были дети и подростки из многих стран: Мексики, Венесуэлы, Канады, Франции, Швейцарии, Италии, Бельгии... И каждый говорил что-нибудь на своем языке. А настроение было общим: руки для объятий!

Позже, уже под звездами, на берегу озера пытался ответить на вопросы шестнадцатилетних американцев. Их было четверо, все из разных штатов, каждый говорил, по-видимому, со своим небольшим акцентом. Поди, разберись!

— В нашей группе почти все ребята говорят по-английски. Кто хуже, кто лучше... А кто из вас знает русский? — спрашиваю в свою очередь.

— Извините, сэр,— вежливо отвечает один.— Мы бы с удовольствием, но нас не учили.

— Ну как же,— удивляюсь я,— великая, всему миру известная литература...

— Да, да,— кивают,— Достоевский, Толстой... Но язык очень трудный.

— И вы по-русски ни словечка? Ни единого?

Они призадумались. И каждый назвал по одному слову. Мне не хотелось бы приводить здесь и то, которое замыкает ряд, но из песни... В общем они произнесли с небольшим акцентом: «да», «перестройка», «гласность», «уодка»...

Теперь самое трудное. О ком сказать? Сколько симпатичных лиц, памятных бесед... Вот Мэррилл Арчард, почетный директор лагеря «Лорэл», или просто Мэл, как все от мала до велика зовут его на американский лад. Энергичный, подвижный, всегда в заботах. Однажды я встретил его на берегу со спиннингом. Рыбак рыбака видит издалека, и Мэл с энтузиазмом стал развешивать идею, что хорошо бы нам вдвоем основать свое дело, «советско-американский рыбный бизнес». Очень веселый человек.

— Вы говорили, что воевали с фашистами, не так ли, Мэл? Вместо ответа он показывает несколько шрамов на теле.

— Наши страны не должны враждовать,— убежденно говорит ветеран второй мировой.— Нет никаких причин для этого.

— Та война была ужасна,— подхватывает наш разговор его жена Бетти.— То, что я знаю о страданиях вашего народа... Я тогда училась в колледже... О, это страшно даже представить себе!

— Все меняется, и все мы меняемся в этом мире,— философски замечает Мэл, наживляя крючок червяком.— И уже не те, что были раньше — и вы, и мы. Почему же мы должны враждовать, почему?

Вот учительская чета Бушеров, Руфь и Уоррен, из штата Иллинойс. Мы жили в одном домике, и о таких хозяйвах-соседах можно только мечтать. Оба они работали в лагере, а на выходной приглашали меня вместе съездить к океану, посетить знаменитый Национальный парк «Экзедия», просто прокатиться в соседний городок Хэллоуэлл полюбоваться фейерверком.

— Американцы любят быструю езду и путешествия,— говаривал Уорре, когда мы трогались в путь.

«И какой же русский не любит...» — вспоминалось хрестоматийное гоголевское, но коряво перевести гениальную фразу не рисковал, не кощунствовал.

Вот Уэсли Робертс, педагог из штата Теннесси. Чернобородый великан с голубыми глазами. Дети его обожают за открытость, душевность, деликатность, твердость.

— Скажи, Владимир, как правильно произнести имя «Гагарин»?

Лагерь отмечает двадцатилетие первой высадки человека на Луну, и Уэсли напоминает ребятам о первом космонавте Земли с его знаменитым «Поехали!» — просит меня сказать несколько слов о Нейле Армстронге с его не менее знаменитым «Маленький шаг человека — огромный шаг человечества».

Какое удовольствие работать бок о бок с творческой личностью! Разумеется, нас объединяет интерес к детям и детству, но не только. Еще и попытка понять страну, познать язык.

— Мечтаю побывать в Советском Союзе,— признается Уэсли.

На его красной майке — герб СССР. А на другой день — другая майка и другая надпись: «Русская семья».

— Ты из южного штата, и мой край тоже на юге,— говорю по-английски.— Мы — южане.

— Да, это так,— говорит он по-русски.— Молодец!

Самое замечательное состояние на свете, когда ты учишь и учишься одновременно. Сколько уроков русского и английского я дал и получил в эти недели — трехминутных, быстрых, летучих, а иногда долгих, подробных, с записью. Некоторые дети просто поразили меня своей лингвистической одаренностью. Зная уже два-три языка, они жадно тянулись к русскому. Например, двенадцатилетняя Касси из Канады на прощание просто выстрелила русской скороговоркой:

— От топота копыт пыль по полю летит!

— Какая ты умница, Касси!

А она еще и спела песенку, которой научили ее наши кубанские девушки:

Ты с нами, Саманта, ты с нами!
Друзья остаются друзьями.
Мы дружбе навеки верны,
А дружба сильнее войны!

Очень рассмешил меня своим прекрасным и наивным вопросом одиннадцатилетний житель Нью-Йорка Александр Гарст:

— Знает ли мистер Горбачев, что вы и другие русские здесь?

Да, конечно, никаких других забот у мистера Горбачева нет... И все-таки, мне кажется, устами младенца и в этом случае глаголет истина. Ребенок чувствует, что такие, пока еще непривычные, обмены — большая политика, которая вершится народами, но находит понимание и поддержку на самом высоком уровне. Мы, взрослые, скажем: «Новое мышление».

Как и везде на свете, дети скучали без пап и мам, некоторые доверительно сообщали: «Скоро будет Родительский день, я вас познакомлю со своими». Знакомили. Американцы улыбаются ослепительно первому встречному, я это знал, но понимал и другое: люди приехали и прилетели издалека, чтобы проведать свое чадо, с ним пообщаться. Все же в этой ситуации журналист во мне был сильнее педагога, и я задавал этим людям один вопрос: «Что вы думаете об американско-советских отношениях?» Ответили все. Я записал эти неожиданные интервью и теперь, перечитав, вижу, что есть в них одно повторяющееся слово. Это ключевое слово — «надежда».

Я пытался рассказать о людях, которые мне симпатичны, — пожилых и молодых, подростках и детях. Но был среди них один человек, в которого я просто влюбился. Имя этого великого американца — Маленький Джеф.

Впервые нас познакомили за столом. Он сидел на руках у матери, русский, голубоглазый, приветливо улыбался беззубым ртом.

— А это Маленький Джеф,— представили нам мальчика.

Много раз я видел его на руках матери и отца, и всегда он пускал в ход испытанное оружие «младенческой дипломатии», которым эта публика обезоруживает нас на любой стороне земного шара,— улыбку. А за день до нашего отъезда свершилось еще одно обычное, как рассвет, чудо: дитя сделало первые самостоятельные шаги по планете. Человек торопится в детство, а отрочество, юность и вся взрослая жизнь ждут его уже в следующем веке и тысячелетии. Доброй и мирной судьбы тебе, малыш!

Может быть, с нами всеми происходит то же, что с Маленьким Джефом,— медленно пробуждается в нас понимание того, что мир необратимо изменился. Мы учимся ходить, не задевая друг друга.

И есть еще один человек, о встречах с которым я должен рассказать,— Джейн Смит, мать Саманты. Всю свою душу, всю боль и надежду вложила она в Самантовский Центр, который открылся и действует недалеко от столицы штата Мэн, в Холлоуэлле. Подружив детей двух великих народов, открыть дорогу к взаимопониманию и сотрудничеству — вот ее цель. Джейн за три-четыре недели побывала во всех девяти лагерях, где жили советские дети, по-матерински интересовалась их жизнью-бытьем, заботами.

У правительственного здания штата в Огасте установлен памятник девочке, выпускающей из рук голубя. Лаконичная

надпись: «Саманта Рид Смит — юный посол доброй воли из штата Мэн».

...В конце августа рядом с памятником, к подножию которого мы только что возложили гвоздики, стоят двое. Хрупкая миловидная Джейн Смит и рядом с ней черноволосый подросток с гитарой — ровесник Саманты, юный бард из города Гагра Илюша Малышев. Он поет песню собственного сочинения — «Мы — миротворцы» (текст опубликован в первой книге Ильи «Солнце для всех», издательство «Алашара», Сухуми, 1989).

«Память о встрече светла и нетленна, каждое слово Саманты хранит. «Мы — миротворцы, все дети Вселенной!» — так завещала Саманта Смит».

Печально лицо Джейн. И я слышу, как в нашей группе отчаянно сдерживает рыдания Ольга, вожатая из «Артека», в отряде которой гостила несколько дней маленькая гостья из Соединенных Штатов...

Так много хотелось рассказать Джейн о жизни кубанских самантовцев! Вот только три факта. Пятиклассница из маленького хутора посадила рядом со своей хатой березку и назвала ее именем американской девочки, с которой связывают начало датской дипломатии. В небольшом поселке Туапсинского района пионеры решили высадить цветы на клумбе так, чтобы читалось слово «Саманта». А весной 1989 года в городе Тимашевске прошел первый районный слет самантовских отрядов, собравший более 600 юных сторонников мира. Ребята хотят не только радоваться миру, но и делать все, чтобы его укрепить, чтобы развивать детскую дипломатию.

Американцы и советские ребята поставили совместный спектакль «Дитя мира». Он идет всего 45 минут, но и в полтора часа не укладывается. Почему? Да ведь начало еще на улице, где тебе вручат программку, поздравляют с Днем Мира, песни и танцы продолжаются в фойе и в зале, потом на едином дыхании промелькнет основное действие, а люди долго еще не расходятся — аплодируют, плачут, поздравляют усталых и счастливых «артистов».

Руки — для объятий!

На последнем представлении присутствовала Джейн Смит. «Я много слышала об этом спектакле, — сказала она, — но то, что увидела, превзошло все ожидания».

— Встретимся в «Токио».

— Жди меня в «Москве»!

— Они в «Стокгольме»!

Такие и подобные фразы можно было много раз на дню услышать в лагере «Уорлдпис», где каждый домик среди сосен носил имя одной из столиц мира. Токио, Москва, Стокгольм общались свободно. Когда-то ведь так и будет. Во всяком случае, может быть. Если за дело, наряду с профессиональной, возьмется народная дипломатия и ее зеленый росточек — дипломатия детская.

Однажды в своем лагере «Лорэл» забыл я захватить из дому фонарик, и пришлось возвращаться в непроглядной тьме, которую лишь подчеркивали ослепительные вспышки крупных американских светлячков. В этом лесу не заблудишься, но можно и споткнуться, и...

— Разрешите проводить вас, сэръ! — полоса света прочерчивает дорогу, но лица говорящего не видно. — Меня зовут Крэйг.

Мы разговорились, а потом, остановившись на полянке, рассматривали звездное небо, искали Большую Медведицу, Кассиопею...

— Что нас объединяет с американцами, так это звезды, — говорю.

— Да, — подхватывает Крэйг, — и деревья, и озера, и вся эта прекрасная планета...

И я думаю: почему бы двум великим народам не светить друг другу? Как хорошо, что мы можем спасти попавших в беду на севере китов, но есть и более достойная цель — бок о бок, рука об руку с другими странами выжить из грядущих бед человечество.

...Пока я был месяц на той стороне планеты и любовался Маленьким Джефом, здесь, дома, в соседнем дворе подрос и сделал первые шаги какой-нибудь Маленький Женя. Детская дипломатия дает надежду, что в будущем они встретятся по-дружески.

г. Краснодар

Александра ФИЛАТОВА

СМИССИЕЙ ЛЮБВИ

...Индия. 1948 год. Всего год прошел со дня провозглашения независимости этой страны. Бурные политические события сотрясали ее: отделение Пакистана, кровавые столкновения между индусами и мусульманами, убийство Махатмы Ганди... Все это широко известно. Но есть одно событие, о котором знают немногие, а между тем оно занимает исключительное место не только в истории Индии, но и всегда послевоенного человечества. В 1948 году в Калькутте никому не известная католическая монахиня сестра Тереза основала орден сестер-монахинь, названный впоследствии «Миссией любви». Любовь и сострадание к больному, одинокому, страждущему стали смыслом жизни многих сотен людей, высшим выражением их религиозного и человеческого Деяния. Ныне Орден милосердия действует в 77 странах мира. Вот некоторые цифры, которые помогут представить размах и значение его деятельности. У матери Терезы 2800 последователей и множество добровольных помощников. Ежегодно в 352 миссиях Ордена обучаются около 900 послушников, людей, готовых взвалить на свои плечи боль и горе ближнего. Под непосредственной опекой Ордена находятся 30 детских домов, 67 лепрозориев, 32 дома по уходу за немощными людьми. Орден создает также центры для больных СПИДом. Они уже действуют в США, Эфиопии, Испании.

И вот спустя сорок с лишним лет после его основания мать Тереза, лауреат Нобелевской премии, восьмидесятилетняя женщина, ставшая символом гуманизма и милосердия, впервые приехала в нашу страну. Потрясенная масштабами декабрьской трагедии в Армении, она ходила по московским госпиталям, где были размещены жертвы землетрясения, где люди, измученные физическими и душевными страданиями, черпали силы для борьбы со смертью — за жизнь.

Мать Тереза не любит давать интервью, и можно только предполагать, что побудило ее во второй раз, через полгода, приехать в нашу страну. К тому же приехала не одна, а с целой группой сестер-монахинь, готовых работать у нас. Надо думать,

даже во время своего столь короткого первого пребывания мать Тереза успела заметить тот недостаток любви, доброты и просто ухода за беспомощными людьми, который стал притчей во языцех в современной нашей повседневной жизни и в ее отражении — публицистике.

В июне прошлого года мать Тереза много ездила по московским домам престарелых и в итоге выбор свой остановила на Измайловском интернате. Официально это — территориальный центр № 1 по социальному обслуживанию — на улице 16-й Парковой.

— К чести Главного управления социального обеспечения, нашего непосредственного начальника, — говорит директор интерната Сергей Васильевич Трухачев, — вопрос был решен оперативно, не откладывался в долгий ящик. Монахинь у нас встретили с радушием и пониманием всех выдвигаемых ими требований.

И тут стоит отметить роль самого Сергея Васильевича, скромно им опущенную. Собственно, он сам договаривался с матерью Терезой, и не вышнему начальству, а именно ему интернат обязан успешным осуществлением этой благородной идеи.

Как свидетельствует статистика, в СССР проживают пятьдесят девять миллионов пенсионеров, чей возраст перешагнул за шестьдесят. Цифра немалая, приблизительно равная численности населения Великобритании. Десять миллионов из них — малообеспеченные, проще говоря, живущие за чертой бедности одинокие старики, и каждый десятый (то есть целый миллион наших соотечественников!) нуждается в постоянном уходе и медицинской помощи. Жалкие пособия органов социального обеспечения; буханка хлеба, купленная соседями; поздравления школьников в праздничный день — вот и все, чем нередко исчерпывается наш долг перед престарелыми, перед нашим прошлым, исполненным страданий, мук и вечной борьбы за существование.

Для многих уход в дом престарелых является своего рода избавлением от ежедневных забот о хлебе насущном, от гнетущего чувства заброшенности и одиночества. Социальная и духовная ожесточен-

ность общества не оставляет им иного выхода.

Измайловский дом престарелых — не самое худшее из многих московских заведений подобного рода. Расположен он вблизи огромного, одного из самых больших парков в Европе — Измайловского. Похож дом на обычный советский санаторий. Внутри — ковровые дорожки, пальмы в кадках, фотографии уважаемых людей — передовиков, ветеранов труда, участников войны; бесчисленные стенды с рекомендациями врачей и прочей наглядной медицинской атрибутикой.

Большинство подопечных старше семидесяти пяти лет. Люди различного социального статуса: бывшие учителя, рабочие, дипломаты и артисты, есть и бывшие уголовники, алкоголики, лица социально деградировавшие. Верующие и атеисты. Тихони и скандалисты. Вечные правдолюбыв-общественники и люди, окончательно уставшие от жизни. Характеры, привычки, болезни, усугубленные старостью, — все это слилось нераздельно. Только терпение, сострадание, такт и еще раз терпение — основной принцип общения с ними. Вот, к примеру, вечная жалоба одной старушки: соседка ворует ее вещи, а сегодня так и вовсе без завтрака оставила. Дело, однако, не в кознях соседки, а в склерозе — бабушка моментально забывает, куда и что она положила, припрятала.

На первых двух этажах здесь проживают те, кто в состоянии обслуживать себя сами, а на двух верхних — парализованные, безнадежно больные и беспомощные. Беспомощных пациентов здесь предостаточно. Это не всегда означает, что эти люди злы, капризны, невыносимы (хотя есть и такие). Просто они иногда по-детски пытаются привлечь к себе внимание, чтобы походить, поговорили, успокоили.

— С тех пор как при нашем доме живут сестры-монахини из Ордена милосердия матери Терезы, стало немного теплее, чуть больше души во всем прибавилось, — сказал мне заместитель директора интерната Сергей Полятыкин.

— Удивительно, но уже через полгода работа миссии дала свои плоды, — утверждает директор Сергей Васильевич Трухачев. — В 1988 году умерло 320 наших стариков — на протяжении многих лет эта цифра почти не менялась. А в 1989 году она уменьшилась на сто человеческих жизней! Понимаете, только с помощью хорошего, человеческого ухода за больными мы сможем бороться со смертью!

Да, волшебства тут нет, если не считать таковыми любовь и бескорыстную помощь ближнему своему, способные воистину творить чудеса.

О том, что сестры милосердия из «Миссии любви» матери Терезы живут и работают здесь с июля 1989 года, я уже слышала. Знала, что их девять молодых женщин — пять индианок, две польки, француженка и голландка. У двух из них специальное медицинское образование. Есть у них и наставник — отец Браун из Ирландии. Специально для монахинь выделены три комнаты — спальня, кухня и комната для служб и молитв. Дверь в прихожую на замок не запирается — войти может любой желающий. Над порогом ободряющая надпись по-русски: «Мир — входящему сюда».

Работают сестры на самых тяжелых верхних этажах утром и вечером, остальное время подчинено внутреннему монашескому распорядку с его строгим, без излишеств, бытовым укладом, молитвенным общением с Богом и уроками русского языка три раза в неделю. То, что делают сестры милосердия в отделении тяжелобольных и прикованных к кроватям стариков, трудно даже назвать работой. Для них — это образ жизни, его неотъемлемая часть, не требующая ни славы, ни награды, ни благодарности. В обычном же нашем понимании, это тяжелая, грязная, неблагодарная работа: носить судна, мыть больные ноги, перестилать кровати, смазывать язвы, пролежни, причислять, стричь ногти... И так у сестер матери Терезы изо дня в день, с бесконечным долготерпением, любовью к этим людям и молитвой к Богу. И немощные старики их оценили, потянулись душой к этим странным женщинам в белых с синей каймой сари: разве можно не доверять их открытым и добрым улыбкам, их ловким и бережным рукам? К слову, произвели они впечатление и на советских медицинских сестер и нянечек. Кто-то встретил их с восторгом, кто-то с недоверием — мол, посмотрим, что у вас получится. Но очень скоро все сделали вывод: работать плохо — стыдно, совесть не позволяет.

— Да, помогают они нам здорово, — говорит советская медсестра Элисо Элиава, — накормить больного, постель перестелить — уже много значит. Ведь у нас, занятых круглосуточно, что называется, хлопот полон рот, весь день крутимся, а потом еще и ночные дежурства...

Элисо можно понять. Если заболела ее помощница, она остается одна на все отделение, а это 60—70 человек. Любопытно сравнить: в США одна палатная медсестра приходится на 7 человек. А у нас, выходит, в 10 раз больше! Прямо скажем, не до особой душевной теплоты: быстрее бы всех накормить, лекарства раздать, за чистотой уделить.

Сама Элисо родом из Грузии, живет, учится и работает в Москве уже пятый год. Затем уедет домой, кто-то другой займет ее место.

— Не только физически, но и морально мне тяжело, — говорит она, — не смогу здесь долго работать. У нас в Грузии не принято родителей в дома престарелых отдавать.

— Удивляюсь я, глядя на иных родственников, — вторит ей медсестра Умида Адлибекова (она из Каракалпакии, что в Узбекской ССР), ее все почему-то называют по-русски Надей, скорее всего — для краткости. — Придут к своей матери такие интеллигентные с виду, благополучные и не стесняются бесцеремонно мне приказывать: убери, подай, сделай... Вместо того чтобы самим за родным человеком ухаживать. Даже я, казалось бы, чужая всем этим старикам, а ко многим привязалась душой, жалею их. Знаете, как приятно, когда какая-нибудь бабуля поздравляет тебя с праздником, с днем рождения. Все искренне думают, что я — Надя, Надежда, и недавно вот поздравляли даже с необычным для меня праздником — Вера, Надежда, Любовь...

Элисо и Умида — обе верующие. Христианка из Грузии и мусульманка из Кара-

калпакии. Но и та и другая, как я поняла из разговоров с ними, вполне безболезненно разделяют, не смешивая, сферу личной религиозной жизни и долг каждодневной работы.

Сестра Шантала, или, как все ее называют, Шанта, поражает своей совсем немонашеской энергией и жизнерадостностью. Прекрасная улыбка — ее визитная карточка. Она — человек эмоций. Ее лицо, выражение глаз, интонация, жесты — отражение ее души и, пожалуй, легкого французского характера.

— Если ты хочешь помочь человеку, если ты можешь сделать это — помоги! — горячо говорит она. — Неважно, кто ты — верующий или атеист; неважно, кому ты помогаешь — христианину, мусульманину или буддисту. Пусть тебе кажется, что ты не веришь в Бога, но в то время, когда ты делаешь добро, когда ты милосерден, в тебе происходит внутренняя работа, и ты приближаешься к пониманию Бога.

— Во имя чего я стала монахиней? Во имя людей или во имя Христа? — переспрашивает Шанта и слегка задумывается. — Я люблю Бога и поэтому люблю людей, поэтому рада им помогать. Однажды я поняла, что Бог во мне и после моей смерти я буду с ним. А в этой жизни любить Бога — значит помогать людям, ведь они — Его образ и подобие. Это вовсе не значит, что я не устаю, что мне не бывает тяжело. Я тоже человек, но силы свои я черпаю в Боге.

Поскольку в миссии пять индианок и четыре европейки, я интересуюсь у сестры Шанты, есть ли тут какие-нибудь трудности.

— О, — восклицает она, — индийцы — это нация, любимая Богом. Каждый индеец выступает с Богом в сложные личные отношения. Я нигде не встречала такого глубокого понимания сути религиозной жизни, как в Индии, у мусульман ли, христиан, индуистов. Что же до сложностей и противоречий между нами, то их почти нет. Мы все равны между собой и перед Богом, мы все говорим на одном языке. Там, где мы живем, там, где кто-то нуждается в нашей помощи, — там наша родина. Мы — как одна семья, а в семье — должен быть мир.

...С сестрой Малой мы сидим за столом в прихожей квартиры сестер, ее руки то спокойно лежат, то вдруг снимают со стола ей одной видимые пылинки. Над столом — слова матери Терезы: «Святость — не роскошь, а обязанность для тебя и меня». Через распахнутую дверь в комнату видны темное распятие, кресты на стенах и гравюры на темы евангельских сюжетов.

Сестра Мала — старшая среди монахинь, и, естественно, обязанностей у нее много. Она общается с представителями администрации, организует еженедельную жизнь своей монашеской семьи, отвечает за материальное положение миссии, следит за дисциплиной. Ее внутренняя сдержанность смягчается лишь улыбкой и мягким тихим голосом. Как и все монахини, она не расположена говорить о себе, о своей жизни. Я лишь узнаю, что родом она из Бомбея, воспитывалась в христианской семье, имеет сестру и брата. Когда сестра Мала объявила родителям, что собирается посвятить себя Богу, те не стали возражать: поступай, как сама знаешь.

На вопрос, скучает ли она по Индии, сестра Мала ответила утвердительно. По существующим правилам Ордена, она может приехать к себе на родину только раз в десять лет. Отстальное время принадлежит не ей, а тем, кто в ней нуждается. Как и остальные сестры, она готова ехать в любую точку земного шара, если это необходимо.

— То, что это моя судьба, я поняла давно,— убеждена она.— Это все равно, как если бы ты полюбила человека, вышла за него замуж и ушла от родителей. Так и у меня — только я люблю Бога. Что такое любовь к Богу на земле, где столько страдающих, больных? Это любовь к ним, к этим людям. Это моя свобода, мой выбор, к которому никто меня не принуждал. В том и смысл милосердия, что оно свободно. Мне не приходится, как очень многим людям, обремененным семьей и живущим обычной жизнью, решать, кому помочь: близким или чужим. Их милосердие не бывает цельным. Я же готова помочь любому, не оказывая предпочтения никому. Для меня все равно.

Справшивая сестру Малу, помогает ли ей в жизни то, что она — индианка.

— Конечно,— отвечает она.— Я никогда об этом не забываю. Хотя национальное и играет, как ты понимаешь, большую роль в монашеской жизни, все же черты моего характера — это во многом черты индийского национального характера.

...Пока мы с сестрой Малой беседуем, жизнь миссии идет своим чередом: кто-то занят уборкой, кто-то приходит с верхних этажей и возвращается обратно к старикам; из кухни доносится запах вареного картофеля.

— Как вам здесь живется? — киваю я в сторону кухни, зная, что монахини уже познакомились с нашими продовольственными магазинами, отнюдь не изобилующими разнообразием товаров.

Мала улыбается:

— Для нас это не имеет значения. Мы принимаем жизнь любой страны такой, какова она есть. Довольствуясь тем, что имеется, мы от этого не страдаем.

Видя, что я собираюсь уходить, Мала останавливает меня и исчезает в соседней комнате. Возвращаясь, она улыбается и протягивает мне маленький алюминиевый медальон с изображением Девы Марии.

— Это тебе — от матери Терезы.

«О, непорочная Дева Мария, молись о нас, прибегающих к помощи твоей», — написано в овал медальона.

Я покидаю печальный дом, дом престарелых, дом забвения, свидетельствующий о человеческой глухоте к породившей всех нас когда-то молодости, которая теперь вот обратилась старостью. Хотя, впрочем, и дом жалости, дом сострадания, дом милосердия...

Спускаюсь по трем ступеням. Выхожу за ворота. Вижу: кто-то машет мне с противоположной стороны дороги. Это сестра Шанта. Поверх белоснежного сари непривычно смотрится короткое черное пальто. Она и еще одна медсестра держат под руки сухонькую старушку. Я тоже приветственно взмахиваю рукой.

Спасибо вам, берущие на себя крест подвижничества во имя чьей-то доселе неизвестной вам жизни. Отдающие неоплаченные и бессрочные долги наши.

СВЕТЛАНА КОНОВАЛОВА

МЫ, ЛЮДИ...

В работе редактора есть радости, которые предвидеть нельзя, но ждать можно, и рано или поздно — они приходят. День за днем читаешь десятки писем, откликов, статей: с одними соглашаешься, с другими, про себя, споришь, к третьим, что скрывать — равнодушен... И вдруг что-то — и не столь важна тема — словно ударяет по сердцу. Почему? Да потому, что сказано своими словами. О том, самом, может, не один десяток раз и писали, но если найдены свои слова — это впервые и для пишущего и для читающего. Вот такое чувство вызывали у меня короткие — в две-три фразы, в абзац — записи Светланы Коноваловой. Как их назвать: рассказы? заметки? наблюдения? Не так важно; важнее то пронзительное ощущение подлинности, сути жизни, которое они оставляют.

О себе Светлана Николаевна Коновалова пишет: «Мне сорок три года. Живу в поселке около города Абакана. Работаю вахтером. Все свободное время занимаюсь животными и вообще — землей, садом. Считаю, что самый плохонький приют для бездомных животных — самое важное самой грандиозной стройки. К сожалению, так считают редкие люди».

Что в нашей жизни важно, а что неважно — об этом сегодня не смолкают повсеместные споры. Не упустить бы только в спорах об экономике и собственности, земле и воле, что важнее всего — сама жизнь, даже если она «всего-навсего» собачья.

Рассказ второклассницы Тани

Тут по телевизору сказали:
— Загляните в глаза бездомным собакам!

Я маме говорю: «Посмотри в глаза Шаркику, он бездомный». А она мне: «Еще чего!»

Я — человек!

У знакомых собака Лада, дворняжка. Приходит соседка посидеть. Лада, как всегда, завидев ее, под софу залезла и ворчит.

— И на черта она нужна, отвезли бы на свалку, — недовольно говорит соседка.

— А если тебя на свалку? — спрашивает ее знакомая.

— Я — человек!

Малыш

Всегда вспоминаю эту собаку с болью и виной.

Работала сторожем на абаканских складах Росбакалем. Зимой ветер там гулял жуткий. Цемент настывший, холоднее, чем на улице.

И вот стали мы замечать, что прячется между поддонов маленькая собачонка.

Через неделю я смогла ее взять, оказался кобелек-подпесок. Но уж он не выжил — ни уколы не помогли, ни питание.

Потом узнали: главный инженер по приказу тещи привез из дома эту собачонку и бросил в складах, в крещенские морозы...

Как земля таких людей носит, почему она под ними не проваливается?

А что, собаки болеют!

Повезла я в ветлечебницу Ромку, заболел; а надо нам на автобусе ехать. Пока ждали «тройку», взяла я Ромку на колени и грею — на улице мороз.

Бабуся одна захихикала:

— Собаку греет, как ребенка...

Объясняю ей: он болеет.

Она, не переставая улыбаться:

— А собаки болеют, что ли?

Дети

Иду домой. Дети у подъезда подходят: мы вас ждали... И в руках у них собака. Я уже чую, зачем меня ждали, и спрашиваю не очень приветливо:

— Собаку принесли?

Но какие дети тонкие люди... Они почувствовали мою грубость и все то, о чем я подумала.

И тихо так одна девочка:

— Нет, мы только хотели спросить: а куда нам ее девать?

Рассказ

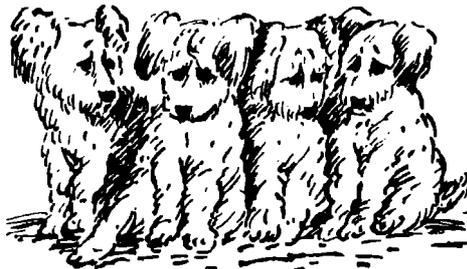
маленького мальчика

— Мы с другом овчаренка нашли, играли с ним. А потом большие мальчишки овчаренка отобрали и развели костер. Нас поставили перед костром и держали. Овчаренка привязали за хвост и тоже держали... И так он горел и кричал...

— Ты смотрел? — в ужасе спросила я.
— Нет, я отворачивался, — ответил он тихо.

Молчун

В больничном дворе, что напротив нашего дома, жили четыре маленьких дворняжки. Своим веселым лаем они помешали злым из нашего дома, и те собачонку отравили. Но один щеночек, кобелек,

остался жив. Был он большой молчун, очень пуглив, ни за что не подойдет. Ростом с небольшую кошку, серенький, пушистый, хвост поджат, шерсть на загривке дыбом. И у меня с приручением Молчуна ничего не получалось.

Иногда можно было заметить серый

маленький комочек в детской песочнице рано утром, но лишь раздавались голоса, Молчун мгновенно исчезал. К детям он тоже не подходил.

Однажды я встретила Молчуна вместе с худым хмурым большим псом. Пес этот был такой замызганный, что невозможно было понять, какой он масти.

Молчун смотрелся именинником; хвост калачиком, осанка гордая, он делал нежные движения в сторону своего друга, заигрывал с ним и радостно оглядывался вокруг — все ли видят, как ему хорошо.

Месяца через два друг Молчунов поправился и оказался рыжим с белыми пятнами. Ходили они всегда бок о бок.

Потом, как всегда это делается в Абакане, был наезд карателей-отстрельщиков на наш район, друга Молчуна убили.

Оставшись один, Молчун стал пугливей, чем раньше, и опрометью кидался в сторону от любого человека.

Так он жил три года, где ютился, чем питался — неизвестно.

И вот... судьба улыбнулась Молчуну. Кто-то все же его приручил. Об этом мне рассказали дети.

Может, я бы и не поверила, но однажды снова встретила Молчуна. Все у него было хорошо: хвост калачиком, осанка гордая. Хозяев нашел!

И вот уж опять кажется, что чудища со стеклянными глазами никогда больше не придут стрелять собак...

И можно сказать — жизнь стала чуточку лучше...

Таня, Альфа и Оля

Две подружки, шестиклассницы Таня и Оля, ссорятся из-за Альфы. Альфа — шестимесячная немецкая овчарка. Настоящая хозяйка Альфы, Таня, с полным правом зовет свою любимицу еще и нежным прозвищем Аплюшкин.

Но Оля переживает за Альфу не меньше Тани; и оттого идут сплошные выяснения, как воспитывать Альфу-Аплюшкина — строго или нестрого.

— Ой, опять ударила поводком! — и Оля страдальчески морщится.

— Она должна слушаться, — и Таня снова шлепает Альфу, уже скорее не для дрессировки, а для демонстрации перед Олей своей хозяйской власти.

Таня эгоистически не желает, чтобы

кто-то, пусть даже и подружка, владел ее Альфой, и потому может сказать:

— Когда со мной Аплюшкин, мне никого не нужно!

Каждый раз больно видеть Олю. И однажды, чтобы сделать ей приятное, я сказала:

— Оля, как только наладим приют для животных, выберешь себе какую хочешь собачку, и она будет только твоя.

В ответ Оля заплакала.

Нежность

Таня каждый день меняет Альфе имена. Я слушала, слушала и попросила:

— Перепиши-ка мне, Танечка, все эти имена на бумажку!

Таня переписала.

И вот что я прочитала:

«Альфю зовут:

папа — Крокодилем и Крокошей за большие зубы. Мама — Альфушей. Я — Аплюшкой, Апкиной-Тяпкиной, Апенком, Афушкой, Афкой, Апки, Апкиной, Бякиной, Альпушей, Аптей, Тяпичкиным...» И тут я вспомнила еще одно имя Альфы — Аплюшкин.

Так оно и будет: одно забудется, другое народится.

Нежность изобретательна.

Родной мой Ленинград

Давно уже, лет десять назад, в Минусинске попал мне на глаза один репортаж, кажется, в «Смене»: «Собака упала в Фонтанку».

Рассказывалось в нем о собаке Джеке, потерявшем хозяйку и от обид людских пожелавшем уйти из жизни. Не дали ему погибнуть, вытащили из ледяной воды, хотя для этого пришлось использовать катер с целой командой.

Ну что, кажется, такого уж особенного! Однако нашлись люди, которые засомневались: а стоит ли ради собаки столько хлопот? И автор им ответил: «Стоит! Потому что ничего нет дороже жизни на Земле!»

Мне тогда уже было тридцать с лишком, но ни разу до этой статьи я не испытывала такого гордого, такого счастливого чувства родины!

Многим я потом давала почитать этот репортаж и объявляла с гордостью:

— С родины! Из Ленинграда!

Дело в том, что я действительно родилась в Ленинграде в 1946 году.

Кто-то носит родную землю; у мамы вот все хранились сухие белые грибочки с родной ее Волги... А у меня появился этот репортажик.

И девочку, которая взяла Джека, звали, как и меня, Светланой...

Рыча

Ходил по Абакану один маленький кобелек, гладенький, бесхвостый, вроде японского пинчера, только разве побольше. Уши торчком, глазки умные. Ходил и плакал.

Видели его и в автобусах, и так на улице: он нюхал следы, скулил тихонько, нигде не задерживался, а все шел и шел из одного двора в другой.

Но все-таки нашлись люди, взяли его в свой дом и назвали Рыча.

Рыча жил у них немного, потом ушел, и снова его видели и в автобусах, и у школ, и просто на дорогах. Люди, приютившие Рычу, снова нашли его и вернули в дом. Но Рыча опять ушел и опять его видели в разных концах города.

Не знаю, сколько бы так продолжалось, но однажды Рычу задавила машина. И едва заметный слухок покотился по городу:

— А этот-то пес, гладенький рыжий, без хвоста, погиб-таки. Хозяев искал, машина задавила.

Прозвенел слухок и затих.

Где они, хозяева Рычи, люди, которых он так любил и ни на кого не хотел менять?

Немая собака

Подростки (все они состоят на учете в детской комнате милиции) рассказывали, что у них во дворе жила немая собака. Днем лежала где-нибудь в стороннем уголке, а проголодавшись, шла к подъездам, поджидала детей. Все ее кормили.

Потом старуха одна решила, что это непорядок, и вызвала отстрельщика.

Приехали, пуль тратить не стали, удавили.

...Дети выбили этой старухе стекла — все до единого...

Тишина

На берегу одной абаканской дрены, в песчаном яру, жили в норах три бездомных собаки.

Мир не без добрых людей. Из ближайших домов приходили жители и приносили им еду. Собачонки были пугливые, но ласковые и издали благодарили за заботу, юля хвостами.

Одним утром приехали отстрельщики и всех собак перестреляли. Вечером пришла женщина с едой в целлофановом мешочке, звала собак долго. Но никто не вышел на зов. И она пошла назад со своим мешочком...

Шла и оглядывалась, останавливалась надолго и все смотрела за пригорок...

Как вы помните, в майском номере журнала мы завершили публикацию бесед из цикла «Азбука общения». Но читательские (ваши!) просьбы и вопросы побудили вернуться к этой теме. Сегодня доктор психологических наук Ю. ГИППЕНРЕЙТЕР будет говорить о проблеме, которая, пожалуй, для большинства родителей является не просто актуальной, но и «больной», — о взаимоотношениях с подростками.

Ю. ГИППЕНРЕЙТЕР, доктор психологических наук

ПОЧЕМУ С НИМИ ТАК ТРУДНО

Сколько бесплодных усилий, огорчений и нервов приносит «трудный подросток»... Взрослые жалуются: «Наш с некоторых пор совершенно перестал слушаться, грубит, уроки не учит, от учителей постоянные жалобы на дисциплину...» А в ответ слышат: «А наш еще хуже: стал прогуливать школу, связался с плохой компанией, уже несколько раз не почевал дома...»

Учителя выбиваются из сил, родители в отчаянии: что с ним (с ней) будет? А самому подростку и того хуже: опущенная голова, взгляд догрозивший, то полный вызова и обиды на всё и вся...

Почему так случилось? Ведь все «хотели только хорошего», да и сейчас стараются воспитывать «изо всех сил»... А дело в том, что истинные причины серьезных нарушений поведения ребенка — «в глубине» и, как правило, не осознаются ни взрослыми, ни самим ребенком.

И вот что еще надо понять (это нелегко!) и этим пониманием руководствоваться (тоже не легко...) — в число «трудных» обычно попадают дети не худшие, а те, кто особенно чувствителен и раним. Они «сходят с рельс» под влиянием жизненных нагрузок и трудностей, реагируя на них гораздо раньше и сильнее, чем дети «обычные». Вот почему «трудный»

ребенок нуждается только в помощи — и ни в коем случае не в критике или наказании.

А теперь рассмотрим причины нарушений поведения детей.

Первая — борьба за внимание. Дети очень часто не получают от родителей того количества внимания, которое им необходимо для нормального развития и эмоционального благополучия. Родители в наши дни слишком заняты, да и задачи осознанной нет — «возиться с ним». А уж когда пошел в школу, то и подавно: «Вырос уже». Поэтому подросток в основном слышит стандартные вопросы: «Поел?», «Поголял?», «Уроки выучил?», «В магазин сходил?» И если все в порядке, общение прекращается; ребенок остается наедине со своими заботами и интересами — а то и бедами. А детям трудно примириться с родительским невниманием. Зачастую они прямо попросят папу или маму «посидеть», «поиграть», «сходить вместе» — и получают нередко отказ. И вот тогда они находят более верный способ привлечь внимание: непослушание. То сын за телевизор сядет вместо уроков, то форму не повесит, то магнитофон включит «на полную катушку». Родители то и дело отрываются от своих дел, сыпят заме-

чаниями: «Почему опять...», «Разве не знаешь, что...». «Сколько раз тебе...» Нельзя сказать, что это уж очень приятно, но внимание все-таки получено. Лучше такое, чем никакого!

Вторая причина — борьба за «победу». Стремление взять верх над родителем возникает каждый раз, когда подростку кажется, что ущемлено его право на самостоятельность, независимость и самоопределение. Это чувство возникает, когда преимущественными формами общения взрослых с детьми оказываются указания, замечания и опасения. Родители же считают, что делают все правильно: должны же они прививать своим детям правильные привычки, приучать их к порядку, предупреждать ошибки, вообще — воспитывать. Это — несомненно, но весь вопрос в том, как это делать. Если замечания и советы слишком часты, а приказы и критика слишком резки, то подросток восстанет. Воспитатель сталкивается с упрямством, своеволием, действиями наперекор. Смысл такого поведения для подростка — отстаивать право самому решать свои дела, и вообще показать, что он — тоже личность. И не важно, что его решение подчас не очень удачно, даже ошибочно. Зато оно свое, а это — главное!

Следующая причина — желание *отомстить*. Дети, особенно подростки, часто бывают обижены на родителей. Причины могут быть очень разные: родители более внимательны к младшему; мать разошлась с отцом, и в доме появился отчим; подростка отделили от семьи (положили в больницу, послали к бабушке); родители постоянно ссорятся... Много и случайных поводов для обиды: резкое замечание, невыполненное обещание, несправедливое наказание... И снова в глубине души подростка — переживания и даже страдания. А на поверхности — все те же протесты, непослушание, неуспеваемость в школе. Смысл «плохого» поведения в этом случае можно выразить так: «Вы мне сделали плохо — пусть и вам будет тоже плохо!»

Наконец, последняя причина — *сдвиг неблагоприятия* из одной сферы жизни подростка в другие. У мальчика могут сложиться отношения с одноклассниками, следствием будет запущенная учеба, а неуспехи в школе могут привести к вызывающему поведению дома...

В основе механизма смещения неблагоприятия лежит низкая самооценка подростка. Накопив горький опыт неудач и критики в свой адрес, он теряет уверенность в себе. Его вывод: «Ничего стараться все равно ничего не получится». Это — в душе. Внешним же поведением он показывает: ему «все равно», «и пусть плохой», «и буду плохой!»

Приглядимся: *все* исходные стремления неблагоприятных детей вполне *положительны и закономерны*. Это — естественная потребность каждого ребенка в тепле и внимании родителей, потребность в принятии и уважении его личности, чувство справедливости, желание успеха. Беда «трудных» детей вот в чем: они остро страдают оттого, что потребности эти не реализованы, и пытаются восполнить эти нехватки способами, которые ничего не восполняют. Почему же они «так неразумны»? Да потому, что не знают, как это сделать иначе! И поэтому всякое серьезное нарушение поведения подростка — это сигнал о помощи. Своим поведением он говорит нам: «Мне плохо! Помогите мне!»

Может ли родитель помочь ему? Практика показывает: вполне может! Но для этого нужно сначала понять природу эмоционального неблагоприятия подростка. Задача, на первый взгляд, непростая. Как мы видели, разные причины дают одну и ту же внешнюю картину. И все же вопрос, как узнать причину, решается достаточно просто, хотя и неожиданно.

Для этого родителям прежде всего нужно обратить внимание на свои собственные переживания. Они должны знать, какие чувства возникают у них самих при нарушении поведения и неподчинении подростка. Оказывается, при разных причинах эмоциональные реакции у родителей *разные*. Вот такой удивительный факт, открытый психологами: переживания родителя — ключ к пониманию скрытых проблем ребенка!

Давайте посмотрим, какие же чувства соотвечают каждой из наших причин.

Если ребенок борется за *внимание*, то и дело досажая своим непослушанием и выходками, у родителя возникает *раздражение*. Типичные фразы, которые он при

этом произносит: «Господи, опять ты...», «Как же ты мне надоел!», «Когда же это кончится?»

Чувства родителей совсем другие, когда ребенок борется за *превосходство*. Давайте представим себе следующую типичную сцену:

Отец: Нет, ты не пойдешь!

Сын: Нет, пойду!

Отец: А я тебе запрещаю!

Сын: А я все равно пойду!

Отец: Я тебя накажу и очень сильно!

Сын: Ну и наказывай, я не боюсь (уходит).

На вопрос: «Что вы испытываете в подобных случаях?» родители перечисляют: бессильную злость, желание словить сопротивление, наказать.

Когда смысл непослушания подростка — *месть*, ответное чувство родителя — *обида*. В этих случаях нередко слышишь: «Старайся, старайся, а он такой неблагодарный! Разве я это заслужила?!»

Наконец, в случае «смещения неблагоприятия» родители оказываются во власти чувства *безнадежности*, порой отчаяния. Их типичные фразы: «Не знаю, что делать...», «Всё перепробовала: и ласки, и просьбы, и угрозы...», «Просто руки опускаются!»

Как видите, чувства разные, и вполне можно понять, какое именно подходит к вашему случаю.

Что же делать дальше? Это, конечно, ключевой вопрос. Общий ответ на него такой: постараться не реагировать *привычным образом* — так, как ждет от вас подросток.

Во всех разобранных нами конфликтных случаях общение родителя с ребенком таково, что создается *порочный круг*. Чем более взрослый недоволен, тем очевиднее подросток убеждается: его усилия достигли цели. И он возобновляет их с новой энергией. Значит, задача взрослого — перестать *прежними способами* реагировать на всевозможные нарушения и непослушание — и разорвать заколдованный круг.

Конечно, сделать это нелегко. Эмоциям не прикажешь, они включаются почти автоматически, особенно когда конфликты застарелые, «со стажем». И все же изменить характер общения *можно!* Можно остановить если не эмоцию, то, по крайней мере, все, что за ней следует: замечания и наказующие действия. Если в следующий момент вам удастся уяснить, что именно вы почувствовали, то нетрудно будет разгадать и проблему вашего ребенка: с чем, против чего или отчего он «воевал». А уж после этого гораздо легче перейти с позиции исправления на позицию помощи. Помощь в каждом случае, конечно, будет разная.

Если идет *борьба за внимание*, необходимо найти возможности для того, чтобы ребенок ощутил ваше положительное внимание к его жизни. Делать лучше это в относительно спокойные моменты, когда никто ни на кого не рассержен. Возможно, вы придумаете какие-нибудь совместные занятия, игры или прогулки. Вы не знаете, как это делать? Ничего, стоит попробовать — и вы увидите, какой благодарностью отзовется на это подросток!

Что же касается «дежурных» непослушаний, то в этот период лучше всего их

оставлять без внимания. Через некоторое время вы обнаружите: они начинают проходить сами собой, ведь причина исчезла.

Если источник конфликтов — *борьба за победу*, следует, наоборот, уменьшить свою включенность в дела подростка. Мы уже не раз говорили, как важно для детей накапливать опыт собственных решений и даже неудач.

Стоит на первых порах воздерживаться от таких требований, которые подросток, скорее всего, не выполнит. Напротив, очень помогает то, что может быть названо «методом подстройки»: вы не оспариваете решение, к которому он пришел, а договариваетесь с ним о деталях.

Но больше всего поможет избавиться от излишнего давления и диктата понимание, что упрямство и своеволие подростка — это лишь раздражающая форма молбы: «Позвольте же мне, наконец, жить своим умом».

Если вы испытываете обиду, то нужно спросить себя: что заставило ребенка причинить ее вам? Какая боль у него самого? Чем вы обидели или постоянно обижаете его? Поняв причину, надо, конечно, постараться ее исправить.

Самая трудная ситуация — у отчаявшегося родителя и разувверившегося в своих силах подростка. Умное поведение родителя в этом случае — перестать требовать «полагающегося» поведения. Стоит «сбросить на ноль» свои ожидания и претензии. Наверняка ваш ребенок что-то может и, скорее всего, к чему-то очень способен. Но пока он у вас такой, какой есть. Найдите доступный для него уровень задач. Это ваш исходный плацдарм, с которого вы можете начать двигаться вперед — вместе с ним организуя совместную деятельность. Сам выбраться из тупика он не сможет.

При этом нельзя допускать в его адрес никакой критики! Ищите любой повод, чтобы его похвалить, отмечайте любой, даже самый маленький успех. Постарайтесь подстраховывать его, избавлять от крупных провалов. Стоит поговорить с учителями и попытаться взять их на этот период в союзники. Вы увидите: первые же успехи окрылят вашего ребенка.

Мы обсудили основные пути помощи неблагоприятным детям. Теперь несколько дополнительных замечаний.

Не следует думать, что ваши старания приведут к успеху в первый же день. Путь предстоит долгий и трудный, он потребует от вас немалого терпения. Вы, наверное, заметили: главные усилия надо будет направить на то, чтобы переключать свои отрицательные эмоции (раздражение, гнев, обиду, отчаяние) на конструктивные действия. Да, в каком-то смысле придется ломать себя, а точнее — себя воспитывать. Но это — единственный путь воспитания вашего «трудного» ребенка.

И последнее, что очень важно знать: вначале, при первых ваших попытках улучшить взаимоотношения, подросток может усилить свое плохое поведение! Он не сразу поверит в искренность ваших намерений и будет испытывать вас. Так что придется выдерживать и это очень серьезное испытание. Хочется очень пожелать вам успеха — он обязательно должен прийти.

НАДЕЯ

Сердитое письмо читателя обсуждают педагог и психолог

Уважаемая редакция!

Очень часто читаю в вашем и других журналах и газетах о том, как правильно общаться с детьми, как их воспитывать. Читаешь и кажется, что это все про твоего ребенка написано, все правильно (Я имею в виду статью В. Рахматшаевой «Проблемы... Но чьи?» в № 8 за 1989 год). А дальше?

Моему сыну четыре года. Мы живем с родителями мужа. Мальчик очень подвижный, любознательный, шустрый. Это хорошо, конечно. Но чем больше он становится, тем труднее нам с ним. Не умеет сам одеваться и раздеваться, хотя и умеет. Ни за что не поднимет то, что бросил, как его ни проси, ни уговаривай. Обзывается очень сильно, на малейшие замечания или просьбу в свой адрес отвечает: «Отстань от меня». Мы все зашли в тупик, не знаем, как себя с ним вести. Попробовали налупить — озлобляется, кричит еще громче, а толку, конечно, нет. По-хорошему говорим — не слушает.

А семья у нас хорошая, дружная. И мы с мужем любим друг друга, никогда не ссоримся. И родители мужа никогда не кричат, не ссорятся. Никто не пьет.

Все нашего сына любят очень. Но отчего он такой? Может, слишком сильно любили его, забаловали? Не знаю, отчего, и не знаю, что делать дальше. Читаю все статьи о воспитании, и все они одинаковые. Сначала описывают поведение детей и родителей, различные жизненные ситуации. А потом приводят разные высказывания великих людей, а затем идет длинная статья с профессиональными, часто непонятными нам терминами, которую прочтешь и ничего не поймешь, не вынесешь. Что же делать в конкретных ситуациях конкретным родителям — об этом ничего нет.

Вот и в этой статье идет пространное объяснение того, как взрослый должен делать замечание ребенку. Мы с мужем долго читали и пытались понять, что же нужно сказать сыну, во-первых, что — во-вторых. И что же из этого вышло? Когда сын разбросал игрушки на полу и я стала говорить ему: «Саша, когда я вижу игрушки на полу...», он мне ответил сразу, не дав договорить: «А я не хочу собирать, сама собирай». Когда он бегал по комнате, прыгал с дивана, я пыталась говорить ему так, как вы пишете: «Саша, когда ты прыгаешь и бегаешь, у бабушки начинает болеть голова». Вы ду-

*Андрейский
почерк*

ИТЬСЯ ЛИ НА СОВЕТЫ?

маете, он ее пожалел, подумал о том, что он *показывает отрицательное влияние на другого человека?* Да он ни о чем не думает! Сначала он даже не слушает то, что ему говорят. Когда его прыганье начинает заметно выводить бабушку из себя и у нее действительно начинает болеть голова, да и у всех нас тоже, мы начинаем кричать уже, как вы пишете, приказным тоном: «Саша, перестань, прекрати!» А Саша кричит: «Отстаньте от меня! Я все равно буду прыгать». А дальше он обзывает всех самыми плохими словами, какие только знает.

Найдется ли хоть какой-нибудь психолог, ученый или просто человек, который скажет нам, что делать, когда сын кричит мне: «Ты дура, мама». Хорошо еще, когда дома. Ведь я на улице, в автобусе боюсь ему слово лишнее сказать, он и там кричит так же. Что делать конкретно в этот момент?

Родители наши возмущаются, говорят, что их дети никогда такими не были, что он вырастет страшным хулиганом, сразу видно, что по нему колония плачет.

Уж если психологи не могут ответить, что делать (а я еще нигде не прочитала конкретных, хотя бы приблизительных ответов), может, родители откликнутся на мое письмо, напишут, как они поступают в таких случаях. Родители, я думаю, не будут общих фраз говорить, а напишут конкретно.

Извините за такое не очень дружелюбное письмо. Я действительно вижу, что сын в свои четыре года становится трудно-воспитуемым. А что будет дальше? Я не знаю, как вести себя с ним.

С уважением Т. С.

Вот такое письмо... Хоть и нечасто приходится редакции читать такие претензии, но, думается, невysказанные, они — нередки. И не стоит удивляться: родители каждый день — на «практической педагогической работе», а она требует не просто понимания ребенка, а реальных действий, подчас — весьма решительных. И как читателю удержаться от сомнения: коли «специалисты» не дают точных советов — что в той или иной ситуации, делать — так, может, и сами не знают?

Все эти непростые сюжеты и обсуждают два специалиста — автор статьи, которая упоминается в письме, психолог, кандидат наук Валентина Александровна Рахматшаева (в дальнейшем тексте — В. Р.) и педагог, тоже кандидат наук, Наталья Георгиевна Осухова (Н. О.).

Н. О. Из юмористических миниатюр Михаила Задорнова выпорхнула и загуляла по стране фраза: «Мы живем в стране советов...» «Советы» вовсе не по ошибке написаны со строчной буквы: здесь имеют-

ся в виду не органы власти, а тот печально известный факт, что все мы любим либо ждать советов, либо давать их.

Вот и в этом письме (да не только в этом!) — просьба дать совет. Признаться: сочувствуете автору письма. Написать его (ведь это — сигнал SOS, крик о помощи) можно только от отчаяния. И все же советов мы давать не будем. Почему? Прежде всего потому, что их дать просто, да выполнить зачастую невозможно. А главное, каждое затруднение в отношениях с ребенком — это лишь внешнее проявление болезни, а не сама болезнь (как сыпь при скарлатине). Чтобы «вылечить ребенка», нужны и психолого-педагогические знания, и умения, и желание... Но прежде всего — надо поставить диагноз.

В. Р. Если попытаться сформулировать его предельно кратко, то, мне кажется, главная причина детского бунта в том, что родители не понимают и даже не пытаются понять ребенка.

Н. О. Так ли? Прежде чем признать: «Мы зашли в тупик», — автор письма перепробовала очень многое: здесь и варьирование известных ей воспитательных воздействий, и поиск ответов на свои вопросы на страницах книг и журналов, и попытки точно следовать найденным рекомендациям. В том числе и тем, которые вы предлагали. Согласитесь, немало!

В. Р. Все верно. Эти попытки и старания как раз и имеют своей целью исправить ребенка, изменить его, выпелить из него «что-то хорошее». А вот попыток понять ребенка, почувствовать его проблемы я не увидела ни в позиции мамы, ни в позиции других взрослых в семье.

Н. О. Не спешим ли мы с выводами? Конечно, диагноз поставить нелегко: в письме отсутствует полная «информация к размышлению». Перед нами задача со многими неизвестными. Первое: каковы отношения в семье и какие взгляды на воспитание у каждого из взрослых? Второе: чего хотят воспитатели?

У меня почему-то возникает ощущение, что главное для них — унять активность ребенка, затормозить нежелательное поведение. Иными словами, их задачи в основном сиюминутные, тактические: «Чтобы не грубил», «Чтобы не мешал», «Чтобы слушался». Но ведь это проблемы взрослых... А каковы же проблемы ребенка? Перечитав письмо несколько раз, я, к сожалению, не заметила в нем попытки проанализировать: какие побуждения скрываются за поступками ребенка, что вызывает у него столь бурный протест?

В. Р. Лучший способ понять другого — поставить себя на его место. Когда я пытаюсь это сделать, у меня возникает ощущение, что малыш попросту

задавлен лавиной требований мамы, папы, бабушки и дедушки. Все хотят, чтобы он был хорошим!

Н. О. Одну минутку! Как вы думаете, какой смысл вкладывают взрослые в слово «хороший»?

В. Р. Думаю, в данном случае хороший — значит послушный.

Н. О. Вы хотите сказать: не мешающий жить спокойно, не требующий особого внимания, а главное — не сопротивляющийся?

В. Р. Пожалуй, именно так...

Н. О. А вам не кажется, что такой идеал «хорошего ребенка» бедноват, а в перспективе и бессмыслен?

Когда вместо своей не всегда удобной дочери Насти, которая уже в три года по поводу и без него повторяла: «Я сама!» и могла в самый неподходящий момент привести полный дом гостей или «встрять» во взрослый разговор, я пытаюсь представить послушного во всем ребенка-робота, мне становится страшно. Почему? Да потому, что ясно вижу дальнейший результат: взрослого человека, не смеющего иметь свое суждение, не способного на самостоятельный поступок.

В. Р. Ну, может быть, так далеко заглядывать не стоит? Может, это преждевременное пророчество... Но вот что верно: именно в возрасте «от трех до пяти» взрослые просто не имеют права стоять стеной на пути детской самостоятельности. Ведь это — основное качество души, которое он обретает в этом возрасте. Если же мы не дадим ему возможности, то вместо самостоятельности у малыша может возникнуть чувство вины, которое он пронесет через всю жизнь. Вот и у этого маленького Саши я вижу рождение именно такого состояния. Агрессия, которую он обращает на родителей, бросая им в ответ на бесконечные замечания: «Отстань от меня, не подходи ко мне!», «Ты дурак, деда!», «Ты плохая мама!» — это как раз и есть его способ защиты от посягательства взрослых на его независимость, свободу и самостоятельность.

Н. О. Да и надо ведь понимать, что такому малышу еще не под силу справляться со своими чувствами. К тому же у него как минимум четыре воспитателя (жаль, мама не написала, участвует ли в воспитании детсад). И каждый взрослый ожидает (а не дождалась, требует) немедленного исполнения его распоряжения. Действительно, есть от чего защищаться!

В. Р. А я вот вспомнила своего сына. Ослушавшись бабушку, он так объяснил свое поведение: «Мама, я же не успеваю за всем тем, что говорит бабушка! Она говорит так много и так быстро, что мне трудно...» Я пыталась возражать: «Но

ведь бабушка хочет тебе хорошего...» «Но ведь я же — не она! — страстно пытался убедить меня сын. — Пусть она себе говорит, что делать! А я буду — себе...» Правда, мой сын был постарше Саша на целых два года...

Н. О. Кажется, пора сделать первый вывод. Спротивление четырехлетнего человека всевозможным «ЦУ» взрослых — вполне нормальное явление. А родителям нужно попытаться понять: человек растет, отстаивает свою «самость», непохожесть на других, свое право на действия по внутренним побуждениям, по своим собственным решениям. Если вы вовремя не заметите этого и будете «пережимать», то обязательно возникнет сопротивление. И проявится оно у разных детей по-разному: у одних — как уход в себя; у других — как агрессивное непослушание.

В. Р. Эта агрессия может быть либо борьбой, стремлением во что бы то ни стало одержать верх, либо своеобразной, как правило, неосознанной мстостью за нанесенную взрослыми обиду. Но в любом случае это результат того, что родители «пережали». Впрочем, возможен и еще один вариант: протест ребенка может быть отчаянной попыткой привлечь к себе внимание занятых взрослых.

Н. О. Бывает и так: встревоживший родителей «бунт» ребенка вызван тем, что взрослые решили: он уже большой, пора с него спрашивать. И вместо недавней постоянной опеки появляется вдруг непрерывный поток требований.

В. Р. Но в любом из возможных вариантов пусковой механизм бунта — неумение взрослых понять его истоки.

Н. О. Увидев ситуацию глазами ребенка, надо бы теперь стать на позицию взрослых, жаль, для этого у нас мало-мало данных...

В. Р. Ну почему же? Мне кажется, поставить себя на место мамы можно. Мне, к примеру, это будет не очень сложно. Моя собственная позиция в семье схожа: я тоже воспитываю сына под неусыпным оком старших и тоже постоянно слышу: «Ты неправильно воспитываешь ребенка! Твой ребенок никогда не вырастет хорошим человеком. Он вредный, непослушный...»

Н. О. Действительно, о том же самом пишет Сашина мама...

В. Р. Представляю, как маме хочется избежать «пророчеств» о колонии, любой ценой успокоить старших, угодить им. А в душе в это время происходит сложная внутренняя борьба: хочется приласкать ребенка, общаться с ним по-хорошему, без крика. Но надо выполнять требования «сверху» — обеспечить послушание, повиновение, вежливость и аккуратность. В такой ситуации трудно быть последовательным. И неизменно возникают раздражение, недовольство. Кем? Конечно, самым слабым и беспомощным — ребенком: ведь из-за него все неприятности! Начинаются срывы и окрики, чередующиеся, возможно, с нежными объятиями. А ребенок не понимает: что это с мамой? Какая она на самом деле?

Н. О. Понимать он, конечно, не понимает. Однако дети поразительно тонко чувствуют наше состояние. И мне кажется, что маленький герой письма тоже чувствует создавшееся положение, замечает и ма-

мину непоследовательность, перепады от «разговоров по-хорошему» к «разговорам по-плохому». А может статься, и семейные споры по поводу методов воспитания достигают его ушей... В итоге ребенок может использовать все слабости старших и их разногласия для «победы над взрослыми».

На мой взгляд, главный вопрос состоит не в том, что делать в тот или иной момент, а в том, чтобы определить свою линию взаимоотношений с ребенком и желательно, но последовательно придерживаться ее.

В. Р. Но ведь отношения старших (всех!) к малышу, на их взгляд, самые наилучшие: они любят малыша и этим, кажется, все сказано...

Н. О. Извините, что опять прерываю Вас. Вам не слышится за этой любовью привычное «Стань таким, как я хочу?» В статье С. Соловейчика «Агу и бука» я наткнулась на шутилку классификацию стилей воспитания. Если воспользоваться ею, то в данном случае мы говорим о стиле «сад-огород». Это подразумевает примерно следующее: родители с корнем «выпалывают» все сорняки и «насаждают» разумное, доброе, вечное. Или — удобное для них.

В. Р. К сожалению, позиция «любить таким, какой есть» непривычна для нас, родителей. Нам, наоборот, кажется, что воспитываем мы тогда и только тогда, когда стремимся сделать ребенка лучше. Только в этом и заключается любовь...

Н. О. Но любить ребенка можно по-разному — для себя или для него. В первом случае — это любовь к своей собственности или любовь, «которую надо заслужить»; а во втором — к человеку — такому, какой он есть.

В. Р. Я буквально слышу в ответ иные рассуждения. «Ну что же, оставить ребенка таким, какой он есть? И пусть делает, что хочет? А для чего мы, воспитатели?» Мне кажется такого отношения к ребенку, буквально вьезшегося в нас, нам никогда не вытравить. Иногда с ужасом оглядываюсь на себя. Теоретически знаю, что ребенок хорош уже тем, что он у меня есть... Что он многое понимает, что надо ему от меня лишь терпение и сопереживание. Но все равно то и дело засыпаю его приказами, указаниями, советами. Иногда и наказываю, зная наперед, что от этого лучше не будет. И поступаю так потому, что боюсь: а вдруг, если я не вмешаюсь, из ребенка получится что-то такое...

Н. О. Странное дело! Многие родители не видят или не хотят видеть того, что доказал весь печальный опыт нашей традиционной авторитарной педагогики: система неприятия ребенка таким, каков он есть, губит детей. Губит потому, что разрушает самое главное — доверие между взрослым и ребенком. Если ребенок не уверен, что его понимают, если он чувствует, что его «подгоняют под правила», он не сможет принять душой требований и замечаний такого взрослого (будь то учитель или родитель). Если же он и будет выполнять требования старших, то лишь затем, чтобы либо избежать неприятностей, либо заработать поощрение, либо... прервать льющееся на него словозвержение. Действует ущербный механизм фор-

мирования личности — приспособление. При внешнем послушании внутреннее сопротивление не только остается, но и возрастает. Избавившись от нашего присутствия, дети облегченно вздыхают и... делают все по-своему.

Конечно, без требований и замечаний не обойтись. Однако требования действуют только на фоне принятия ребенка взрослым, веры в его силы и возможности. Знаете, как в детском стишке: «Все равно его не брошу, потому что он хороший».

Здесь, по-моему, самое время подумать, почему методика «я-замечаний» не сработала у автора письма в редакции...

В. Р. Она и не могла сработать! Ведь «я-замечания» могут принести пользу тогда, когда ребенок уже принят взрослым и чувствует это, когда в семье сложились отношения ненавязчивой заботы друг о друге.

Н. О. Да, похоже, мама, озабоченная своими проблемами, взяла из всех рекомендаций Вашей статьи только технологию «я-замечаний», то есть одно из средств. Не удивительно, что оно не дало результатов.

В. Р. Вот посмотрите. Саша бежит по комнате, прыгает с дивана. При этом он получает величайшее наслаждение от удовлетворения потребности в движении. Это для него очень важно и значимо в данный момент. Мама же, пренебрегая этим, не пытается порадоваться вместе с сыном, а начинает ему говорить о своих отрицательных эмоциях. Точнее — даже не о своих, а о бабушкиных: «Саша, когда ты прыгаешь, у бабушки начинает болеть голова...» Но ведь голова-то еще не болит... Ребенок не верит маме. Во-первых, потому, что она — не бабушка, не ее голова может заболеть. А во-вторых, просто потому, что он в этот момент полностью находится во власти своего удовольствия.

Н. О. Ситуация осложняется тем, что взрослые каждый раз торопят ребенка, не давая ему времени остановиться, задуматься: что же он делает не так. И даже правильно сформулированное «я-замечание» становится в этом случае безоговорочным требованием. А ведь ребенку нужно бы дать время на «подготовку к исполнению». К примеру, так: «Ну что же, попрыгай еще минут пять, а дальше займемся...»

И еще очень важно: с какой интонацией мама произнесет «я-замечание»! Не секрет, что одну и ту же фразу можно произнести минимум с двадцатью интонациями. За нашим замечанием ребенком может послышаться угроза, растерянное бессилие, назойливое напоминание. В зависимости от того, что он услышит, малыш примет решение: выполнять или не стоит.

В. Р. И чувства взрослых при этом должны быть подлинными, действительно переживаемыми...

Н. О. Так что же, для действительности «я-замечания» надо ждать, пока действительно заботит ребенка?

В. Р. Ценю Вашу шутку, но дело не в этом. Мама должна была сообщить ребенку о своих чувствах в этот момент. А лучше, чтобы это сделала сама бабушка. Судя по письму, ситуация развивалась иначе и замечание мамы не могло быть услышано ребенком. Во-первых, потому,

что его произносила мама, а не бабушка, а во-вторых, не было выполнено еще одно важное условие: для того, чтобы «я-замечание» было услышано, должна возникнуть настройка ребенка на говорящего. Нужно, чтобы он хотя бы остановился. Я в таких случаях прошу своего сына подойти ко мне. А чаще подхожу к нему сама, опускаюсь на колени, чтобы видеть его глаза, беру его ладошки в свои и говорю: «Послушай меня, мой хороший... Тебе сейчас весело? Я рада за тебя. Но послушай, что я тебе скажу...» А дальше уже следует «я-замечание».

Н. О. Мне хочется только добавить, что существует не один-единственный, а множество выходов из подобных ситуаций. «Я-замечание» — только один из них. В зависимости от особенностей ребенка, от отношений, которые сложились между мамой и сыном, от особенностей самой мамы, способы могут быть разными. К примеру, сама я зачастую пыталась перевести в шутку. И знаете, помогало. Или, наоборот, не обращала ни на что внимания, продолжала заниматься своими делами (не забыв, конечно, договориться с бабушкой, что она будет поступать так же). И тоже действовало: напрыгавшись вволю, дочь шла заниматься другим делом. А иногда я сама включалась в игру, и мы вместе с мамой переходили от шумных забав к тихим занятиям.

Не думайте: применил рекомендацию — и сразу поддается. Гарантировать роди-

телям обязательный успех от использования какого-либо способа было бы легкомысленно. Каждый способ действует только тогда, когда он вписывается в ситуацию, подходит к вашей манере общения с ребенком. И, конечно, если вы не срыгаетесь, если вы спокойны и доброжелательны... Поверьте, универсальных методов и приемов на все случаи жизни нет и быть не может. Разумеется, родителям очень хочется найти Единственный Безотказный Метод Воспитания. Потому они и ищут его в каждой новой статье, спешат применить, а потом жестоко разочаровываются.

В. Р. Вообще-то, я отчасти на стороне этих родителей, ведь воспитывать детей так сложно... Знаете, мне тоже всегда хочется попробовать все новое, о чем пишут в книжках. И я пробую... Только я не расстраиваюсь, если не получается.

Н. О. Но, думаю, в случае неудачи вы не вините психологию и педагогику, вместе взятые?

В. Р. Конечно! И, может быть, эта моя позиция объясняется не только психологическим образованием, но тем, что я прежде всего верю в своего ребенка и самое себя. Именно эта вера позволяет мне никого не винить. Она придает силы искать новые, свои пути и способы общения с ребенком и в то же время доверительно относиться к тому, что пишут в книгах.

Н. О. Общение с родителями показывает: разочарование в педагогических и

психологических знаниях — это явление массовое. Может быть, это происходит потому, что родители ищут в книгах не то, что они могут дать?

Хотелось бы, чтобы наши читатели поверили в одно: не надо относиться к книгам по воспитанию как к сборникам кулинарных рецептов или готовых схем, построенных по принципу: «Делай, как я». Каждая рекомендация требует не копирования, а осмысления — применительно к своему ребенку.

Что могут педагогические книги? Дать знания основных приемов воспитания и правильное понимание природы поведения ребенка. И потому эти книги могут помочь родителям избежать грубых ошибок. Книги по педагогике и психологии учат вас, дорогие родители, азбуке воспитания. А «слова и предложения» вам придется составлять самим, сообразуясь со множеством конкретных обстоятельств.

В. Р. Ведь ваш ребенок — особенный, единственный, неповторимый... Да и семья ваша непохожа на семью соседей по лестничной площадке. Поэтому и воспитание ребенка у вас идет не так, как у соседей. Стоит ли винить литературу, если что-то не получается? Поверьте, хорошая книга может вам помочь во многом. Но только в том случае, если вы будете не слепо копировать, а творить, основываясь на тех сведениях и советах, которые в ней есть.

УСЛОВИЯ

Всесоюзного конкурса на лучшую детскую книгу

Всесоюзный конкурс на лучшую детскую книгу проводится Госкомпечатей СССР, ЦК ВЛКСМ, Союзом писателей СССР.

Главная задача конкурса — повышение идейно-художественного уровня произведений детской литературы; привлечение и активизация творческих сил в целях создания высокохудожественных произведений для детей, особенно младших возрастных категорий, способствующих гармоничному воспитанию подрастающего поколения; развитие и взаимообогащение многонациональной советской детской литературы.

Для победителей конкурса устанавливаются премии: три первых — по 1500 рублей, три вторых — по 1000 рублей, три третьих — по 500 рублей, три поощрительных премии — по 300 рублей.

Специальная премия Госкомпечаты СССР присуждается за лучшую книгу или журнальную публикацию научно-художественного жанра. Присуждаются также специальные премии различных государственных и общественных организаций. Победителям конкурса вручаются почетные дипломы.

Премии присуждаются за произведения высокой художественной ценности:

— способствующие формированию высококонтрастной, гражданской активности, творчески мыслящей и гармонично развитой личности, глубоко и художест-

венно раскрывающие социально-нравственные процессы современного общества; — исторической, героико-революционной, патристической тематики;

— научно-познавательного характера, прививающие любовь к научному и техническому творчеству, стремление к познанию окружающего мира, раскрывающие красоту созидательного труда, значение и важность различных профессий;

— посвященные жизни современной школы;

— для детей дошкольного возраста, наиболее ярко и образно раскрывающие окружающий мир.

На конкурсе рассматриваются книги и журнальные публикации на русском и национальных (с обязательным подстрочником) языках, представленные госкомиздатами и ЦК комсомола союзных республик, писательскими и журналистскими организациями союзных республик, издательствами и редакциями журналов, коллективами школ, ПТУ и детских библиотек. Принимаются книги, адресованные детям дошкольного, младшего школьного и среднего школьного возрастов. Рекомендация для участия в конкурсе должна содержать отзыв о произведении и краткие сведения об авторе: полное имя, литературный псевдоним (если имеется), является ли (автор) членом творческих союзов, профессия, список публикаций лите-

ратурных произведений (какие, где, когда), домашний адрес. Коллективы школ, ПТУ (или общественные организации этих учреждений), детские библиотеки могут выдвинуть книгу или журнальную публикацию на конкурс без предоставления ее экземпляров и сведений об авторе.

Книги и журнальные публикации принимаются на конкурс в двух экземплярах до 1 января 1991 года. Объем присылаемых работ не ограничивается.

Итоги конкурса подводятся один раз в два года и представляются к 20 мая на утверждение Коллегии Госкомпечаты СССР, Секретариата Союза писателей СССР, Секретариата ЦК ВЛКСМ.

Подведение итогов конкурса приурочивается к 1 июня — Дню защиты детей.

На конкурс принимаются книги и журнальные публикации, выпущенные в свет впервые в 1989—1990 годах.

Рецензии на произведения, поступившие на конкурс, авторам не высылаются.

Книги и журнальные публикации, направленные на конкурс, обратно не возвращаются.

Книги, произведения, опубликованные в журналах, следует направлять по адресу: 101409, Москва, Страстной бульвар, 5. Госкомпечать СССР, «Всесоюзный конкурс на лучшую детскую книгу».

В пятнадцать лет Ветров стал автором журнальной обложки — и сразу в «Советском фото». Ему не было ещё восемнадцати, когда в издательстве «Искусство» вышла его первая фотокинига. Называлась она в духе той поры «Образ нового времени», и представлена там была часто сейчас шаржируемая скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница».

А скульптура между тем гениальная — просто её изуродовали, поставив на некий обрубок-постамент, в то время как создавалась она для обозрения с нижней точки. Сергей Ветров снял знаменитую скульптуру со всех мыслимых ракурсов и направлений, стараясь показать именно мухинский замысел. И ему это удалось.

А потом была армия, служба, как это и принято для москвичей, на дальней точке — в Камчатской флотилии. Правда, и тут Сергею удалось снимать, он всю службу был фотокорреспондентом газеты «Тихоокеанская вахта». На материк, конечно, ни снимки, ни негативы вывезти было нельзя, так что эта страница творческой биографии Ветрова будет изучена будущими исследователями.

Вернемся к «Семье и школе» начала семидесятых. Ветров пришелся редакции по душе — у него был свой взгляд, близкий взглядам тех, кто в эту пору работал над оформлением журнала: художников Ю. Колюшева и В. Бахчаняна, потом М. Верхованцева и В. Андреева. Конечно, Ветров был не один, то время было особенно плодотворным для Н. Свиридовой и Д. Воздвиженского, штатных фотокорреспондентов «Семьи и школы».

Были и другие имена; но многое существенное в облике журнала все-таки определяли очерки Сергея Ветрова. Его снимки приятно удивляли «лица необщим выраженьем», это не были ни постановочно-лакировочные картинки из времен 50-х, ни бесконечные романтические девушки

в цветущих садах 60-х. Снимки Ветрова были и будут всегда, вероятно, трезвым, честным и талантливым взглядом на нашу родную действительность.

Говорят, что каждый фотограф снимает самого себя, то есть образы его творчества есть суть его творческого «я», в своих героях он отражает душу свою. Если с этой точки посмотреть снимки Ветрова, то мы увидим детей думающих, размышляющих, одухотворенных, наконец.

Даже если они строго рубанком, копают картошку или бегут стометровку. Вот как-то ухитряется разглядеть и в такие моменты Сережа самое для него важное и дорогое и донести до зрителя. И что ещё интересно: и «зритель» у Ветрова под стать его героям, ему самому — умный, вдумчивый, сердечный.

(Это мы про вас, дорогие читатели!)

Лучшие годы Сергей Ветров отдал «Семье и школе»; но и «Семья и школа» в свои лучшие годы отдала свои страницы снимкам Ветрова. Думается, что это пошло на пользу и журналу, и фотографу.

И даже трудно их представить друг без друга в незабываемые семидесятые, один растил и поддерживал другого. Сегодняшний день «Семьи и школы» читателю известен,

Ветров же работает в другом издании, он заведующий отделом оформления еженедельника «Собеседник».

Снимать сейчас удается меньше, но творческий потенциал он реализует, макетируя свою газету, да и целый ряд других изданий.

Ветров автор макетов журналов «Смена» [последнего, еще тонкого, варианта], «Кругозор», «Театральная жизнь», «Советский фильм», «За рулем», «Дом кино».

Одна из самых последних его работ — книга «SOS Армения».

Работа художника-макетчика книги, журнала, безусловно, очень интересна, и Сергей Ветров, с детства не расстающийся с живописью, очень увлечен новым полем деятельности.

И успехи его здесь несомненны.

Но «Семья и школа» помнит Ветрова-фотографа и ждет новых встреч с ним.

Давайте вновь расти вместе, Сергей Львович!

Алфёровский
почерк

Б. КОЧУБЕЙ,
кандидат психологических наук

ПОД ОТЦОВСКИМ КРЫЛОМ

Продолжение. Начало цикла в №№ 5 и 6 за 1990 год

Поистине знаменем времени стали сегодня постоянные взаимные претензии: мужчины нынче не мужчины, но и женщины — не женщины. По мнению прекрасного пола, у мужчин напрочь отсутствуют мужественность и смелость, рыцарские качества, сметка, активность, ответственность. Пол же, который прежде считался сильным, в свою очередь, не забывает упрекнуть женщин за потерю мягкости и изящества, за нежелание заботиться о семейном очаге, отсутствие терпения и женской чуткости. Не знаю, кто прав — может быть, в какой-то мере и те, и другие... Но вот отчего это происходит?

Здесь мы не сумеем во всей полноте разобраться, как, когда и почему мальчики и девочки начинают ощущать, что они именно мальчики и девочки — это слишком обширная и сложная проблема. Но одно обязательно следует сказать именно в контексте нашего разговора: в формировании специфических психологических качеств мужчин и женщин огромная роль принадлежит мужчине-воспитателю — отцу или педагогу. Замечено: уже в первые месяцы жизни отец, в отличие от матери, с мальчиком и с девочкой играет по-разному.

Конечно, дефицит мужского влияния в ходе взросления девочки существенно затрудняет ее развитие как будущей женщины. Отец, как известно, «мужчина № 1»; его черты, особенности его поведения, нюансы взаимоотношений с ним запоминаются — порой бессознательно — и становятся образом, своего рода полюсом (положительным или отрицательным), к которому будет впоследствии притягиваться (или от которого будет отталкиваться) все типы и формы отношений будущей женщины с мужчинами.

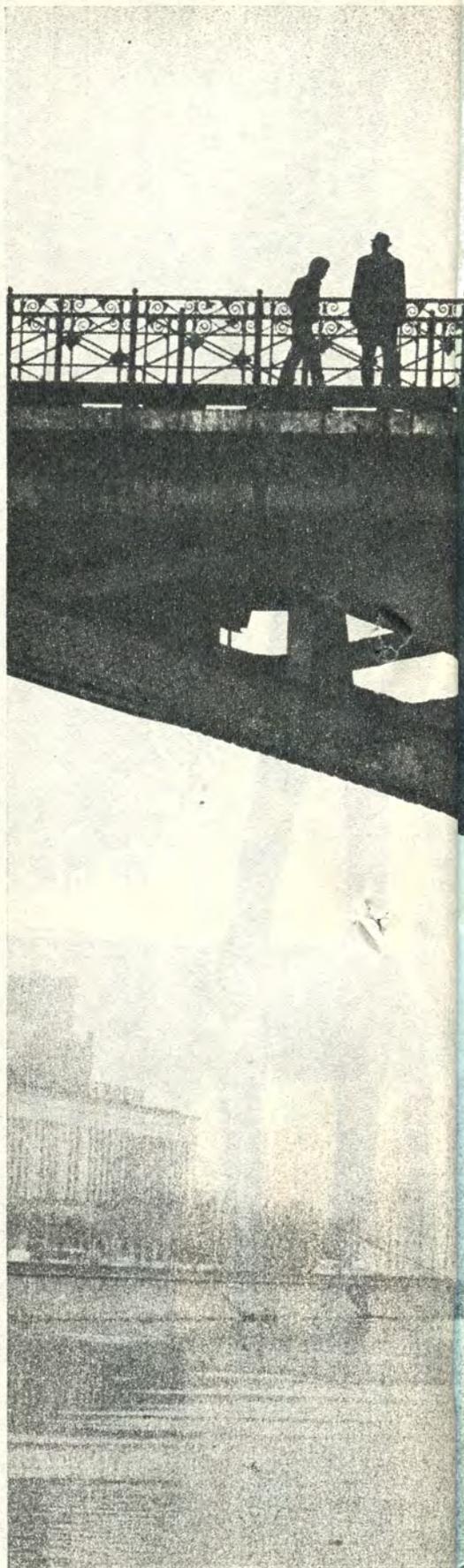
Огромную роль в судьбе девочки играет, прежде всего, общая оценка отцом ее внешней привлекательности — даже в самые юные, дошкольные годы, а тем более в подростковом возрасте, когда внешность становится столь важным фактором самоуважения. Если дочь активно не нравится отцу и он всячески подчеркивает ее непривлекательность, можно с уверенностью ска-

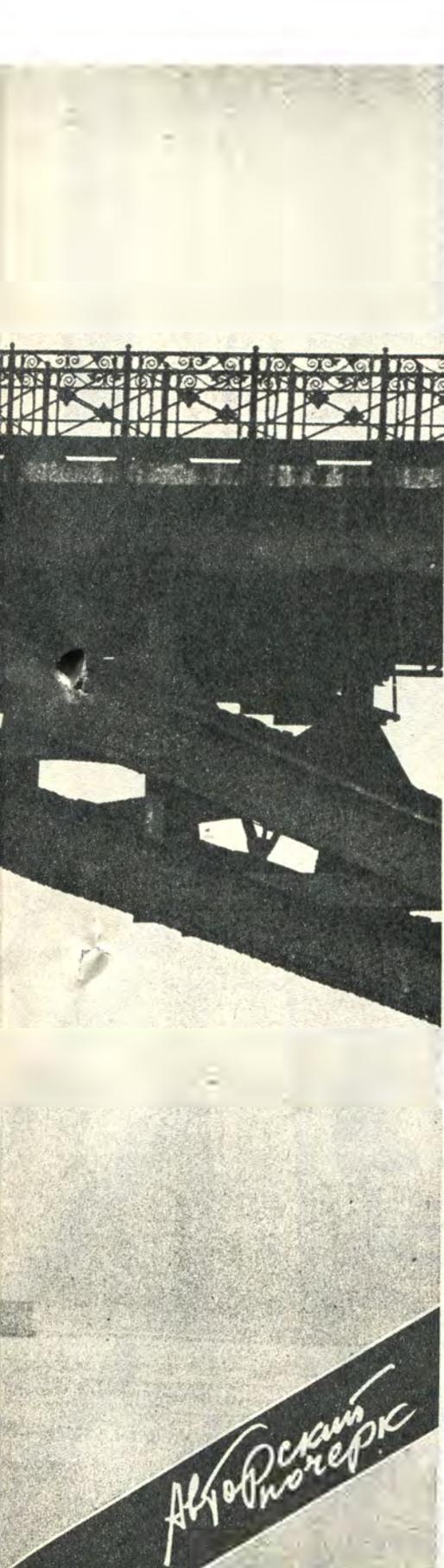
зать: ее женская судьба будет нележкой. Ей придется немало пережить и пережить страдать. Возможно, придется и поработать над собой, прежде чем она поверит в свои достоинства, свою способность нравиться и покорять мужчин.

Непросто будет и той, которая выросла в атмосфере безусловного отцовского обожания и выполнения всяческих капризов: ей нелегко будет привыкать к тому, что некоторые молодые люди осмеляются относиться к ней без восхищения или даже равнодушно. Но, вероятно, хуже всего той, которая вообще лишена в детстве опыта подобного общения и которая, повзрослев, растерянно недоумевает, глядя на «инопланетян» в пиджаках и с усами: с ними (она подозревает) разговаривать и вести себя нужно как-то не так, как с подругами. Но как — неясно...

В самом же лучшем положении находится девушка, чей любящий отец (а может быть, дядя, старший брат или друг семьи) мягко и ненавязчиво напоминает ей о ее привлекательности, симпатичности, о ее девичьем достоинстве, тем самым формируя прочное, устойчивое самоуважение и веру в себя.

Данные множества исследований показывают: взаимоотношения девочки с ближайшим взрослым мужчиной (обычно — с отцом) в раннем детстве оказывают весомейшее влияние на ее последующую личную жизнь. Женщины, которые вспоминают своих отцов как дружелюбных и ласковых, чаще оценивают свой брак как удачный в сексуальном, эмоциональном и духовном отношении, чем те женщины, в памяти которых остался образ холодного и нелюбящего отца. У фригидных женщин, как правило, были крайне невнимательные отцы, не проявлявшие никакой заботы о здоровье и развитии дочери. Женщины, страдающие половыми извращениями, часто вспоминают, что их отцы не играли в семье никакой роли. Анализ их переживаний позволил психиатрам утверждать, что такие женщины испытывают «тоску по сильному отцу». Особенно интересно, что ученым не удалось найти связи

между особенностями личной жизни женщины и поведением ее матери; по-видимому, влияние отца в этом отношении является преобладающим.

Колоссальное значение для развития как мальчика, так и девочки имеют отношения между отцом и матерью. Об этом мы еще поговорим; пока укажем лишь, что ребенок, взрослея, наблюдает развитие этих отношений, и они становятся для него моделью, образцом отношений между Мужчиной и Женщиной вообще. Ребенок видит, какими способами и в чью пользу разрешаются конфликты, какие качества (грубость, хитрость, нежность, забота) чаще всего проявляются и больше всего ценятся. Ребенок предвидит здесь свою будущую роль, получает «сценарий» для построения своих собственных отношений в будущем. И понадобятся большие усилия, большой опыт и многочисленные разочарования, чтобы разрушить этот сценарий, чтобы понять, что жить можно и по-другому, что есть иные, более теплые, более гуманные отношения, чем были в твоей семье...

Упрощенно говоря, можно выделить три варианта развития мужских качеств у мальчиков: недостаток этих качеств, избыток их и норма. В первом случае ребенок растет пассивным, вяловатым, послушным, аккуратным, мало интересуется спортом, активными играми, никогда не бывает заводилой каких-либо дел. Такой мальчик часто очень нравится родителям (особенно матери и бабушке) и учителям. Он ведь не доставляет хлопот, а именно это по душе и семье, и школе. Однако при этом неясно, как из такого школьника вырастет инициативный, ответственный мужчина. Когда учительница в классе поощряет у мальчиков «умеренность и аккуратность», а дома громко вопрошает, куда подевались в современном мире мужество и рыцарство, она не понимает, что сама воспитывает именно таких мужчин, которые ей не нравятся.

При избытке мужественности, не смягченной культурой, на наших глазах растет нагловатый и самоуверенный молодой человек, который больше всего на свете ценит смелость и грубую силу, ищет удовольствие в драках, а девочек (да и взрослых женщин) вообще не считает за людей, предпочитая называть их «сбабами», и с юных лет с удовольствием слушает и рассказывает про них скабрзные истории. Такой типаж нам всем активно не нравится. Однако далеко не все понимают, что очень часто этот вариант оказывается продолжением и развитием первого: мальчик, став подростком, компенсирует исходный недостаток мужских качеств показной мужественностью, дешевым пренебрежением к женщине, воспринимая хамство и культ силы как единственное средство утверждения своего мужского «я».

Наконец, в третьем варианте мальчик уверен в себе, обладает чувством собственного достоинства, способен постоять за себя — если дойдет до того, и «в рукопашную». Он инициативен, интересуется такими специфически мужскими занятиями, как спорт (особенно футбол, бокс, борьба), охота, рыбная ловля, техническое творчество. Он четко осознает себя мальчиком, будущим мужчи-

ной, защитником слабых и помощником матери. У таких ребят иногда бывают неизбежные «выбросы» агрессии; но, прямолинейно борясь с нею, взрослые могут существенно препятствовать дальнейшему развитию мальчика. Основы такого мужского поведения можно иногда заметить и у дошкольника. «Я — мужчина», — гордостью говорит пятилетний карапуз, помогая двухлетней сестренке.

Нормальное развитие мужских интересов, мужского самосознания у ребят тесно связано с участием отца в их воспитании. Причем замечено, что наиболее мужественные сыновья вырастают отнюдь не у тех отцов, кто стоит за спартанскую суровость, а у нежных и заботливых. Исследования, проведенные в разных точках земного шара, показывают: обилие строгих запретов делает мальчиков менее мужественными. Сыновья добрых, мягких отцов очень рано начинают предпочитать мужские (технические) игрушки и отвергать женские (куклы), тогда как сыновья суровых отцов долго не могут выбрать игрушку своего пола. Заметим: ситуация, даже при отсутствии отца, заметно улучшается, если есть старший брат или дядя, способный дать наглядные уроки мужского поведения.

Здесь мы снова сталкиваемся с глубокими различиями между понятиями лидерства отца в семье, с одной стороны, и жесткой авторитарности — с другой. Авторитарность отца, его тяга к наказаниям, к строгому порядку мешают развитию мужского самосознания сына, делая его тревожным и неуверенным в себе. А вот главенство мужчины в решении наиболее важных и ответственных вопросов семейной жизни весьма важно! Если отец — «тряпка», отстранившийся от принятия сколько-нибудь важных решений, отнесенный от воспитательных забот и обязанностей матерью и (или) бабушкой ребенка, создается ситуация, в которой развитие подлинных мужских черт характера сына затруднено и искажено. Помнить об этом следует не только мужчинам, но и тем женщинам, которые в борьбе за власть в семье не задумываются о том, что они приносят сына в жертву своим амбициям.

Сделаем несколько выводов, которые пригодятся нам дальше. Во-первых, степень влияния отца зависит от пола ребенка. Одни и те же черты отца могут прекрасно влиять на развитие мальчика, но в значительно меньшей степени стимулировать формирование девочки, и наоборот. Во-вторых, это влияние зависит от положения отца в семье. Причем, как говорил один специалист по управлению, «управлять — не значит властвовать»: сила и авторитетность отца могут играть положительную роль в развитии как интеллекта, так и личностных особенностей и интересов ребенка, а авторитарность и склонность к наказаниям — отрицательную. В-третьих, играет роль и положение отца в обществе, его удовлетворенность своей работой и своим социальным статусом. В-четвертых, положение отца и его роль в воспитании никак не связаны с его биологическим отцовством: все это определяется всей системой отношений в семье и за ее пределами.

Александр
Иночерк

Алфредский
Внорек

Отец Сергей (ОКУНЕВ),
священник храма Всех Святых Москва

ЧТО ПОСЕЕМ...

Я хочу начать с двух писем, пришедших в наш храм от человека, за страшное свое преступление отбывающего срок в заключении.

«Святой отец! Смиренно прошу прощения за допущенные ошибки в обращении к Вам. Много лет назад я взял на душу страшный грех: от моей руки погибла моя законная супруга 23 лет от роду, крещеная до замужества. Вместе с ней погиб неродившийся младенец двух месяцев, неродившийся сын или дочь, не увидевшие мир. Все эти годы я нахожусь в колонии и еще долго буду находиться в местах лишения свободы. В апреле исполнилось бы 32 года. Я не знаю, какую службу надо служить, когда это можно сделать и как. Потому и обращаюсь к Вам за помощью: если это возможно, отслужить службу за упокой рабы Божьей Н. Очень прошу Вас, сообщите мне о своем решении и что нужно для проведения службы, то есть куда перевести деньги. С глубоким уважением к Вам...»

И второе письмо.

«Святой Отец! Если бы Вы знали, что для меня значит Ваш ответ! Я точно знал, что 21 апреля была служба. Я узнал об этом в ночь с 20 по 21 апреля, около 4-х часов утра. Я знал, что Вы отказались от денег. И вот в подтверждение сна — Ваш ответ. Как же долго и трудно шел я к этому! Почему то, что должно впитаться с молоком матери, усваивается и осознается только спустя 32 года! Сколько их, таких, как я, за суетой, возней, каждодневными мелкими склоками так и не увидевших цели своего появления на свет Божий! Сколько трагедий можно было бы избежать, если слово Божие получили бы вместе с азбукой, если бы Евангелие было в каждой семье, если бы сзымальства отец и мать водили детей в Церковь. Но я вижу, святой отец, как время меняет людей. Сейчас никто из нашего брата заключенного даже в злобе не посмеет ругать Бога. Даже самый конченый и отпетый. Это меня радует и вселяет надежду, ибо страшно, поверьте, святой отец, страшно, когда человек уже не верит ни в кого и ни во что.

Я перечитал Ваше письмо много раз и сохранил его. Я буду Вам писать. Понимаю, что ответить Вы не всегда сможете — и не надо. Главное — прочтите. Дай Бог, я когда-нибудь переступлю порог храма вашего. Этой мечтой буду жить, стараясь искупить свой грех перед людьми и Богом. Всю жизнь нести мне этот крест — я готов. С уважением к Вам...»

Этот человек пришел к покаянию, к переоценке всей своей жизни, к самоиспо-

веди и, наконец, к вере через страшный грех. Это крайний случай. С такими мы сталкиваемся редко. Но зато я как священник очень часто, к сожалению, имею возможность наблюдать источник многих и многих наших бед — неразбуженную человеческую душу, спящую совесть, неспособность к самооценке. Вот человек приходит в храм, к Богу как последней своей надежде и опоре, когда на него обрушилась страшная беда. Он обращается к священнику за советом. А какой можно дать совет, не зная, что произошло, как человек до этого жил, что его к беде подвигало? То есть без исповеди. Но даже в такой крайней ситуации человек защищает себя, оправдывается перед собой и священником — как перед неправедным судом. Почему он поступает так? Да потому, что нет у него привычки и потребности к нравственному анализу, к самоочищению, к психологической саморегуляции. К покаянию! О грехах своего соседа или сослуживца мы можем рассказывать долго. Своих — не знаем.

Вина это или беда человека? И то, и другое. Вина, потому что человек не может и не должен быть игрушкой в чьих-то руках — в его власти воспитать свою душу. А беда потому, что деградация сознания и совести происходила у нас слишком долго и целенаправленно, чтобы не принести плодов. Я не утверждаю, что атеист — человек непременно безнравственный. У каждого из нас есть на память примеры, что это не так. Однако отрицать нельзя — безжалостно разрушены веками сформировавшиеся ценности и ориентиры; а они вырабатываются кропотливой работой души человеческой: декретом и лозунгом здесь ничего не утвердишь.

Общаясь с Богом, человек общается с Идеалом, как бы очищая душу в молитве. Вольно или невольно он становится более внимательным к своим поступкам, собственному внутреннему миру и к жизни окружающих его людей. Если же мы перестаем стремиться к идеалу, то и наш собственный средний уровень, безусловно, сразу же снижается.

Посмотрите, мы же разучились общаться друг с другом! Мы приходим в больницу навестить больного — и не знаем, как это сделать. Человек умирает — не знаем, какие последние слова нужно ему сказать. Мы приглашены на день рождения — и не находим слов поздравить виновника торжества.

Сейчас часто можно услышать, что в нашем обществе отсутствует политическая культура. Но ведь всякая культура, в том числе и политическая, существует лишь в

опоре на нравственный фундамент, развитое нравственное чувство, не так ли? Убежденность, что мы можем создать какую-то свою, особую, новую нравственность, кажется, проходит. Памятником этой убежденности стал известный «моральный кодекс строителя коммунизма» (одно из реформаторских изобретений Н. С. Хрущева). Но, как доказала много-страдальная история нашего народа, нормы жизни, обескровленные разрывом с глубокими народными традициями, не приживаются, ведут к деградации личности. А вот потребность в вечных истинах остается.

Заделимся вопросом: что заставляет человека на старости лет приходиться в Церковь и свершать таинство крещения? Или повенчаться, когда у своих детей уже подрастают маленькие дети? Ставить свечку за упокой тех, о ком не вспоминал 10—15 лет? Надо предполагать, запоздавшее — но все же пришедшее духовное прозрение.

Когда венчаются молодые, воспитанные в атеистической традиции, я думаю, их привлекает не одна красота и торжественность обряда или пожелания старших в семье, но и потребность в таинстве брака. То же и с крещением младенцев. Любый человек, кто смутно, кто явственно, осознает — есть ключевые моменты жизни, когда росчерк пера недостаточно.

Еще в недавние годы священник совершал 3—5 крещений в день. Сейчас, случается, десятки. Причин этому, наверное, не одна. Но ясно, что среди них — демократизация всех сторон жизни; человек освобождается от идеологических шор, он получил возможность задуматься над тем, что он есть, что есть смысл его жизни.

Я знаю людей, которым все это активно не нравится — для них политика воинствующего атеизма, несмотря на то, что на ее счету столько несправедливостей и крови, — единственно правильная и естественная. Что можно сказать этим людям? Что отторжение верующих, записывание их в граждан второго сорта есть прямой путь к расколу народа, противостоянию, тихой, но не менее беспощадной гражданской войне. Народ выстрадал гражданский мир, к которому все мы сегодня начали движение! На этом пути мы сделали пока первые шаги. Если мы хотим усилить его, если мы не слепы, то давайте, продвигаясь, внимательно смотреть по сторонам, и мы увидим неотрадный пейзаж жестокого духовного оскудения.

Вспомнимся в положение многодетных семей. В нашей стране им живется тяжело, порой невообразимо тяжело. Мы с женой знаем на собственном опыте: мы — многодетные родители, у нас пять детей... Наша семья относится к разряду благополучных: таких по стране немало. Но неблагополучных, к сожалению, гораздо больше...

Что, кажется, может быть естественнее сострадания к детям, которым живется и материально, и морально трудно? Во многих многодетных семьях положение

детей именно таково. Мы с женой имеем возможность наблюдать это воочию, так как являемся членами Совета многодетных семей нашего района и по поручению Совета бываем в семьях, которым нужна помощь. Я вспомню, для примера, семью, где у матери пятеро детей, она беременна шестым, и у нее нет мужа. Вся семья практически живет на одну зарплату матери, ибо пособие по многодетности мизерное, к тому же мать еще и учится заочно в институте — на то, чтоб подрабатывать, у нее не остается сил и времени. Живут, естественно, впроголодь.

И вот эти дети и их родители вместо помощи от государства и общества слышат отовсюду: «Наплодили нищету!» Пусть они неблагоприятны, но вдумайтесь все-таки: человека упрекают в том, что он есть; его родителей упрекают в том, что они произвели на свет дитя... Делается это вслух, прилюдно, начиная от очередей в магазинах, кончая государственными учреждениями, в том числе воспитательными... До нас Россия такого не знала; значит, и этот грех мы целиком должны взять на себя. И, говоря языком Церкви, покаяться; а если по-светски, то понять истоки этой безнравственной позиции, ужаснуться ею и попытаться ее изменить.

Как все-таки можно расценить эту всем очевидную неприязнь общества к многодетным? Может быть, как реакцию на укол совести? Ведь какими бы неблагоприятными ни были многодетные семьи, сам факт их существования как бы напоминает людям о том, что в многодетности жить естественно. Отказываясь сознательно от детей, человек, чем бы он это ни объяснял и ни оправдывал, на самом деле заботится о том, чтобы удобно было прежде всего ему. Но получает обратное.

В малодетной семье ребенок растет, не зная заботы о младшем и старшем. Притупляется само чувство близкого человека. В старости родители пожинают плоды этого. Круг замыкается...

Оглядываясь окрест на пути к нашему нравственному восстановлению, скажем себе честно: мы умудрились расшатать и такое вечное святое чувство, как материнство. Возьмем такую проблему, как аборт. Для миллионов и миллионов женщин и мужчин это проблема чисто медицинская, житейская, но не нравственная. А Церковь всегда называла аборт «убийством». Сознательным убийством плода во чреве. Страшно и то, что молодых женщин толкают на этот поступок представители старшего поколения, запугивая тем, что не будут помогать в воспитании ребенка, что откажут в материальной помощи и т. д., и т. п. Слово «аборт» стыдливо подобраны синонимы: «прерывание беременности», «чистка». Вроде как «зуб удалить» — вот уже и проще переступить порог больницы. Отсутствие моральных (я хочу подчеркнуть — именно моральных, а не медицинских или юридических) преград на этом пути ведет к деградации личности женщины.

Отчуждение людей друг от друга принимает у нас порой страшные и дикие — нецивилизованные — формы. Все чаще беспомощные старики одиноко умирают

в своих квартирах. Их обнаруживают, как в какие-нибудь годы разрухи, по запаху тлена. Немилосердие, жестокость, равнодушие, поразившие наши души, испытывает в той или иной степени каждый. Сильнее всех, естественно, беспомощные, слабые — старики, дети, больные.

Все, что растеряно нами, трудно перечислить. Может, наш возврат к общечеловеческим ценностям будет легче, если мы поймем, что главная утрата — это утрата корней. Сейчас в среде молодежи слово «предки» — ругательное, насмешливое. А ведь в России испокон веку забвение предков считалось тяжким грехом! Оттого, никчемного человека в народе называли «Иваном, не помнящим родства». Не уподобились ли мы таким Иванам?!

В потере исторических корней виновата непримиримая идеология, воинствующий атеизм, который «воевал», между прочим, и с кладбищами, а ведь кладбище всегда считалось местом святым... Не надо думать, что это в прошлом и осталось лишь на памяти старшего поколения. К Олимпиаде-80 руководством райисполкома в приказном порядке было велено перенести на загородное кладбище старый погост при нашем приходе. Сохранились всего две могилы Багратионов. Теперь на месте бывшего церковного кладбища — зеленая лужайка. Наш голос протеста услышан не был. И таких примеров произвола властей множество — на памяти уже молодого поколения.

Есть утраты, о которых сегодня можно только сожалеть, которые уже не восстановить, несмотря на признание всех ошибок. И говорить надо не об одних материальных памятниках. Революция, коллективизация и индустриализация переместили миллионы людей с веками обжитых земель. Люди бросали дома и места, где из поколения в поколение жили их предки. Разрушался вековой уклад жизни — а с ним и народная память. Долгие годы репрессий и террора, депортации народов, война сделали это разрушение как бы перманентным, непрекращающимся. Вспомним и времена, когда деревья и живописные российские городки затоплялись водой... Затем целина, великие стройки, когда всё новые поколения уезжали от своих родителей в дальние необжитые края «за туманом и за запахом тайги»... Какие уж там предки, какие кладбища...

Традиционный семейный уклад нашего народа скреплен заповедью послушания родителям. В этом есть глубокий смысл. Опыт человечества, отраженный в христианской нравственности, гласит: «Почитай отца своего и мать», это — первая заповедь с обетованием: «Да будет тебе благо, и будет долголетие на земле». Что такое обетование? Обещание. Обещание хорошей жизни. В этой заповеди содержится не только добрый обычай и добрый совет, а нечто значительно большее. Здесь сокрыта тайна благоденствия, от которого зависит будущая судьба не только детей, но и судьба народов.

В Послании апостола Павла Ефесянам сказано «почитай», не сказано «любви»... Чувствуете разницу? Речь идет о долге

перед родителями. Любовь можно и безответно: долг же требует и осмысления, и душевной работы. Наши близкие прожили большую жизнь, многие пережили войну, других коснулись репрессии — если не их самих, то их родных, хорошо знакомых. Все они застали разрушительное время, когда нормой и даже доблестью провозглашалось доношительство на ближнего. Можно ли выйти из всего этого без ощутимых потерь? И наш долг — понимать, какая жизнь досталась на их долю, понимать их старческие слабости...

Любови к родителям может не быть: ведь и родители бывают разные — но не должно быть и ненависти. Хотя какая-то искра тепла к старшим, даже если они недостойны любви, должна быть сохранена. Это будет и примером нравственного долга для ваших подрастающих детей.

Обращаясь затем к родителям, апостол Павел и им напоминает главным образом их обязанности, а не права в отношении детей: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем».

Если от детей ожидается почитания родителей, то от родителей требуется, чтобы они жили достойно уважения, ибо родители могут порой и испортить жизнь своих детей.

Давайте вспомним, как, каким тоном мы разговариваем со своими детьми, приходя домой? Чаще всего окриками, приказами. Постоянно нас что-то раздражает, не удовлетворяет в наших детях: опять портфель на место не положил, снова руки не помыл, где пропал до вечера...

Не лучше и общественное воспитание. Я до сих пор помню подзатыльники и слова воспитательницы: «У, ни рыба, ни мясо...» На всех этапах развития личности в наших детей вбивается комплекс «неполноценности». Стоит ли удивляться, что более сильные и активные натуры выражают свое несогласие с таким «воспитанием»? В формах резких, порой жестоких, даже и диких... Но их ли винить?

...Иллюзиями жить вредно, поэтому лучше отдавать себе отчет, что путь возрождения нашего нравственного здоровья легким и скорым не будет. Но и пессимистами не надо быть; будем помнить, что возрождение зависит от каждого из нас, и приближать его. Проснувшись от спячки душа способна на большой созидательный труд. Во имя ближнего, во имя детей своих, во имя себя самого, во имя приближения к Идеалу, к Богу. Будем помнить, что есть время сеять, время ухаживать за посевами и время собирать урожай. Что посеем...

Мы родители своих детей, мы же и дети своих родителей. Каждый из нас — соединяющее звено цепи и от каждого зависит ее крепость. Церковь говорит, что никогда не поздно покаяться; иными словами, никогда не поздно начать душевный труд, беспристрастное и бесстрашное самоочищение через самоощущение. Это путь к миру с самим собой и с ближними. На этом пути нет места разрушительному противостоянию.

Записал В. ДИАНОВ

Владимир ТОДРЕС

С МАНТРОЙ ПО ЖИЗНИ?

«Харе Кришна Харе Кришна
Кришна Кришна Харе Харе
Харе Рама Харе Рама
Рама Рама Харе Харе»
Махамантра
«Харе Кришна»

...На маленьком помятом листке были записаны эти магические четыре строчки и загадочное слово «махамантра». И адрес. Неисповедимые контркультурные тропки забросили меня летом восемьдесят седьмого года в блочную башню по

улице Лиелвардес на рижской окраине. После бессонной (так уж вышло) ночи вид у меня слегка отсутствующий. И попутчик по лифту — нестарый, но седой человек — замечает: «А вы, наверное, к нам» — «Откуда вы знаете?» — «Я по глазам вижу.

У вас в них другой мир. Не этот». Не то чтобы слова «Харе Кришна» были мне тогда совсем чужды. Но настоящее знакомство с движением кришнаитов началось именно так... С движением? Сектой? Религией?

Хроника — 1. Начало

В 1965 году из Индии в Соединенные Штаты прибыл 68-летний коммерсант-фармацевт Абхай Чаран. Кроме своих фармацевтических знаний, он привез с собой долгий опыт мистической практики, свое имя в посвящении — Бхактиведанта Свами Прабхупада и три контейнера книг. Книги содержали «новое учение» — поклонение одному из главных индуистских богов — Кришне. Этот модернизированный в сторону единобожия индуизм, как утверждал Прабхупада, идет от древнейших священных книг Индостана — Вед. Любому проповеднику, заявляющему о древних истоках своей религии, приходится доказывать действительную преемственность традиции. Но для европейской цивилизации (и Старого, и Нового Света) Прабхупада был одной из первых ласточек с Востока. И никто особенно не оспаривал его права причислять себя к истинным последователям учителей-аচারья. Тем более что успех был закреплен выходом книги — пере-

вода одного из авторитетнейших ведических источников «Бхагавад-гиты» на английский язык. (Этот перевод с комментариями Прабхупады, объявленный им каноническим, получил довольно категоричное название «Бхагавад-гита как она есть».) Но в активе нового гуру оказалась не только эта книга, но только несомненная сила и неординарность личности. Прабхупада точно выбрал момент для «высадки» в Новом Свете. Конец шестидесятых — бунтующие студенты, хиппи с нарисованными на лицах цветами, 20 тысяч сидящих на рельсах йиппи в Калифорнии останавливают военный эшелон, молодая Америка сжигает на улицах повестки в «ЮС-форсиз»... Традиционные ценности бюргерского Запада тонут в волнах сексуальной и психоделической революций. Новая религия появляется очень вовремя. Очень скоро Америка покрывается сетью ашрамов — храмов-общин «Сознания Кришны»...

— Здравствуйте!
— Харе Кришна! — склоняется в ответ, сложив ладони, молодой человек в шафрановом балахоне-дхоти. В «большой» комнате типовой двухкомнатной квартиры нет мебели. Несколько циновок на полу, две книжные полки и подобие алтаря с изображением Кришны. Это и есть то самое место, где, как писали до недавнего времени в газетах и антирелигиозных брошюрах, происходят «социально опасные» сборища кришнаитов «с призывами к отказу от исполнения гражданских обязанностей и разрушающими психику молитвами». В комнате собралось полтора десятка человек. А в тысячах таких залов по всему миру — сотни тысяч людей. У нас их принято называть кришнаитами, на Западе — «харе-кришнаитами». Сами они предпочитают сло-

ва «преданные Господа» или «вайшнавья». Что же привело их сюда?

Передать в двух словах содержание древнейшей культуры Вед, смысл философской системы Прабхупады и их связь — дело прантически безнадежное. Но все же попытаться объяснить суть учения «Сознания Кришны» необходимо. Итак, основные «киты», на которых стоит кришнаизм, суть таковы.

Мы не есть это тело. Главный постулат любой религии мы встречаем и здесь. Тело — лишь место заключения истинного «я» — души. Жизнь ее в материальном мире представляет собою непрерывную цепь страданий — от рождения до смерти. Через болезни, житейские неурядицы, голод, старческую немощь... Картина земных страданий тем более впечатляет, что она не кончается со смертью. Душа не

умирает, но и не освобождается — она проходит бесконечную череду перевоплощений, в которой живое существо может родиться в семье богатых торговцев, а может — в стае саранчи. Выход из этой цепи рождений и смертей — это выход из материальной сферы в мир чистого Духа. Этот мир сложен, прекрасен и для европейца — экзотически привлекателен. Но главное — там освобожденную душу ожидает вечное общение с Господом Кришной, которое и есть высшее из возможных наслаждений.

Такой шанс душа имеет, лишь родившись в этом мире человеком. Но этого мало: для спасения человек должен посвятить себя служению Господу. Лишь души преданных Кришны могут достичь освобождения. Как добиться его?

Хроника — 2. Путь

«Ваше спасение в Ваших руках. Оно очень просто. Оно в нескольких словах, — радио- и телепрограммы разносили голос Шрилы Прабхупады по всей Америке. — Это мантра — воспевание имен Господа Кришны и его воплощений». В отличие от христианской молитвы, мантра — не просьба, обра-

щенная к Богу. В отличие от буддийского созерцания, мантра не медитация-размышление о мире. Мантра — это «магические голосовые вибрации», которые непосредственно достигают Господа. Мантра «выше разума, выше интеллекта». Поэтому неважно, что большинство новообра-

ценный, повторяя спасительные строки, вряд ли понимали смысл санскритских слов. Ведь Его Божественная Личность (а Прабхупада уже носил такой титул) говорил: «Эти звуки превосходят все уровни сознания — и чувственный, и умственный, и поэтому нет необходимости ни в понимании языка мантры, ни в умственных измышлениях или других интеллектуальных доказательствах». Мантра — медитация на самих звуках, поэтому, как считают кришнаиты, благотворно влияет на любого присутствующего — даже на младенца, даже на собаку. Мантр достаточно много, «эффективней» всего — махамантра (великая мантра) «Харе Кришна».

Кришнаиты в оранжевых дхоти танцевали прямо на улицах, распевая необычные, но простые и запоминающиеся мелодии. От многократного повторения мантры (под барабан и ситар, то убыстряя, то замедляя темп) они достигали экстаза прямо на глазах зрителей. Многие присоединялись — попробовать... Как писал американский журнал, какой-то длинноволосый бунтарь, обессилев, выпал из танцующего круга и сказал своей подруге: «Послушай, но это сильнее рока и круче марихуаны!»

А Прабхупада продолжал проповедовать во всем диапазоне радиоволн: «Мы уважаем Христа. Но посмотрите — разве его заповеди выполняемы? Возлюбить всех среди всеобщей озлобленности? Не грешить и в мыслях, живя в мире соблазнов? Называть себя «истинными христианами» сейчас могут или святые, или лицемеры. Мы предлагаем реальный путь: мантра и небольшие ограничения в быту. Такие, как вегетарианство, отказ от курения и алкоголя... Эти «неудобства» восполняют вам радость и экстаз от мантры. А впер-

Странное дело — вид этого худощавого парня в современных очках и забугорной кепке никак не назывешь экзотически-индусским. Но почему-то — чисто психологически не получается называть его «паспортным» именем. В посвящении его имя — Сатанаанда-дас. Не спешите обижать моего знакомого в сатанизме — имя это чисто санскритского происхождения. Зато история прихода в «Движение» типична для российских мальчишек.

— Можно, я не буду тебя спрашивать про школу, пионеррию и комсомол? И не буду говорить о том, что к поискам нетрадиционных религий толкали фальшь и лицемерие брежневской эпохи.

— Правда, не надо. Мы этими категориями не думали. Не тратили эмоций на поиск смелых и умных названий. Просто — и так чувствовали, что все это ни к черту не годится... Меня в том возрасте другие проблемы интересовали. Рисовал (даже училище художественное закончил), музыку увлекался... Так что все закономерно. Искусство ведь тоже занимается поисками духовности. И является проводником некой абсолютной мысли.

— Художник как рупор Бога?

— Ну теперь я знаю, что это Кришна. А тогда... Знаешь, говорят, «великое искусство сплошь состоит из великих вопросов». А если вопрос задан — то обычно пытаются получить ответ. Без подготовки через искусство я вряд ли бы пришел к Кришне. А так начал искать — христианство, потом мистические учения: Вивекананда, Шивананда. Потом сестра вывела меня на преданных Кришны.

— И ты стал практиковать мантру?

— Да. Стал читать джаппу по утрам — это 16 кругов по 108 мантр «Харе Кришна».

— Постоянные молитвы, деформирующие психику?

— Да, об этом так и писали. Их лучше читать вслух, но это необязательно. А про себя — можно и в транспорте, можно и в перерыве на работе. В общей сложности

это полтора-два часа в день. Но необходима не только мантра. Нужно соблюдать регулирующие правила: преданный Кришны не ест мяса, отказывается от интоксикации организма — алкоголя, табака, наркотиков, даже чая и кофе. Нам запрещены азартные игры и поиск сексуальных удовольствий.

— ...

— То есть недопустим секс вне брака. А в браке — только для рождения детей. Поэтому мы не имеем права предупреждать беременность. Не говоря уже об абортах.

— Так что мнение о том, что «религия кришнаитов разрушает семью», оказывается мифом. А что касается «отказа от выполнения гражданских обязанностей»?

— Этого от нас не требуется. Я, став преданным, продолжал работать по специальности — художником-оформителем. А есть среди нас студенты, педагоги, врачи, миллионеры... Вот, правда, забойщиков скота нет. Это вера действительно запрещает.

Маленькое отступление

То, что кришнаиты не тунеядцы, я могу утверждать и на основании собственного опыта. Приезжая в Ригу, предпочитаю не останавливаться у приятеля-вайшнава: как бы поздно мы ни засиделись накануне, ровно в шесть утра общежитская комнатка оглашается мантрой перед уходом на работу.

Правда, третья и четвертая ступени посвящения предполагают безбрачие и отход от мирских дел. Но, во-первых, как подтвердил компетентный специалист — заместитель заведующего отделом Совета по делам религий Совета Министров СССР Евгений Чернецов, и это «не означает отказа от гражданских обязанностей». А во-вторых — не каждый доходит до таких ступеней. Во всяком случае, в спорах с кришнаитами, если уж

ди — спасение души. Не гонитесь за недостижимым. Простое воспевание мантры во имя Кришны продвинет вас к Господу».

Число последователей росло. Новая религия перешагнула через океан — в Старый Свет. Ей делали рекламу довольно известные люди. Через увлечение Индией (а попутно и Кришной) прошла знаменитая ливерпульская четверка. Ее слово было законом для молодого поколения: замечание Леннона, что «битлз» теперь более популярны, чем Иисус Христос, очень походило на правду. А кумиры медитировали, летали в Индию, вносили в песни элементы ведической мелодики. Они не стали вайшнавами, но среди пропагандистской литературы «Сознания Кришны» теперь оказалась еще одна книжка: «Беседы между Джоном Ленноном и Свами Бхактиведантой». На молодежь это действовало.

В начале 70-х кришнаизм проник через «железный занавес» и в нашу страну. Появились ашрамы (вернее, их подобие по западному образцу) в малолюдных районах Северного Кавказа, Средней Азии. Просуществовали они недолго — в обстановке «закономерного отмирания религии при социализме» новая религия была уж совершенно не ко двору. В целях подъема патриотических чувств и стабилизации в свое время смирился с существованием православия, ислама и других традиционных учений. От «Сознания Кришны» всплеска патриотизма ожидать не приходилось. Наоборот — открылся простор для борьбы с «априскаими заокеанскими спецслужб... Тем не менее мантра «Харе Кришна» зазвучала на советской земле. Хотя и конспиративно, в сотах типовой застройки повсеместных Черемушек в различных городах.

так хочется подискутировать, — по-моему, не это должно быть главным аргументом.

Может быть, мои заметки читаются как апологетика кришнаизма. Но на последователей этой религии вылиты уже бесчисленное число ушатов грязи и лжи. При этом все — публично. Поэтому я не хочу вступать в словесные баталии. Я хочу нарисовать как можно более объективную картину. И поэтому стараюсь удерживаться от комментариев. Даже когда категорически не согласен с позицией героев моего рассказа. Как, например, в таком случае:

— Сатанаанда, большинство неопитов приходят к Кришне, испробовав уже одну философскую концепцию. Чем, на твой взгляд, их не удовлетворяет традиционное для России христианство?

— Первый ответ на поверхность — они ищут нетрадиционного. А от традиций «совместительности» бегут. Но я считаю, тут все глубже. Нынешнюю эпоху Веды называют Кали-Юга — эпохой зла, насилия, мрака. И Бхактиведанта Свами учил, что выбираться из мрака нужно осторожными, маленькими шажками. Христос требует: отринь все и иди за мной. А наш путь реален и более доступен для каждого — просто пойте мантры, выполняйте четыре принципа. Остальное придет само...

— А как семья отнеслась к твоим религиозным поискам? Неужели спокойно?

— Конечно, мать беспокоилась: оба ребенка стали вегетарианцами, стали читать странные книжки. Круг общения у них появился соответствующий... Тогда она стала интересоваться, что же это такое? Кончилось тем, что поехала, хоть сама и неверующая, в Подмоскowie к какому-то православному батюшке. Тот оказался молодым, широких взглядов и сказал ей: «Конечно, это не истинная вера, не православная. Но это ведь все-таки вера в Бога. Лучше, чем примитивный атеизм». И для нее это прозвучало авторитетно. Она даже сама переняла некоторые наши принципы — вегетарианство, например...

Хроника — 3. Закон есть закон!

«Активное участие в группе, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан, либо с побуждением

граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или ссылкой на тот же срок» (Уголовный кодекс РСФСР, Статья 227, часть 2).

До недавнего времени реакция внешнего мира (то есть многомудрой «общественности») на особенности поведения «преданных Кришны» была легко предсказуемой. Сценарий не отличался разнообразием. Начало — комсомольские и прочие собрания в родном трудовом коллективе. Как правило, обличители, не особенно разбираясь в тонкостях, свои увещания сводили к одному: «Да ладно ерундой заниматься! Брось все это и будь, как все! Скажи только, кто тебя втянул?!» Так пытались воздействовать на новичков, тех, у кого энтузиазм еще не успел переплавиться в устойчивую веру, но и ослабеть не успел. Так что эффективность подобных призывов понятна...

Людьми посерьезнее занимались и инстанции посерьезнее. И меры были по-судовому.

— В 1982 году власти собрали материал для нескольких процессов, — говорит Сатананда-дас. — Судили по этой самой статье — статье для религиозных извергов и садистов. Адвокаты недоумевали: как можно применять ее к сторонникам не-насилие?

Подследственные не сразу поняли, что истинной подоплекой суда является не религиозный садизм, а все те же поиски «козней ЦРУ и других подрывных органи-

заций Запада». Что на самом деле главной фигурой следствия был как бы и не принимавший в нем участия, а лишь присутствующий при допросах следователь КГБ Белопотапов. Сами «потерпевшие» — несколько новообращенных студентов — не считали себя таковыми. Заявление в суд подавали их родители: «Наши дети втянуты в секту. И все эти обряды — молитвы, вегетарианство и т. д. — плохо сказываются на их здоровье». В первую обойму «судов» попало более полусотни человек.

— Мне дали 2,5 года. Полгода я провел в Москве на «Матросской тишине». Врачское заведение. Был в камере с блатными. Пахан-рецидивист частенько награждал меня тумачками. Но, в общем, зла не питали. Наоборот, с интересом слушали, как я рассказываю, пою мантры. Вообще в тюрьме и «на зоне» с политическими и «религиозниками» особое отношение: неплохое, терпимое. Они пользуются поддержкой, так как являются некоторой оппозицией власти, которую заключенные, естественно, не очень любят... Я с этим в лагере на Урале столкнулся вплотную. Так что платформа для проповеди есть.

— Неужели в лагере это возможно? — «На зоне» более-менее независимая обстановка. Это не психбольница. На след-

ствии нам — негласно, конечно, — предлагали на выбор «психушку» или лагерь. Некоторые предпочитали психушку. Например, первый советский преданный, принявший посвящение от самого Прабхупады, провел в больнице в общей сложности семь лет. Освобожден по личной просьбе премьера Австралии.

— Лагерная проповедь дает результаты? К вам приходят бывшие «блатные»? — Я таких случаев не знаю. Не так просто все. Им же очень трудно оторваться от своей среды. Наркоманы — те, кто решил «завязать» — да, приходят.

— А перевоспитал ли кого-нибудь из вас срок? Ушел ли из Движения кто-нибудь, пострадавший «за Кришну»?

— Это крайне редко бывает. Я из 70 человек знаю только один такой случай.

— Изменил ли лагерь что-то в тебе? — Я не заметил. Я вообще не видел особых изменений в жизни: до лагеря проповедовал Сознание Кришны, в лагере проповедовал, проповеду и сейчас...

Слушая Сатананду, я вспомнил другую московскую преданную — Примавати. Сколько ее детей умерло в заключении (она там бывала неоднократно). «Ну что же, — говорила она. — Сейчас им, наверное, лучше, чем было здесь: они уже общаются с Кришной...»

Хроника — 4. Всплытие

Апрельские ветры коснулись и преданных. Не сразу, конечно. Но в мае 1988 года Совет по делам религий зарегистрировал общество кришнаитов в Москве. Маловик еще некоторое время крутился — по инерции: в июле 1988 года шесть осужденных вайшнавов еще находились в заключении.

Многие, познакомившись с Движением поближе, уходят. Почему? Дима, московский хиппи по кличке «Корсика»:

— Ты знаешь, я довольно тесно общался с ними. И совместное пение мантр — это действительно кайф, действительно очищает голову. Это ведь как массовое самовнушение. И мелодии красивые. Но они ведь не оставляют твоему разуму никакой свободы! И тебе личной свободы. Учитель-гуру требует беспрекословного подчинения... Действительно, вот что пишет известный толкователь Вед Сат-Сварупа Госвами: «Совершенным является лишь знание, услышанное от авторитета. За гуру остается решающая роль. Ученик должен смиренно задавать вопросы гуру и служить ему. Он должен полностью, всем телом и умом, отдаться служению гуру и принимать его наставления как миссию своей жизни». Сомнение — результат греховного умствования. Ведь у гуру есть ответ, который ученик должен принять как аксиому...

Это заставило Юриса Подниевка спро-

сить в фильме «Легко ли быть молодым?» у молодого кришнаита: «А если гуру прикажет убить?» Он не получил ответа. И не мог получить, так как сам вопрос с точки зрения «преданного» дикий: гуру не может приказывать такого. Иначе он не был бы гуру. Но об этом не имеет права рассуждать его ученик.

В очень большой степени это объясняло медленный рост общества «Сознания Кришны». Несмотря на «подпольное существование», с ним соприкоснулись очень многие. Но эти «многие» были ищущими, пытливыми людьми, несли «свою свободу внутри себя». И кришнаитская перспектива пугала... Но теперь, выйдя с мантрами на улицу, «преданные» все чаще сталкиваются с людьми, которым не привыкать к авторитарному способу мышления. Но его сторонников сначала надо разубедить в атеизме...

Уходят и по другой причине: с выходом из подполья слегка изменилось и само Движение. Юрий Прагин, студент-

Среди них — двое смертельно больных... Однако на улицах Москвы уже предлагают русский перевод «Бхагавад-Гиты». А на Арбате наши герои поют по вечерам мантры, приглашая всех присоединиться.

— Там сейчас появилось много народа, который просто делает на этом «бабки». Лекции, литература... Некоторые даже хотят открыть кооперативное кафе со специфической пищей и музыкой мантр.

Меркантилизм кришнаитов, наверное, в какой-то степени можно оправдать — новая религия находится в очень стесненных материальных условиях. Ведь мало кто обижается на Русскую православную церковь за то, что она продает — и недорого — те книги Писания, которые присылают сюда с Запада бесплатно. При нынешнем ее тяжелом положении это по-человечески понятно.

Главное в другом. Выйдя «на поверхность», кришнаиты не только освободились от постоянного тоталитарного пресса. Они лишились притягательного ореола «запретности». И оказались пред лицом тех же проблем, что и другие разрешенные конфессии. Предстоит конкуренция за «преданных» с другими религиями на общих основаниях.

Немало довелось мне пройти по России, немало повидать ее сел и деревень.

В студенческие годы и после них, вплоть до конца 70-х годов, каждое лето разыскивала я наши российские памятники архитектуры.

Это были деревянные постройки — если говорить о Заонежье, Беломорье, Архангельской и Вологодской областях, уже преимущественно каменные — на Ярославской и Ивановской земле, где самобытных деревянных сооружений почти и не осталось.

Впрочем, и северные ее края заметно обезличиваются, образуя какую-то усредненную, унылую до тоски земную поверхность. В созвучии с ней формируются и человеческие личности. Разорение и горе, всеокрушающее горе, цепкое и непоколебимое в своем посягательстве на судьбы людей, жестоко перемололо их в однородную массу, одновременно страдающую и обездушенную, агрессивную и пугливо-робкую.

И немудрено, что все чаще раздаются недобрые голоса о деградации русского народа, о потере им своего национального достоинства. При этом под словом «русский» я подразумеваю не факт происхождения, не паспортные свидетельства, а причастность человека к земле, на которой он живет, уважение к ней и к ее людям, былым и настоящим, проикновение в сферу культуры ее народа, в его мировосприятие и мироощущение. Словом, то прекрасное чувство, когда человек осознает себя естественной, созидательной частью окружающей его жизни.

Мы же говорим о России.

О ее ужасающем обновлении.

Так называемом, конечно, обновлении.

На каменной ниве бездуховного существования ждать новых добрых всходов неоткуда.

В старинных селах и деревнях России картины ее разорения особо тягостны.

О притягательном обаянии здешней бывлой жизни подрастающее поколение обычно и не ведает. Взгляд вроде как бы в будущее устремлен; а в какое такое будущее — не ясно.

И растут люди, озабоченные лишь поддержанием и ублажением своего телесного существования.

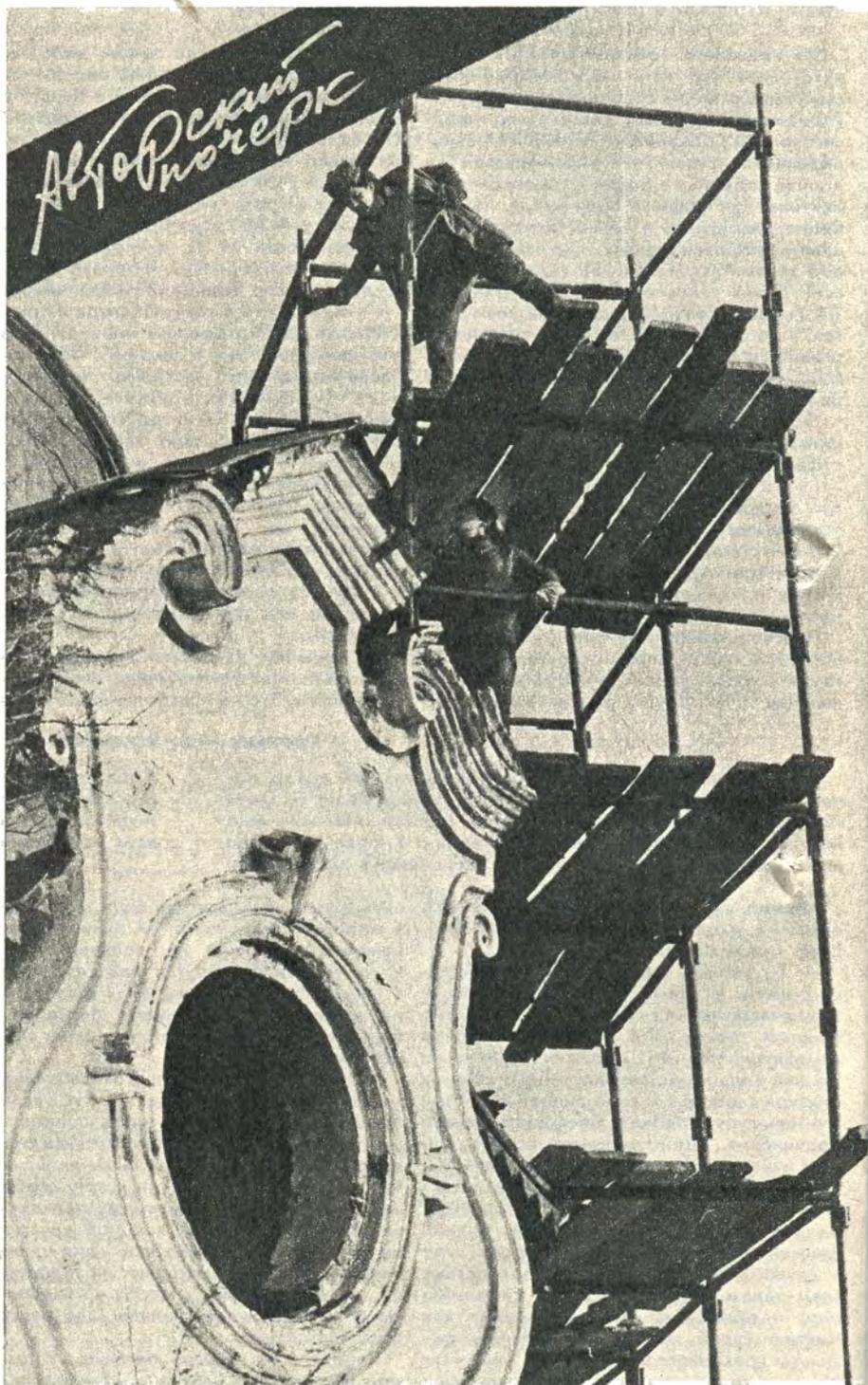
Назойливый штамп стандарта преследует ныне и сельскую молодежь. Теряется не только грань между вкусом и вопиющей безвкусицей — между добром и злом...

У этого явления глубокие корни.

Не в 1917 году оно зародилось и не в годы коллективизации. Это время лишь способствовало его бурному росту и жизненной реализации. Однако, как известно, нет худа без добра. Зримому злу легче противостоять, чем невидимому, прикрывающемуся в яркоцветной оболочке добра.

Противостоять... А как?

Да просто — по мере сил.

Елена ОПОЛОВНИКОВА

ПО МЕРЕ

Вот так и получилось, что начала я вести в подмосковной сельской школе историко-культурный кружок.

С детства люблю мною Турово — большое старинное село на приокской Серпуховской земле. С мамой туда иногда приезжала. Сестры ее отца — Екатерина Андреевна и Вера Андреевна Величкины, одна врач, другая учительница, поселились здесь в самом конце прошлого века. Замуж не выходили: так уж получилось. Все добро своей души отдали другим людям. Их помнят на селе, хотя они уже давно умерли. И маму я рядом с ними похоронила на туровском кладбище, как она просила.

В Турово мы с мамой не часто ездили. Не было денег. Да раньше и дорога была долгой. Ездили до Каширы, потом по Оке плыли на «моторке» (так называли небольшую местный пароходик) до пристани Прилуки. Красивейшее место! От Прилуки до Турова шли километров пять пешком. Так вот и ходили, ничего.

Теперь путь быстрый: на электричке до Серпухова, а от Серпухова до Турова на рейсовом автобусе.

А во время войны, до и после нее, мама рассказывала, еще больше приходилось шагать, почти двадцать километров. На станции Жилево Павелецкой железной дороги сходили и шли потом до Турова. Правда, по лесной удивительно красивой дороге. Впрочем, и телега с лошадей иногда бывала.

Не однажды собиралась я со своими кружковцами-школьниками пройти по этой дороге. В мае прошлого года собралась. Пошли. Начало дороги, давно неезженной и одичавшей, таинственно уходящей в бесконечную даль туровского леса, мне было давно известно. Ее до сих пор зовут «жилевской», хотя в само Жилево из Турова по ней давным-давно никто не ходит.

По лесу мы с ребятами прошли лишь половину пути. Или чуть больше. А вторая половина шла уже по оголенному и слегка жутким селениям.

Первое среди них — Матвейково... Тоже старинное большое село, вольно раскинувшееся по обеим сторонам родниковой речки Киреевки. Но о былом его величии можно лишь догадываться. Нам же оно явилось каким-то растерзанным и растерянным существом, доживающим свой век в иступленном беспамятстве.

В центре села, чуть в низинке, но отовсюду видная, стоит кирпичная часовенка, построенная, судя по ее архитектуре, в конце прошлого века. Таких часовен, очень похожих на матвейковскую, хоть и поменьше, в начале 70-х годов было немало в Ивановской области. Почти типовые постройки. Сохранились ли они сейчас — не знаю.

С противоположной стороны Киреевки,

на холме, отражаясь в мутных остатках воды бывшего пруда, возвышается барский дом — так пояснили мне назначение постройки местные мужички. Но барского в нем давно ничего не осталось: каменный двухэтажный инвалид на костылях и подпорках доживает свой век. Кто-то его жалеет, кто-то над ним подсмеивается. А для молодежи — это своего рода наглядная агитация против советской власти. Хотя советская власть тут вовсе и ни при чем.

Чтобы бесконечное уныние не поселилось в юную душу от повседневного созерцания безрадостных картин жизни, молодежь создает в воображении, сообразно имеющимся знаниям и представлениям, праздничную, «кайфовую» жизнь, которая где-то там — в Москве же, или еще подальше. «Гудбай, Америка», — неслось над Матвейковым. Ритм, шум, голова свободна от мыслей — эх, здорово!

В этот поход ходили не только мои постоянные кружковцы — ученики 9-го класса, но и помладше ребята — семи- и восьмиклассники. С нами еще учитель физкультуры ходил. Молодой, симпатичный. Ребят вроде бы любит и вроде бы понимает их, как ребятам самим кажется. Мне он говорил, что-де бедные ребята, их все время что-нибудь заставляют делать, а вот повеселиться, «побалдеть» то есть, как я поняла, им никто не дает. У меня тут обратное впечатление: от бессмыслицы жизни, от постоянного «балдежа» ребята и устают, потому что тянутся к нему, как наркоманы к наркотику. Тем головы и забиты. В результате: девочки крикливые, ругательные, мальчишки задиристые, нахальные. Проявление доброты рассматривается почти как идиотизм. По крайней мере в толпе, когда много человек собирается. В отдельности, каждый сам по себе вроде бы и неплох, все дома по хозяйству помогают, с сестренками и братишками занимаются. Но если общего дела касается — осячка происходит. Тут же вопрос: «А что, мне больше всех надо, что ли?» Прямо-таки как маленькие зверята. Никакой собранности и ответственности.

А откуда ребятам взять их? У кого поучиться? Обманы и пустопорожние обещания взрослых — они что, разве невидимы?

Собрались мы, к примеру, в Малый театр «Недоросль» посмотреть. К классике мне приучить ребят хочется, к восприятию серьезных спектаклей, а не так — трали-вали. Раз они близким помогают, значит, в них много хорошего. А плохое — поверхностное, наносное. Так вот, собрались мы в театр. С немалым трудом, признаюсь, купила я билеты. И представьте себе — первые ряды партера, лучшие места! Договорились, что встречу ребят у входа в Малый. Стояла, ждала. Не могла поверить — но не приехали. Замерзла я тогда, все внутри бегала греться, все у добрых и чутких билетерш спрашивала, не были ли здесь мои сельские ребята. Они тоже сожалели, что их нет. Потом мне посоветовали, чтобы билеты не пропали, подписать их у администрации на другой какой-то день, будут тогда просто входными. Я подписала. И адми-

нистратора помню — красивую, молодую, приветливую Маргариту Анатольевну.

Собрались еще раз в театр. И на второй раз все повторилось. Директор совхоза «Туровский» опять не дал автобус ребятам, хотя и обещал. Автобусов в совхозе несколько. Полупустые постоянно гоняют в Серпухов. По делам, говорят, надо. А это — 30 километров. В Москву тоже иногда ездят. И ребят, бывает, возят. Но поездка в Малый театр, видно, не по душе пришлась директору.

После двух неудач решила сама с ним поговорить, хотя дело это для меня всегда крайне неприятно.

Но разговор был удачный. Директор автобус обещал. Так и сказал: «Я вам точно говорю, в следующее воскресенье будет автобус».

«Нет, — думаю потом, — не зачерствела душа совхозного директора, зря я о нем уж так плохо думала». Ребят и учителей опять на поездку вдохновила. Еще раз собрались они поутру у школы в праздничных платьях и костюмах, с туфлями, чтобы в театре переодеть. Настроение торжественное. И я радостная их у театра ждала, предаваясь «кобед душевный». Так, к слову сказать, назвал одно из своих сочинений писатель XVII века Симеон Полоцкий. И так, жду. Но... Без четверти 12, без десяти, без пяти... Опять бегу я повсюду театру, о ребятах с подписанными билетами расспрашиваю. Не проходили ли?

Опять директор обманул. Как потом сами ребята мне рассказывали, они даже к нему домой бегали. К шоферу тоже. Пытались, наверное, совесть их пробудить. Да без толку.

Ну что ж. «...И злота твоя падет на плечи твои...» Еще я ребятам постоянно говорю, что по древней народной мудрости, а библия — это и есть древняя народная мудрость, уныние считается смертным грехом. Ничего, еще сходим в Малый театр! Вот откроется он после ремонта, и пойдем.

Статистика говорит о том, что ряды преступников в городах пополняются, в основном, за счет жителей окраин и промышленных зон. Последние же черпают рабочую силу из деревень. Устремляются в города мальчишки и девочки, надеясь на облегченное существование, на какое-то приобщение к «красивой жизни», не подозревая даже, что красота-то эта ложная, не найти им в ней счастья. А рассчитывать на свой разум и труд их никто особо и не приучал. И несет их стихия...

Страшно, что сами взрослые вовлекают в нее молодежь. Обманывают они доверчивые юные души, подменяя в сознании ребят понятие о правде жизни ложными, губительными представлениями о ее ценности.

Кирилл Туровский, мыслитель и проповедник XII века, еще в те далекие времена поучал молодежь: «Егда начинается в правде пребывать человек, то приемлет старейшинство над ним божественная сила».

Да, правдивому человеку, разясняя я эти мудрые слова ребятам, — ничего не страшно. Правда рано или поздно побеждает. Только она настоящей должна быть, полной, не половинчатой. И Достоев-

СИЛ

ский Федор Михайлович говорил: «Если русский человек в ладу со своей совестью, он — необорим». Добавлю — не только русский, но и любой другой.

В конечном итоге истоком культуры любого народа служит добро. Добро как со-весть. Как совесть. Как непреходящая потребность считаться со всеми другими земными братьями. Отчуждение же народа от его культуры несет с собой страшное зло духовного опустошения со всеми вытекающими из этого явлениями ужасами жизни, ибо зло это многогранно и мощно. Но наивны те, кто, порождая его, надеется остаться в стороне от его всеохватывающих ударов. Наивны.

«...И злоба твоя падет на плечи твои...»

Правду жизни и правду искусства ребята, еще не заменившие свои сердечные порывы тупым безразличием или злобой, порожденными повседневными нерастаявшими, чувствуют тонко. И тянутся к ней.

...В весенние каникулы 88-го года мои молодые сельские друзья: Света Усачева, Миша Панов, Ваня Гусев, Максим Шкинев, Ольга Бабичева, Аня Товт, Саша Соломонов — всего семь человек, немного, — поехали со мной в Горький, то есть в Нижний Новгород. Эта поездка была частью нашей программы, включающей познание приокской земли. А Нижний Новгород ведь не зря так назван — это и есть ее нижний край, место владения Оки и Волгу. В Кашире мы с ребятами побывали, в Терусу собираемся, в Поленово. Еще, может, и в Рязань выберемся.

Большой город для сельских жителей всегда интересен. А древний, сохранивший много памятных страниц своей истории Нижний — тем более.

Дважды побывали с ребятами в Горьковском музее под открытым небом, на окраине города. Мне очень хочется привить — по мере сил, конечно, — нашим сегодняшним сельчанам вкус к истинной, строгой красоте деревянных построек, а не к поверхностно-узорчатой красивости. За архитектурным образом — всегда образ человека. Философской глубиной повседневных раздумий веет от каждого памятника народного зодчества России. Все в них неслучайно и осмысленно, каждая линия и каждая деталь. Но это — особая статья, скажу только, что полвека, всю свою творческую жизнь посвятил мой отец, Александр Викторович Ополовников, делу сохранения памятников деревянного зодчества. Много книг им написано, много памятников спасено. На протяжении последних десяти лет — теперь то кажется и больше — я работаю рука об руку со своим отцом. Крупнейшее английское художественное издательство «Темза-Гудзон» недавно выпустило в свет нашу большую книгу «Деревянное зодчество России». Через год-два выйдут книги о старинных постройках Иркутской земли и Якутии. Сейчас делаем огромную работу — проект воссоздания древнего Илимского острога. Водами Большой Ангары стерта с лица земли память о нем. Планируем также воссоздать Нижне-Колымский острог — в далеком Якутском Заполярье. География дел, словом, широка. Входит в нее и туровская земля. К слову сказать, отец с мамой венчались в Турове. Специально к тете Кате с тетей

Верой ездили. А жили в Москве, с мамин-ной мамой, в Брюсовском переулке. Через год после их венчания, в 38-м году, бабушку сослали под Караганду. Там она и умерла, ей было уже далеко за шестьдесят. Квартиры в Брюсовском отобрали энквэдэшники по фамилии, как мама мне говорила, Иродовы. Ее же с отцом переселили на Хамплац — тоже мамино владение, то есть на Хамовнический плац. Потом — Фрунзенский. Потом — Комсомольский проспект.

...Вот еще планируем отреставрировать избу в деревне Барыбино, неподалеку от Турова. Простая и обычная вроде бы постройка, но удивительно ладная по своим пропорциям и как-то по-особому, естественно красива. Слово сама природа ее создала, а человек лишь помогал ей.

В эту избу частенько приходили мои кружковцы. Беседы с ними разные вели, музыку слушали, сцены из жизни разыгрывали. В лесу неподалеку костер устраивали, чай пили. Хорошо было. А музыку только классическую слушали, но не сложную: обычно русские романсы на стихи Пушкина, Лермонтова...

Началось-то все с Горького. Это там решила я ребят в оперу сводить, на «Евгения Онегина». Сначала, когда сказала, они были просто ошарашены. Даже «брейкер» Миша Панов промолчал: то ли от растерянности, то ли от удивления.

Но позволяя им дорисовать и предощутить предлагаемое событие, не допуская подключения к их воображению привычных словосочетаний, которые — сколько раз убеждалась в этом! — породили бы напористое, бездуховное сопротивление, я быстро начала разъяснять:

— Вы скоро будете проходить «Евгения Онегина». Вам полезно посмотреть. — «Послушать» побоялась произнести, чтоб окончательно не испугать ребят непривычным. — К тому же, — дальше развивала привлекательность задуманного, — в оперный театр, например в Москве — в Большой или в Ленинграде — в Кировский, вообще невозможно попасть. — Потом что-то еще излагала: о житейской пользе классической музыки, о Чайковском, чьи произведения мелодичны и просты. — И, — заключила, — ничего сложного для понимания в них нет. А вы — вполне развитые люди, поймете, конечно.

Старалась говорить просто, по-дружески и поучительно-менторским тоном; как бы объясняла вкус неведомых дотолем явств. Попробуйте-ка, молодые люди, рискните, не пожалеете!

Ребята то ли поверили мне, то ли просто смирились под давлением моих уверенных, хотя и дружеских, интонаций. Говорила-то я им чистую правду: но страх быть непонятой все-таки присутствовал во мне.

Да, им предстояло проникнуть во что-то доселе неведомое и даже враждебное, что, как им казалось, изымало из их бытия современность, и следовательно, обедняло его и тормозило дальнейшее развитие. Так им исподволь внушалось. Кем? Когда? Да окружающей действительностью. И вкусы молодежи — прямой продукт ее производства.

Но ребятам «Онегин» понравился. Так и должно было быть. Они просто не зна-

ли, не ведали о красоте музыки. Да и сам спектакль — вполне зрелищный, яркий, легко доступный детскому восприятию. К тому же в театре было много других школьников, что психологически тоже, конечно, поддерживало моих туровчан: вот, мол, сколько людей классикой интересуются; и мы вместе с ними.

В антракте ребята были серьезными, не толкались и не хихикали, как по дороге в театр. Я с замиранием сердца спросила: «Ну как?» «Нормально, Елена Александровна», — ответил мне, чуть смущаясь, Панов.

Из театра возвращались пешком, еще наполненные радующей душу музыкой. — Ванька сидел не шелохнувшись, — с уважением к другу рассказывал Максим Шкинев, — как струна вытанулся.

— Эта-а, ну, мне вначале не очень, а потом... — протянул Ваня.

— А потом сказал: «Ну всё, теперь опера — любовь моя!» — смеясь добавил Света Усачева.

Мы все и над всем смеялись. Так просто, от радости.

Потом, через год, наверное, у костра в Барыбино Ваня Гусев читал пушкинское «Я вас любил...» Помладше ребята — Вася Тимонин и Алеша Забродин — читали некрасовскую «Железную дорогу».

Сердце мое, конечно, радовалось, когда ребята, придя в очередной раз в нашу барыбинскую избу, сами попросили меня включить им музыку.

— Врубите Баха, Елена Александровна. Врубила.

Но с наибольшим вниманием ребята слушали романсы, особенно те, где слова им знакомы. Я им рассказала, что в Прилуках, на даче, жила Надежда Андреевна Обухова. Приокские края многих завораживали.

А имя Надежды Андреевны для меня свято. Бабушка, когда была жива, ее хорошо знала. В нашей коммунальной квартире на Хамплацу, если по радио пела Обухова, мама, как бы плохо себя ни чувствовала, всегда вставала и подходила к радио послушать. И была мама — теперь я понимаю это — во внеземном пространстве, уносимая туда божественными звуками голоса Надежды Андреевны.

...В минуту жизни трудную, тоснится ль в сердце грусть,

Одну молитву чудную твержу я неизусть. Есть сила благодатная в созвучье слов живых И дышит непонятная святая прелесть в них. С души, как бремя снимется, сомненье — далеко.

И верится, и плачется, и так легко, легко...

Иван Петрович Павлов говорил, что человек порой не видит мир красоты, потому что никто не открыл его ему, не научил смотреть на этот мир удивленными глазами.

Но что же делать, если некому открывать этот мир, если окружающие детей взрослые люди сами имеют о нем весьма смутное представление?

Дети, свои ли, чужие ли, не суть важно, всегда есть рядом. Что же они от нас получают — камень ли в красивой обертке, пустышку ли, леденец — или истинный хлеб духовный?

...На чужом несчастье счастья не построишь.

Наталья ДЕГТЕВА,
киносценарист

УЧАТ
В ШКОЛЕ,
УЧАТ
В ШКОЛЕ,
УЧАТ
В ШКОЛЕ...
(размышление
о Книгах для чтения
во втором классе)

Мой сын — второклассник. Ему девять лет. Первые четыре года своей жизни он прожил в период застоя, пять лет живет при перестройке. Он не вундеркинд, он самый обычный ребенок, в меру способный, любознательный, любящий читать книги, играть с друзьями, ходить в театры и кино, смотреть телевизор.

Не скажу, что я — хороший воспитатель. Как все или большинство людей моего поколения, занятых, работающих, не имеющих больших средств и поддержек бабушек и дедушек, я — никудышный воспитатель. Тем не менее, как и все родители всего мира и всех времен, я старалась укрепить сына в той обиходной морали, которой должен обладать каждый человек, внушить некоторые представления, которые при всей их простоте и делают из человеческого существа человека. Эти представления всем хорошо известны: «честно — нечестно», «можно — нельзя», «справедливо — несправедливо», «лежачего не бьют» и т. д. Кроме того, к школьному возрасту в его сознании прочно были закреплены многие заповеди: «лгать плохо», «людей и животных обижать нельзя», «драться — плохо, а если драться, то только по справедливости», «убивать нельзя», «ябедничать плохо», «сотворять себе кумиров — глупо, да и не нужно».

Наши «перестроенные» дети слышат зву-

ки оттепальной капели. Они знают о злодействах сталинщины, о прочих правителях, своей бездарностью и упрямством низведших богатейшую страну до уровня полуннишей. Они слышат и выступления по радио и телевидению, и разговоры близких людей. Они — дети перестройки. Они должны знать правду. Они не должны уже жить в мире заповедей прошлых времен, типа: «Богатые — кроволийцы, бедные — хорошие», «Спасибо партии за наше счастливое детство», «Кто не с нами, тот против нас». И тем не менее...

Зайдем в любую среднюю школу. Не ошибусь, но в каждом вестибюле, где снуют с портфелями и мешками для обуви ребята, за ними наблюдают гипсовый бюст В. И. Ленина и известный лозунг призывает: «Учиться, учиться и учиться!» Все как всегда — красный кумач, грубый белый шрифт...

Лозунг этот представляется здесь безусловным и обязательным. Просто не может быть сомнения в его необходимости, уместности. Вопрос: «А чему учиться призывает вождь?» в школьном коридоре просто не может возникнуть. Вот попробуйте обратиться с этим вопросом к любому пробегающему мимо школьнику. Я уверена, он ответит: «Учиться тому, чему учат». Вот эту безусловную веру в лозунги продолжает внушать наша школа, безусловность того, что говорит учитель, безусловность того, что написано в учебнике.

Вот две «Книги для чтения» во втором классе. Первая из них открывается текстом Гимна Союза Советских Социалистических Республик и закрывается изображением статуи «Рабочий и колхозница». В книгах огромное количество рассказов о несчастной жизни детей-бедняков до революции. Чего тут только нет: и запоротый до смерти маленький музыкант Янко, и голодный оборванный Пашка-миллионщик, которому только революция в образе матроса дяди Семена принесла счастье. Мало того, — и самого Пашку с больной матерью матрос Семен своей рукой с холодного чердака перенес в богатую комнату. Просто так — взял и своей рукой перенес. В книге и «Плач детей» Н. Некрасова, и сын прачки Сорокин Петя, которого презирают богатые дети.

— Хи-хи, — завидя Петю, хихикнет Наталия (по рассказу у нее отец — фабрикант).

— Хи-хи, — поддерживает ее Розалия (по рассказу у нее отец — генерал).

— Хо-хо, — рожи строят Кирилл и Павел (у одного отец — помещик, у другого — важный царский чиновник).

— Прачка, смотрите, прачка идет! — тупица Модест залыется смехом (у Модеста отец — жандарм).

А заканчивается этот «литературный шедевр» С. Алексеева вот как:

«Так бы и остался Петя, как много других, безграмотным... Но тут — революция. Прогнали фабрикантов, прогнали помещиков. Кончилась власть богатей...»

К этому «замечательному» рассказу припечатаны картинки. На первой — женщина с голыми руками стирает белье, а маль-

чик Петя несет корзину с уже выстиранным бельем (надо понимать, что богачам). На второй картинке мальчишки в гимназических шинелях, в башлыках важно идут по улице и городовому отдает им честь. А самый маленький гимназист даже в извозничью пролетку садится — совсем совесть потерял. Тут же (по окончании рассказа) — картина В. Маковского «Свидание».

Примитивно поданная теория классово-борьбы преподносится нынешним детям как теория живая, современная, теория, которой они должны руководствоваться в понимании истории и той жизни, которую они начинают осмысливать. Неважно, кто они такие, эти дети фабриканта, генерала, помещика, они не могут быть хорошими, потому что они богатые. Но ведь это та самая мораль, благодаря которой был уничтожен генофонд нации... Мы с содроганием читаем все новые и новые публикации о красном терроре, о десятках тысяч расстрелянных людей, которых хватали на улицах только потому, что они были хорошо одеты или жили в квартирах из нескольких комнат, именно эта страшная мораль пьянила мужиков, сжигавших помещичьи усадьбы, уничтожавших памятники искусства, именно она вдохновила взорвать храм Христа Спасителя («опиум для народа»)... Надо только задуматься, чем мы обязаны этой классовой морали — существованию Архипелага ГУЛАГА — это около двадцати миллионов мучеников! Уничтожением крестьянства как класса — ведь каждый середняк мог быть потенциальным эксплуататором!.. Мы обязаны ей появлением уникальной литературы — литературы социалистического реализма, когда порой ложь превращалась в метод и форму...

И теперь, когда мы все это знаем и пытаемся осмыслить во всей полноте, а полнота эта нам еще не дана, потому что мы с детства были отравлены этой моралью, она у нас в крови, — мы должны спокойно терпеть, как этой моралью заражают наших детей?!

В обеих книгах множество рассказов о В. И. Ленине. Жизнь вожды оказалась тщательным образом задокументированной в детском варианте. Мы знаем, что она так же тщательно задокументирована и для взрослых, но то евангелие для взрослых, а это — для детей. Представляю себе, с каким благоговением читают эти рассказы дети...

Читают и рассказывают, как притчи. Ведь вождь и для всех взрослых давно перестал быть живым человеком во плоти, историческим деятелем, который мог и ошибаться.

«Владимир Ильич Ленин был другом, товарищем рабочих... Царская полиция его арестовывала, сажала в тюрьмы, ссылала в далекую Сибирь, хотела его навек в тюрьму засадить».

Ленин уехал за границу и издалека писал рабочим, что им надо делать. А потом он опять приехал и руководил всей борьбой».

Кончилось все хорошо, потому что:

«В феврале 1917 года рабочие вместе с солдатами — тогда война была — прогнали царя, а потом, 7 ноября 1917 года, прогнали помещиков и капиталистов. Отняли у них землю, а потом заводы, фабрики и стали заводить свои порядки».

Нет, я не шушу! Это цитаты из рассказа Н. К. Крупской «Владимир Ильич Ленин». Книга для чтения I и II класса, страницы 93—96. Вот так, просто и благородно: отняли все и стали заводить свои порядки. Могут сказать: а как рассказать детям популярно о революции? Ведь многого они не могут понять, да и нужно ли, чтобы они знали о той страшной крови, которой сопровождалась революция, о той трагедии, которой обернулась она для нашей страны? Да, дети многого не поймут, но детям нельзя лгать, а такая популяризация — это ложь. Ложь именно в благодушном тоне, в желании все упростить и представить революцию как детскую игру в кубики — переставили, перетасовали и построили светлое здание коммунизма. Вспомните, ведь именно так учили и нас, именно этой «правильной», такой доступной и логичной простотой соблазнили и наше сознание. Это та простота, которая исключает всякое сомнение и всякое осмысление, это та простота, которая становится почвой фанатической веры, а для фанатической веры нужна пища — этой пищей становится новая ложь, все более масштабная, все более проникающая. Она создаст великолепный, так горячо любимый нами «Марш энтузиастов», изумительную стилистику «Кубанских казаков», да и сколько всего еще она создаст!..

Ну а как же все-таки быть с младшими школьниками, как же им рассказать про революцию?

Давайте подумаем все вместе: а может быть, им не нужно в этом возрасте знать про революцию? Может быть, лучше воспитывать их ум и человечность на прекрасных образцах русской прозы и поэзии? На сказках и баснях, которые они так любят? Из книг для чтения наших детей литература как будто специально изгнана. Здесь есть все: бесталанность, халтура, непрофессионализм, злобная агрессивность, но только не литература.

Например, стихотворение М. Рыльского «Ильич и девочка», написанное в стиле нравоучительных духовных стихов прошлого столетия. Было раньше при царе такое стихотворение про сиротку, которая замерзла на улице и ее согрел Господь. Стихотворение выдержано, что называется, один к одному.

*Я вам стихи читать начну,
Я расскажу вам, дети,
Как в голод девочку одну
Ильич однажды встретил.
Чтоб наша красная звезда
Была навеки с нами,
Тогда, в те трудные года,
Сражались мы с врагами.
И Ленин очень занят был,
Но взял с собой малышку,
Ее согрел и накормил,
Достал с картинкой книжку.
Среди больших и важных дел
Смог малое увидеть...
Людей любить Ильич умел,
Умел и ненавидеть...*

и так далее.
Дивный образчик сиротской поэзии с политической подкладкой!

В книге для чтения есть рассказ «Новый учитель» популярного, видимо, у педагогов С. Алексеева. Рассказ о том, как в деревню Малые Кочки приехал новый учитель — матрос-балтиец. Он не успел ничему научить детей, только научил писать буквы «А» и «Б», зато все рассказал про «Аврору», про штурм Зимнего, про Ленина, про партию, про Советскую власть. А когда приехала в деревню учительница большевичка Зоя (матрос был недолго в деревне, у него были «свои, другие совсем дела»), то была сначала очень удивлена малым знаниям детей, но, узнав, что дети знают про Ленина, про Советскую власть, про «Аврору», и про штурм... «задумалась Зоя: «Молодец балтиец, с главного начал. Правильно поступил».

Как же так? Со всех высоких трибун мы провозгласили о приоритете общечеловеческих ценностей, каждое воскресенье с экранов телевизоров мы слушаем «нравственные проповеди», читаются они разными людьми и с разным успехом. Тем не менее это попытка вернуть советских людей к тому, что именно понятия добра, веры и справедливости определяют смысл жизни, здесь начало начал. Не в том, что в октябре 17-го года был штурмом взят Зимний. Стремление разорвать историю, культуру и мораль, которое определило нашу идеологию, мобилизовало наше сознание, именно оно поставило нас над пропастью. Как надрывно поет Шевчук: «Сколько миров мы сжигали в час ради твоего святого костра!..»

Почему же мой сын должен продолжать «сжигать миры»?

Я спросила своего ребенка, как ему нравится рассказ «Новый учитель». Сын ответил, что совсем не нравится. «А почему?» — допытывалась я. «Не интересный», — отвечал он. «А как ты считаешь, права ли учительница Зоя, похвалившая матроса-балтийца, что он ничему детей не учил, потому что ничего не знал, но зато рассказал про «Аврору» и штурм Зимнего?» — «Конечно, права». Категоричность сына несколько ошеломила меня. Я попыталась его разубедить и как могла рассказала, что с моей точки зрения, главное в жизни детей, в жизни человека. Сын замолчал, и я не могла понять, убедил я его или нет. Через некоторое время он вернулся к этому разговору и продолжал настаивать на своей правоте. «Но ведь все всегда с этого начинается, с революции, — и каждый год, и каждый праздник. Так полагается». И я должна была признать свое поражение.

И я испугалась. Да, я испугалась, что выстраданная мной и миллионнами других людей перестройка, переосмысление нашего отношения к истории, к реальности, давшиеся нам так трудно, могут не коснуться наших детей. Ведь их продолжают учить по-старому. Мне казалось, что все мои мысли, мои переживания, мое отношение к происходящему не могли не коснуться моего сына, не могли не сделать его моим сторонником, пусть он еще многого не понимает. Мне казалось естественным, что в лице его — вот пройдет несколько лет — я найду единомышленника, мы должны быть с ним заодно — как же иначе? И вот тут я поняла, что этого может и не случиться. Ведь очень непросто процесс формирования сознания, морали...

Все мои усилия привить ему интерес к классической литературе, развить его вкус и художественное чутье, мое понимание, что такое хорошо и что такое плохо, сталкиваются с усилиями школы, действующей совсем не в том направлении. Что из этого выйдет?

«А что сегодня вы читали, какой рассказ?» — спрашиваю я на следующий день. «Дурацкий», — отвечает сын. «Нет, ты все-таки расскажи про что», — настаиваю я. «А что рассказывать, дурацкий, он и есть дурацкий», — твердо отвечает мне сын, пресекая мои попытки расспрашивать его.

Он никогда не был открытым ребенком — мой сын. Но в его нежелании рассказывать о том, что происходило в школе, о чем говорила учительница, что читали на уроке, я чувствую некое намерение, что ли: в школе свой мир, свои правила, своя литература, свои нравы, а дома — другое. Мне кажется, что он уже усвоил, что мир поделен, и есть ли у этих разных половинки точки соприкосновения?

К чему может привести раздвоение детского сознания? К безверию, нигилизму, уходу в себя, отторжению от мира взрослых?

Вопросы эти мучают меня. Однажды я делюсь ими с матерью одного одноклассника моего сына. Оказывается, она тоже мучится этим, оказывается, и она страдает, когда слышит, какие стихи учит ее сын, какие рассказы он читает. «Знаете, как я поступаю, — говорит она мне, — я говорю: сын, у тебя много пятерок, а завтра можешь получить двойку, я не буду тебя ругать, и папа не будет».

И вот когда мой сын пожаловался, что никак не учатся стихи, а это были стихи Сергея Михалкова «Разговор с сыном», я тоже ему сказала: «Можешь получить двойку». Прочитав их, я поняла, что ничего другого я ответить не могу. Вот они, эти стихи:

*...Цветут сады не для господ —
Они для нас цветут!
И во дворе не граф живет,
А школьники живут.*

*Живи, учись, гордись, мой сын,
Что ты советский гражданин,
И, в жизни выбрав путь,
Везде: в сраженьи и в труде,
Всегда: и в счастье и в беде,
Отчизне верен будь!*

*Не забывай, что ты рожден,
Товарищ молодой,
Под семью ленинских знамен,
Под красною звездой...*

Дети чувствуют художественную фальшь этих стихов, взрослые, задающие эти стихи детям, чтобы они учили их наизусть, тоже, наверное, чувствуют это, во всяком случае они должны понимать, что жизнь перечеркнула эти строчки. Но все течет по-старому...

Я узнавала: «Книги для чтения» не будут переработаны издательством «Просвещение» еще несколько лет, хотя издательство понимает, что такая необходимость есть. Но нет мощностей, нет бумаги и так далее.

Что же делать? Если издательство бесильно, может быть, надо действовать родителям: нельзя же терпеть, чтобы приводные ремни огромного маховика продолжали приводить в действие огромную идеологическую машину, калечащую души детей!..

Мирон ПЕТРОВСКИЙ

ЯНУШ КОРЧАК В КИЕВЕ

Мирон Семенович Петровский — известный критик и литературовед, живущий в Киеве. На его счету несколько книг и множество статей, посвященных разнообразным проблемам русской литературы, в том числе две книги о Корнелии Чуковском. М. С. Петровский — давний автор «Семьи и школы», в 60-е годы печатавший у нас статьи о К. Чуковском, Л. Квитко, о проблемах научной фантастики.

Новая работа М. С. Петровского освещает доселе почти неизвестные страницы жизни и деятельности замечательного польского врача, педагога и писателя Януша Корчака.

1

Рассказывать о Януше Корчаке начинаю обычно с событий 5 августа 1942 года, с финала трагедии.

В этот день по приказу командования фашистских оккупационных войск в Варшаве старый доктор Януш Корчак, руководитель Дома Сирот, должен был вести своих маленьких воспитанников к небольшой железнодорожной станции на Умшлагплац. Варшавяне уже хорошо знали, куда идут эшелоны, отправляемые с этой станции, и у Корчака не оставалось никаких иллюзий.

Рассказывают, что, выстроив своих детей колонной по четыре, он повел их через Варшаву под зеленым знаменем надежды — знаменем сказочного короля Матиуша Первого. На самом деле знамя было другое; но ничто не мешает нам представить себе именно его над скорбной процессией, ибо для Корчака уже настало время легенд. И украинский поэт Иван Драч с полным основанием изобразил в своей драматической поэме «Дума про учителя» последний парад Дома Сирот под легендарным зеленым знаменем.

Рассказывают также, что Корчаку предлагали остаться, поскольку он «государственный служащий». Рассказывают, что предложение остаться повторил немецкий комендант эшелона, который читал когда-то книжки Януша Корчака. Неизменно повторяется одно: остаться Корчак решительно отказался, так как на детей это предложение не распространялось.

Все эти рассказы заслуживают доверия, потому что — мы теперь знаем несомненно — у него были и другие возможности спастись. Отметим другое: легендарные или реальные, эти рассказы настаивают на свободном выборе. Януш Корчак не уклонился от свободного выбора, прошел свой путь до конца и вместе с воспитанниками сгинул в газовых камерах фашистского лагеря уничтожения Трелинка. 5 августа 1942 года считается днем его гибели, хотя решительно никто не знает, принял ли он смерть в тот день или

нес свой крест еще какое-то время, защищая детские души от страха смерти.

Высокий трагизм последнего выбора Януша Корчака ни с чем не сравним; но не следует забывать о том, что нет подвигов без подвижника. 5 августа 1942 года — логическое завершение всей шестидесяти-четырёхлетней жизни Януша Корчака, сумевшей воплотить три самых гуманных профессии — врача, педагога, писателя. Он был из тех великих чудаков, о которых при жизни рассказывают анекдоты, а после смерти — легенды.

Хенрик Гольдшмидт, известный под именем Януша Корчака, родился в 1878 году в состоятельной семье адвоката. Но ранняя смерть отца положила конец благополучию семьи. Маленький гимназист должен был зарабатывать репетиторством, чтобы продолжать образование. Затем он закончил курс медицинского факультета Варшавского университета, одновременно занимаясь в так называемом

«Летучем университете» — подпольном учебном заведении, где — в условиях строгой конспирации, на частных квартирах, — читали лекции лучшие ученые тогдашней Польши. Рассматривая феномен Януша Корчака, не следует сбрасывать со счетов этот отряд ученых — подвижников культуры, партизан просвещения.

Очень рано проснулось в Хенрике Гольдшмидте то, что потом он насмешливо назовет своей «манией воспитания». Эту манию он осуществил несколькими способами: во-первых, как детский врач, влияющий на своих пациентов; во-вторых, как журналист, чье слово становится все весомее для читающей публики; в-третьих, как воспитатель — хоть и отсутствующий в списках министерства образования, воспитатель-подпольщик — на основе замкнутых из практики «Летучего университета». Строго говоря, это уже выбор жизненного пути, и от этих трех ипостасей своего существования и работы Януш Корчак не отречется никогда.

«Когда он был еще молодым врачом с блестящим будущим, когда открывался для него путь к удачной карьере и большим заработкам, он решил, что его призвание — medicina pauperum (медицина бедняков), а не medicina avarum (медицина богатых). Когда начал писать и замаячила ему — с выходом первой книжки — «Дитя гостинной» — литературная слава, он, наперекор названию этой книжки, но согласно с ее смыслом, отдал свое перо делу обездоленного ребенка. Когда был молодым человеком, полным сил, и мог выбирать, он выбрал вместо собственной семейной жизни комнатушку бобыля, где запер себя, как в клетке, с окном, выходящим на спальню интерната», — пишет его биограф.

Общество допускало, но не слишком уважало такой выбор. В подобном выборе есть что-то вызывающее — он все-таки выпадает из норм хорошего общественного поведения. А бескорыстие вообще подозрительно. Пожимая плечами, чудаку позволяют его чудачества, одиночество,

отчужденности, потому что, откровенно говоря, для общества это уже безразлично: человек такого сорта попадает во внутренние общественные пустоты, полости, ниши и становится, как сказал бы современный социолог, аутсайдером.

Нельзя, однако, утверждать, будто доктора Корчака не уважают. Нет, его приглашают в богатые дома, он идет и берет крупные гонорары (иначе — на какие деньги он покупал бы лекарства для бедных детей?), его книжки безотказно издаются преданный Морткович, их увлеченно читает вся страна — и взрослые, и дети; воспитательные заведения, которые он возглавляет, поддерживаются денежными взносами самых высоких особ государства. Хотя, надо признать, доктор держит их на расстоянии, не позволяя никакого вмешательства во внутренние дела своих заведений. Он мог бы сказать о себе, что свет — по крайней мере, официальный свет — ловил его, но не поймал.

В уважении к нему не слишком много понимания. Польские националистические круги считают его евреем, еврейская община — польским писателем. Для взрослых он — автор детских книжек, а для детей, которые всей душой привязаны к нему, он все же взрослый человек, имеющий, по словам одной маленькой девочки, «некрасивую кожу на голове и привычку говорить одни глупости». Убежденный антимилитарист и горячий польский патриот, он принимал участие в двух войнах империи (русско-японской и первой мировой) как врач и офицер. Он холостяк, но у него огромная семья — несколько сот детей интерната. Он педагог среди врачей и врач среди литераторов. Пусть новый Франсуа Вийон напишет новую балладу о всюду желанном и отовсюду изгнанном...

Возглавляемые Корчаком воспитательные заведения — Наш Дом (1919—1935) и Дом Сирот (1911—1942) — выглядят маленькими «государствами в государстве», они существуют вне казенной педагогики и бюджета страны. Тут господствует другое государственное устройство, общественные законы и конституции. Единственный законодатель — доктор Корчак старательно изучает характер и требования своих маленьких граждан, возбуждает память собственного детства, чтобы создать настоящее «государство детей», более справедливое, чем государство взрослых. В стране, которая скатывалась к фашизму особого, так сказать, провинциального толка, Наш Дом и Дом Сирот держались как маленькие утопические островки в океане реальной — увы, слишком реальной — жизни. Нет, свет все-таки поймал Януша Корчака — он поймал его маленькими детскими руками.

Вечное мальчишеское стремление к справедливости, равноправию и самостоятельности, ненависть к фальши и лицемерию сполна воплотились в законодательстве доктора Корчака: ведь в нем самом так много детского, мальчишеского! Казалось, уже пожилой доктор решил предупредить все обиды, нанесенные ему в детстве, обиды, которые продолжают наноситься другим детям другие поколения взрослых — да и взрослые друг другу. Милосердие стало основой сочиненного Корчаком «Кодекса товарищеского суда»

(а другого в Доме Сирот и не было):

«Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить. Если он совершил проступок потому, что не знал, теперь он уже знает. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмотрительнее. Если он совершил проступок потому, что ему знает. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмотрительнее. Если он совершил проступок потому, что ему трудно привыкнуть поступать по-другому, он постарается привыкнуть. Если он совершил проступок потому, что его уговорили ребята, он больше уже не станет их слушать... Но суд обязан защищать тихих ребят, чтобы их не обижали сильные... защищать добросовестных и трудолюбивых, чтобы им не мешали разболтанные и лентяи... заботиться, чтобы был порядок, потому что от беспорядка больше всего страдают добрые, тихие и добросовестные люди...»

Корчак не закрывал глаза на то, что его надежды — утопичны; напротив, он остро ощущал трагичность утопизма: но продолжал гнуть свое. Он хочет немногого: если не создать лучшего общества, пусть будет хоть лучший человек. Если не все, то пускай хоть некоторые. Если не сейчас, то потом. Своим воспитанникам, покидавшим стены приюта, он говорил на прощание: «Единственное, что мы вам даем, — это грусть о лучшей жизни, которой нет, но которая будет, о жизни правды и справедливости».

Доктор Корчак был утопистом, но что это за удивительное явление — утопист, желающий малого? Утопист-минималист — неслыханный парадокс, ибо устоявшаяся истина гласит, что утопия возникает как раз на волне максимализма, самых больших и наиболее нетерпеливых требований к действительности: «все или ничего». В то же время утопия без надежды, казалось бы, должна обернуться антиутопией. Утопия — и компромисс, утопия — «хоть немного»? Это что-то необычное, здесь какое-то неожиданное дополнение сразу к двум альтернативам: «утопия — антиутопия» и «утопия — действительность»...

Максималистский экстремизм Корчак считал (и не зря) свойством не труженика, а мелкого буржуа, мещанина. В книге «Как любить детей» он объяснял, что крестьянин, живущий под небом на земле, зависит от этих двух определяющих обстоятельств его бытия и хорошо знает предел человеческой власти. Он знает, что лошадь бывает пугливая или норовистая, курица — ноская или не очень, корова — более или менее удобная, что бывает плодородная или неурожайная почва, дождливое лето, зима без снега. Что-то можно слегка или основательно подправить — тяжким трудом, непрерывными усилиями, но бывает, что и никак не сладить. А вот у мещанина слишком высокое понятие о человеческой мощи. Картофель не уродился, но достать можно, надо только заплатить подороже. От мороза защитит шуба, от дождя — плащ и калоши, в сущь следует поливать улицы, чтобы не было пыли. Все можно купить, всякому горю помочь. А книжки, давая разумные советы на все случаи жизни, усиливают иллюзию всемогущества...

Представления интеллигента-горожанина Януша Корчака сродни представле-

ниям труженика-крестьянина. Корчак ограничивал свои претензии именно потому, что хорошо знал действительность, отдавал себе отчет в ее косности и понимал необходимость непрерывных, разумно направленных усилий. В скромности корчаковской утопии нетрудно разглядеть усталость утопической мысли. Эта мысль все уже знает наперед, в том числе собственную обреченность, — но не может отказать от себя самой. Отсюда — трагическая педагогика Януша Корчака, его сказки с грустными концами и надежда, круто замешенная на печали.

Этой надеждой и этой печалью до краев полны книги Януша Корчака.

II

За несколько месяцев до гибели, когда Дом Сирот уже был переведен в варшавское гетто, Корчак, «уступая настояниям доброжелателей» (по его собственному слову), написал завещание, которому придал будничную форму прошения о принятии на работу, дабы избежать пафоса, свойственного самому жанру «теста-мента». Да и что ему было завещать? Никаким имуществом, которым следовало бы распорядиться, он, отшельник и бесребреник, никогда не обладал. Опыт его жизни, его наблюдения и мысли были запечатлены в его книгах — они же, как известно, имеют свою судьбу. То, что спасти жизнь детей не удастся, он, надо полагать, уже понимал.

И потому он составил не завещание, а всего лишь предложение услуг опытного и добросовестного работника. Он превратил этот документ в последнюю попытку разобрататься в самом себе, оценить напоследок свои человеческие и профессиональные качества. Его «завещание» — краткая аналитическая автобиография, полная грустной иронии, самокритики и педантизма.

Он с благодарностью, как о своем боевом коне, отзываясь о своем здоровье, помогавшем ему нести тяготы жизни, не забывает упомянуть о прекрасном аппетите, подчеркивает свое умение обходиться в быту самым малым, называет своих учителей в медицине, педагогике, литературе (среди них особо выделен А. П. Чехов — «гениальный общественный диагност и клиницист»), набрасывает послужной список и перечисляет свои поездки и путешествия. В числе мест, достойных упоминания, дважды называет Киев.

Один раз — там, где он говорит о своем нелегко доставшемся жизненном опыте: «Узнал рецептуру всех войн и революций — принимал непосредственное участие в войне японской и европейской и в гражданской войне (Киев)...»

Другой раз — в перечне мест работы, под пунктом четвертым: «Около полугода в приютах для украинских детей под Киевом...»

Корчак сдержан и лаконичен — он не сообщает ни других фактов, ни подробностей, относящихся к его пребыванию в Киеве. Он ничего не говорит о самом, быть может, важном: здесь, в Киеве, он задумал и начал писать свой первый теоретический трактат, свое самое знаменитое педагогическое сочинение, свое «арцид-

Институтская улица в старом Киеве. Здесь жил Я. Корчак в 1917 году.

желю», то есть шедевр, — книгу «Как любить детей».

Когда он начал работать над этой книгой, ему было уже под сорок. Самое время переходить от накопления практического опыта к теоретическому его осмыслению. Но не странно ли заниматься проблемой «Как любить детей» среди хаоса, гибели и раздора мировой и гражданской войн? И почему в Киеве? Случайное ли это совпадение или закономерный перекресток неведомых причин?

Биографы даже не ставят этого вопроса. Их можно понять: около шестидесяти лет, проведенных в Варшаве, заслоняют трехлетний «киевский период». Лишь несколько беглых упоминаний города в собственных сочинениях Корчака — вот, собственно, все, чем они, казалось бы, могут воспользоваться. Но вот что не упустим из виду. Под пером биографа наиболее значительным может оказаться период, всего лишь лучше документированный. Но ведь «довлеет дневи злоба его»: человек озабочен своей жизнью, а не документированием, и отсутствие документов может, между прочим, свидетельствовать и о жизни столь интенсивной, что было не до них. А жизнь Януша Корчака в 1915—1918 годах к тому же засвидетельствована документом первостепенной важности — написанной в Киеве книгой «Как любить детей». И примыкающей к ней работой «Педагогические моменты», написанной там же.

III

...За годы первой мировой войны население Киева увеличилось более чем

вдвое и приблизилось к семистам тысячам. Город принял и кое-как разместил множество беженцев из западных областей, войсковые части, лазареты, военные учреждения и детские приюты. В то же время ощутимая часть коренных киевлян и киевских учебных заведений переместилась в глубь России — за Харьков, в Поволжье. Город вырос и переменял свой состав. По тогдашней статистике, едва ли полной, польское население Киева составляло сто тысяч человек — целый город в городе, со своей культурой, общественной, религиозной жизнью, отличной от общегородской и влитой в нее.

Тогдашняя польская пресса Киева дает обширные, но уж больно неожиданные (по крайней мере — на современный взгляд) сведения о жизни общины. В самом деле: идет громадная война, гибнут миллионы людей, другие миллионы обездолены вдовством и сиротством, потерей родного дома и самой земли, — но в двух киевских ежедневных газетах на польском языке и в многочисленных, хотя и кратковременных, журналах война занимает более чем скромное место, едва угадывается. Два темы выделяются во всех этих изданиях по частоте публикаций и страстности тона. Первая — восстановление независимой Польши, неизбежное при любом исходе войны. Вторая тема, как ни странно, — педагогика: воспитание подрастающего поколения. В сущности, вся тогдашняя польская пресса Киева — педагогическая.

Основную площадь газеты «Дзеник кийовски» и «Гонец кийовски» отдавали огромным (по газетным масштабам) педа-

гогическим статьям и печатали их на самых престижных местах. «Пшеглэнд науковы и педагогичны» представляло собою не столько научное, сколько именно педагогическое обозрение. Журнал, адресованный женщинам, — «Поклосе кобеце» и его спутник «Клосы украинске» — оба собирали свои колосья на педагогической ниве. Юношеский журнал «Пшесвист» был посвящен прежде всего рассвету воспитательного дня. «Наш свят», тоже юношеский, включал своих читателей в мир, воспитательно ориентированный. Даже «Польски месёчник лекарски» — что-то вроде медицинского бюллетеня — все время твердил о том, что медицина должна идти рука об руку с педагогикой, и предлагал актуальный образ нового воспитателя — врача и педагога одновременно, словно бы выкликая Януша Корчака или пророка его приход.

Одним словом, киевская периодика военных лет на польском языке обнаруживает беспримерную напряженность педагогической мысли. Жгучие практические заботы — как устроить школу или детский дом — явно отступали перед вопросами иного уровня: на каких принципах строить эти учреждения, каковы должны быть основоположения педагогической науки. Прошедший в Киеве польский педагогический съезд кто-то из его участников назвал «съездом кающихся» — кризис старой педагогики и необходимость новых путей стали очевидностью. Гостем съезда был выдающийся русский педагог С. Шацкий — к его методам работы с обездоленными детьми присматривался Януш Корчак, почтительно ссылаясь на ученые

труды своего коллеги в книге «Как любить детей».

Вся педагогическая деятельность польской общины строилась на благотворительности, принимавшей разнообразные, порой чрезвычайно любопытные и неизвестные в русском быту формы. Вместе с отчетом о пожертвованиях непрерывно публиковались призывы жертвовать, напоминающие: «едвое дает тот, кто дает не медля». В ответ на призыв (летом 1915 года), подписанный Марией Подвысоцкой и Яниной Перетяткович, в Киеве стали возникать дома и приюты для польских детей, обездоленных войной. В этих домах и приютах будет проводить свои педагогические наблюдения и эксперименты Януш Корчак, с авторами этого призыва ему вскоре предстоит встретиться. В книге «Как любить детей» он так оценивал благотворительность:

«...Филантропия, не излечивая общество ни от одного из социальных недугов и не удовлетворяя ни одну из его потребностей, выполняет две важные задачи:

Выявляет язвы, которые государство еще не заметило или недооценило. Филантропия изучает, начинает действовать и, видя свое бессилие, требует помощи, наконец, навязывает эту обязанность обществу или государству, которые могут оказать содействие во всей полноте.

Другая — это новаторство, поиски новых путей в том, что выполняется государством схематично, косно и по дешевке».

Публикации Януша Корчака в киевской прессе обнаружить не удалось — возможно, их и не было (офицер мог печататься только с дозволения начальства), но имя Януша Корчака встречается. Амелия Грабовска, разбирая в «Пшеглэнде науковом и педагогичном» новую польскую литературу для детей, с некоторым удивлением отмечала, что эта литература — не «детская» в прежнем, привычном смысле, а обращена к ребенку и взрослому одновременно. Некоторые будто бы детские книги, замечает Грабовска, «покажутся нам смягченным и приукрашенным продолжением какой-то новой для нас сущности, как «Йоськи, Моськи и Срули» Корчака». Здесь правильно уловлено то, что впоследствии будет названо утопизмом Корчака. Но важно, что в свою киевскую пору Корчак уже пользуется известностью — пока, правда, только в качестве писателя, а не педагога.

Знают его и русские читатели. Еще в 1909 году в Москве вышла в русском переводе его драма «Слепота», а перед самой мировой войной киевляне могли приобрести в книжном магазине Лаплицкого на Фундуклевской улице книжку рассказов Януша Корчака, изданную в серии «Дешевая юмористическая библиотека «Сатирикона». В этом случае что-то есть: склонность юмористов к задумчивой грусти замечена давно. Юмор у Корчака был, но уж больно грустный. Русский перевод другой его вещи — повести «Слава» — был опубликован в 1915-м и переиздан в 1918 году. Еще в 1908 году журналистик «Киевская искра» опубликовал несколько рассказов Януша Корчака, в том числе — «Домашняя прислуга» и «Безобидное существо».

Оказавшись в Киеве, грустный писатель в мундире военного врача попал в самое средоточие педагогических страстей. И если кратко сформулировать все рассуждения о новом типе педагога, все педагогические предложения и споры, наполнявшие польскую печать Киева, то они свелись бы к одному: нам нужен Корчак.

«Часто слышишь, что нет среди нас ни Чацких, ни Сташеков, ни Гофманов», — свидетельствовала Анна Грудзинска, называя имена выдающихся польских общественных деятелей, ученых и педагогов. Тадеуш Чацкий, например, был «визитатором» (чем-то вроде ревизора) учебных заведений Волынской, Подольской и Киевской губерний в начале XIX века, основателем знаменитой Кременецкой гимназии. Януш Корчак, несомненно, хорошо знал своего великого предшественника и цитировал его труды — именно речь Чацкого на открытии Кременецкой гимназии. «Нет ни Чацких, ни Сташеков, ни Гофманов!» — спрашивала журналистка и вызывающе заявляла: — А может, и есть!»

Януш Корчак в это время уже ходил по Киеву и работал над книгой «Как любить детей».

IV

На Большой Владимирской улице в доме под номером 47 располагалась частная польская гимназия для девочек. В гимназии директорствовала (по сути — была хозяйкой) Вацлава Перетяткович. Почему именно сюда, к ней, направился Януш Корчак, получив в своем госпитале трехдневный отпуск? Ведь его интересовало «дитя улицы», а не «дитя гостиной». Скорей всего выбор был достаточно случаен. Корчак, надо полагать, просто вошел в первое же попавшееся ему на глаза польское учебное заведение в центре города. Дочь Вацлавы Перетяткович Янина (в ту пору — двадцатипятилетняя студентка) через много лет, уже после второй мировой войны, вспоминала:

«Могу сказать с уверенностью, что когда Корчак появился впервые в Киеве на Рождество 1915 года, он говорил о Доме Сирот на Крохмальной... Для меня очевидно, что именно грусть о делах Дома Сирот привела его в Киев, поскольку поехать в Варшаву он в ту пору не мог.

Эти три дня праздника Рождества 1915 года были первым отпуском Корчака со службы военного врача на галицийском фронте. Корчак выбрал Киев, конечно, потому, что в шестисоттысячном тогда городе поляки составляли весьма ощутимую группу, создали свои учреждения и общественно-культурные объединения. Но Корчак никого лично в Киеве не знал и не имел ни одного рекомендательного письма. В первый же день Рождества, прямо с поезда, он пришел к моей матери... Ему было необходимо познакомиться с кем-нибудь из педагогической среды, кто сообщил бы ему об интернатах, близких по устройству к его любимому Дому Сирот на Крохмальной. Мне довелось присутствовать при этом первом разговоре и даже сообщить Корчаку, где он найдет ближайшее место для наблюдений, хотя бы и кратковременных...

Звонок. Мать открывает дверь в прихожую и отпирает входную дверь. Невысо-

кий, слабого сложения рыжеватый блондин в военном мундире (шинель слишком длинная), слегка сутулящийся. Представляется: доктор Хенрик Гольдшмидт — Януш Корчак. Слышу радостное приветствие матери, и оба входят в кабинет. Он поясняет, откуда взялся, зачем и для чего, собственно, пришел сюда, к нам. Он задает вопросы, которые по отношению к достаточно многолюдной гимназии и не слишком обширному интернату (около тридцати девочек) звучат довольно грутескно. Например: «Как пани поступает в случае выявления кражи». Ученицы моей матери — это были преимущественно «хорошо воспитанные девицы» из долов известного уровня культуры — польской культуры и притом приличного по крайней мере достатка. Пролетарских детей в школе пани Перетяткович вообще не было, и всего несколько человек пользовались освобождением от платы. Корчак быстро понял, что в деле воспитания эта школа имеет другие трудности и способы их преодоления, чем Дом Сирот на Крохмальной. Судьба, однако, судила, чтобы ему за этот визит воздалось...

Еще до того, как Корчак появился у нас, я знала о пани Марине Фальской и о Воспитательном доме для мальчиков на Богоутовской улице. Туда мы и направились Корчака. Сразу от нас поехал туда и провел там все три дня своего пребывания в Киеве. Дом на Богоутовской улице принадлежал Польскому Комитету помощи жертвам войны и помещался в обширной усадьбе, снятой для этой цели на высоком берегу Днепра.

Когда Корчак приехал на Богоутовскую, он сразу столкнулся с трудным случаем. Тринадцатичетырнадцатилетний мальчик был заподозрен в краже часов. Руководитель Секции опеки над детьми требовал выдворения подростка из интерната. После проинициального следствия Корчак доказал обоснованность подозрений и спас мальчика...

На протяжении этих трех дней Корчак сумел сделать много другого для Воспитательного дома на Богоутовской и для пани Марины: организовал детское самоуправление с законодательными и судебными функциями, начал издавать «Газетку» — орган общественного мнения воспитанников. «Газетка» во все время своего существования издавалась в одном экземпляре и была рукописной. Вступительная статья принадлежала перу Корчака (была переписана его благородным почерком). Дружба и сотрудничество с пани Мариной так же, как и участие Корчака в «Газетке», не прерывались его отъездом на фронт...

Из Киева Корчак возвратился в свой фронтовой госпиталь, но сведения о последующих его двух годах, проведенных в киевских окрестностях, скупей, чем о трех киевских днях. Разве что вот только между строк книги «Как любить детей» он вписывает — как бы на полях, между прочим: «Я писал эту книгу в полемном госпитале под грохот пушек, во время войны; одной терпимости было мало». Что же нужно, когда одной терпимости мало? Нужны любовь и вдохновение. «Как любить детей» — вдохновенная книга, продиктованная любовью. Впоследствии он с грустью вспоминал о тогдашнем вдохно-

вени, сожалея, что уже не может писать ежедневно — подобно тому, «как во время войны «Как любить детей» — написано на кратковременных остановках. В Озерном даже Валента (денщик.— М.П.) взбунтовался. «Стоит ли на полчаса?» А потом в Киеве тоже непременно ежедневно».

Снова в Киев Корчак попадает только к лету 1917 года, а пока он, непрестанный наблюдатель и исследователь детского мира, болезненно переживает свою оторванность от детей. Корчак находит выход: «Я был ординатором полевого госпиталя. Во время затишья я взял к себе мальчика из приюта; он хотел учиться ремеслу, а при госпитале была столярная мастерская. Я провел с ним только две недели: я заболел и уехал, мальчик еще какое-то время там находился, потом начались походы, и денщик вернул его в приют». Записи наблюдений над этим мальчиком составили четвертую часть книги «Воспитательные моменты», названную его именем — «Стефан».

Тем временем в Киеве польская Секция опеки над детьми провела выставку работ воспитанников киевских детских домов. Газетные отчеты о выставке называют многие детские дома, но решительно выделяют воспитательный дом на Богоутовской улице, где работали друзья Януша Корчака — Марина Фальска и ее коллеги. Поражает смысловое сходство, а порой и текстуальные совпадения этих отчетов с книгой Корчака «Как любить детей», так что хочется спросить: что в киевском Воспитательном доме от Корчака и что у Корчака от Киева?

Педагогический стиль Корчака узнается в вызвавшей всеобщий интерес системе дежурств: «Дежурства продолжают месяца и разнообразие их достаточно. Месячное дежурство дает возможность достичь умения в определенном деле... Добродетельность в выборе дежурства имеет еще большее значение и много дает для возбуждения чувства ответственности. Дежурства, охватывающие весь объем жизни заведения, связывают воспитанников в одно целое, учат совместно жить, совместно работать, сплачивают детей...»

В прессе восторженно обсуждалась «Газетка» Воспитательного дома на Богоутовской — прямое, как мы помним, детище Корчака. Затяжная им во время кратковременного наезда в Киев, она продолжалась и в его отсутствие (хотя, возможно, при его участии). С помощью «Газетки» Корчак внес в детское воспитательное заведение дух демократической гласности. Обсуждая «Газетку», киевская польская пресса дает материал о деятельности Корчака в Киеве — пусть косвенный, но вполне объективный:

«Как относятся дети к «Газетке»? Они воспринимают ее как нечто безличное, стоящее над ними и над воспитателями. «Зачем ты так поступил?» — спросили одного мальчика. «Я не могу этого сказать. Я в «Газетку» напишу...» А надо знать, что «Газетка» читается вслух для всех. «Газетка» пользуется уважением за справедливость, поскольку и о воспитательнице, которая ее редактирует, часто встречаем в «Газетке» критические замечания... Дети считают «Газетку» необходимой и достаточной...»

Каждой своей строчкой это место статьи переключается с книгой Корчака «Как любить детей», в особенности с разделом «Газета» из четвертой части книги («Дом Сирот»). Два ли журналистам, писавшим о «Газетке», приходило в голову, что они, по сути, пропагандируют идеи еще неизвестного им Януша Корчака...

Для разрастающейся сети детских учреждений не хватало врачей, и Земский союз предпринимал усилия, чтобы разыскать и заполучить в свое распоряжение врачей-поляков. «Когда полк Корчака пришел под Киев, до ушей членов тамошней польской колонии дошли слухи о существовании и жизненном поведении одного странного доктора из Варшавы, Хенрика Гольдшмидта, — фантаста, оригинала и к тому же писателя. Управитель Всероссийского Земского Союза, культурный поляк с окраин, Станислав Подвысоцкий читал к тому времени «Кожалки-опалки» и «Дитя гостиной». Он, однако, не допускал мысли, что вот этот доктор Гольдшмидт, которого он решил перевести с фронтовой службы в город, окажется при ближайшем столкновении варшавянином и к тому же Янушем Корчаком. Разговор, начатый официально через широту письменного стола и даже порусски, сразу свернул на собственные колени, прояснился улыбкой, завершился дружеским рукопожатием».

Так летом 1917 года Корчак вновь оказался в Киеве. Он снял комнатку в подвальном помещении на Институтской улице. Комнатка была скверная, но Корчак, смолodu приучивший себя к неприхотливости, едва ли замечал бытовые неудобства. Здесь, на Институтской, он, вдохновенный и великодушный законодатель, издавал «Кодекс товарищеского суда» — тот самый, что каждый своей строчкой провозглашал справедливость и милосердие. Здесь же, по-видимому, он работал и над «Интернатом» — второй главой книги «Как любить детей».

Человечество в своем развитии, полагал Корчак, открывало одно несправедливое неравенство за другим и стремилось их преодолеть: социальное неравенство классов, неравенство господствующих и угнетенных наций, неравенство мужчины и женщины в семье и обществе. Пришло время осознать и преодолеть неравенство взрослых и детей, научиться читать в ребенке — человека. «Я зываю о Magna Carta Liber tatis (Великой Хартии Вольностей), о правах ребенка!» На фоне поднимавшейся социальной революции Корчак проводил свою — возрастную, детскую.

Теперь у него появилось новое поле для наблюдений и штудий. В 1916 году Вацлава Перетяткович со своими родственниками и единомышленниками открыла при гимназии детский сад. В основу нового детского учреждения была положена система швейцарского педагога Марии Монтессори. Корчак принял предложение занять место педагога-наблюдателя в этом детском саду и в течение нескольких недель ежедневно вел там свои психологические стенограммы.

Можно не только в общем виде утверждать киевские истоки книг Корчака «Как любить детей» и «Воспитательные моменты», но и конкретно показать, к каким

киевским адресам относятся те или иные страницы этих книг. Раздел «Хельця» из третьей части «Воспитательных моментов» обязан своим происхождением дому номер 47 по Владимирской улице: «Поле наблюдения — детский сад. Просторная комната — в углу рояль. Вдоль стен — плетеные креслица и столики на одного. Посредине комнаты шесть столиков, возле каждого четыре креслица. Около входа — шкаф с играми и приборами Монтессори. Персонажи наблюдения: Хельця — трех с половиной лет, Юрек и Крыся — тоже трехлетки, Ханечка — пяти лет, Нина — шести. Время наблюдения — с двух до трех часов». В этом интерьере, за этим занятием мы и должны представить себе Корчака в начале лета революционного года.

«Киев. Хаос — так впоследствии обрисовал Корчак последний период своего пребывания в Киеве. — Вчера большевики — сегодня украинцы — приближаются немцы — еще и царская Россия. В то время, помню, был врачом в трех приютах под Киевом. Уже вокруг все дышало сдерживаемым преступлением. Какой циничной кажется мне сейчас моя тогдашняя забота, чтобы: план, порядок, чувство, люди, хоть малость здравого смысла, отблеск доброй воли — для охраны ребенка».

О работе Корчака в трех украинских приютах известно немного: он столкнулся там с такой запущенностью, что все его попытки наладить дело оказались тщетными, и он вынужден был уйти.

Когда появилась возможность вернуться на родину, вдруг оказалось, что Корчак, все время тосковавший о Варшаве и даже над порцией рубцов в каком-то киевском кафе со слезами вспоминавший варшавские «фляки», не торопится. Почему же Вы не хлопчете о возвращении? — спрашивали его, и он объяснял, что опасается: столь многое в жизни ему не удавалось... Но весной 1918 года удалось, и после трехлетнего отсутствия он вернулся домой — в Дом Сирот. Он увозил с собой почти законченную в Киеве работу «Как любить детей»...

Человеческая боль отстаивается словом; и на обильно политой кровью земле вырастает замечательная антивоенная литература о войне. Художники выбирали местом действия киевскую землю, потому что она стала выразительной, самой историей приуготовленной моделью военной эпохи.

Но чем объяснить, что здесь же, на земле Киева, почти одновременно — в революционные годы — возникает несколько произведений мировой литературы высочайшего класса? Произведениями, связанными с Киевом не темой, а другими, трудно определимыми, но несомненными связями? Здесь, в Киеве, начал великий чешский роман Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка». Здесь в то же время написана и поздней осенью 1917 года издана великая русская книга «Народ на войне» Софии Федорченко. Здесь же и тогда же возникает великий польский трактат «Как любить детей» (вместе с «Воспитательными моментами») Януша Корчака. Есть над чем задуматься.

Г. Киев

для детей

Билет в зрительный зал

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЮНОГО ЗРИТЕЛЯ.— М.: Педагогика, 1989.— 416 страниц с иллюстрациями.

Кто-нибудь из школьников, кому адресована эта книга, наверное, удивится, прочитав ее название. Энциклопедические словари для юных астрономов и музыкантов, натуралистов и техников (более десяти разнообразных по тематике томов уже вышло в этой серии) — это кажется понятным и естественным. Ведь речь идет о вполне конкретных увлечениях человека. А тут — книга для зрителя. «Разве для того, чтобы им быть, нужны специальные знания? Купил билет, сел в кресло и смотри, слушай, наслаждайся. Вот и вся зрительская премудрость», — скажет иной юный театрал или завсегдатая кинотеатра (а теперь еще и видеосалона). И в чем-то он будет, наверное, прав. Мы приходим в свой первый зрительный зал еще в детстве. Но разве кто-нибудь нас учит быть зрителем — знающим, думающим, интеллигентным? Без умного наставника (будь то человек или книга) всякий тут развивается как может. А что порой получается из этого, не раз демонстрировали, например, сюжеты из «Ералаша». Вспомним хотя бы, как начинали заниматься артисты при душераздирающих звуках хрустящей фольги и треске орехов, доносящихся из зрительного зала во время детского спектакля. Это ведь тоже зрители. Пока еще начинающие. Сколько их, таких же мальчиков и дево-

чек, подрастает сейчас и начинает знакомство с театром, кино, цирком, эстрадой. Как было бы хорошо, если бы «Энциклопедический словарь юного зрителя» стал для них путеводителем в этом необычном, волшебном мире!

А мир этот огромен! В этом в который раз убеждаешься, перелистывая книгу. Более ста двадцати статей, расположенных в алфавитном порядке, вошли в нее. Изучая их, юный читатель сможет совершить путешествие из времен античного театра в зал стереоскопического кино наших дней, встретиться с героями итальянской комедии масок и куклами-артастами разных времен и народов. Книга дает возможность познакомиться с жизнью и творчеством выдающихся артистов, режиссеров, драматургов, музыкантов, без которых невозможно представить историю и сегодняшний день театра, кино, эстрады. Здесь соседствуют Уильям Шекспир и Аркадий Райкин, Жан Батист Мольер и Уолт Дисней, Константин Станиславский и Леонид Утесов.

Мир, в который ведет читателей книга, это мир с особым языком. «Если хочешь стать настоящим зрителем, познай его», — зовут авторы и помогают разобраться во множестве понятий и терминов. Чем отличается классицизм от экспрессионизма? А что такое, по-вашему, «инженю» и «фат»? А про план и ракурс в кино, про мизансцену в театре вы слышали? Конечно, в таком потоке информации можно сначала и захлебнуться. Но юного читателя обязательно выручит алфавитный указатель в конце книги.

Если продолжить сравнение «Энциклопедического словаря юного зрителя» с путеводителем, то надо обязательно сказать и о его, так сказать, профорентирующей роли. Увы, но для большинства наших мальчиков и девочек единственная достойная внимания фигура в искусстве — это артист. Да и об актерской профессии ребята знают очень мало. Потому, не задумываясь, и рвутся на сцену и в кино, околдованные яркостью нарядов и шумом популярности «звезд». Для таких полезными окажутся статьи об искусстве актера, о замечательных масте-

рах сцены и экрана, о театрально-художественных учебных заведениях. Узнают читатели и о людях других профессий театра, кино и телевидения — режиссерах, операторах, гримерах, осветителях, художниках. И даже о бутафорах! Оказывается, и в этих сферах не меньше, чем в актерском деле, ценятся и творческие способности и фантазия человека.

А для тех, кто уже сейчас примерно определился в своем увлечении театром или кино, наверняка ценной находкой окажутся статьи-подсказки, адресованные участникам драматических кружков, самодеятельных кино- и цирковых студий. Отличает их конкретность, жизненность советов: как снять любительский фильм, построить декорацию, подобрать грим и парик для участников спектакля, как выдрессировать, например, ворону и блеснуть с ней в цирковой программе. Наверное, заинтересуют эти подсказки и тех, кто в своей семье любит устраивать разные театральные действия, праздники.

А теперь о том, чего не хватило мне как читателю этой книги, на некоторое время представившему себя юным зрителем. Известны слова К. С. Станиславского о том, что театр начинается с вешалки. То есть уже с самого обычного, элементарного в нем. А вот это элементарное и осталось для меня тайной. Я получила театральные билеты в бельэтаж, но не знаю, где он находится и почему так называется. Я нашла свое место в ряду и увидела, как мужчина, мимо которого я шла, встал, пропуская меня. А должна ли так сделать я, помогая кому-то пройти? Мне понравился спектакль, но всегда ли уместно кричать актерам «бис» и «браво», выражая свое восхищение их игрой? К сожалению, эти и другие элементы зрительской грамотности, зрительского этикета не нашли отражения в статьях словаря. А может, это уже никому не нужно? А может, это нормально, когда ребята приходят в театр неопрятно одетые, бегают в антракте, расталкивая всех, и шумно едят во время действия? Не начинается ли большое бескультурье взрослых. бич нашего времени, с этих «невинных»

детских проказ и промахов, которые многие родители и педагоги склонны прощать ребятам?

Словом, хотелось бы, чтобы в словаре был раздел о зрительской культуре. А может, этому стоит посвятить и целую книжку. Авторы словаря правы: в одном томе невозможно обо всем рассказать, все объяснить. Потому и дается для любознательных большой список литературы дополнительной. Вместе с авторами надеюсь, что после знакомства со словарем ребятам захочется прочитать и эти книги.

Е. ТОЛИНА

Недавно выпущено

Кундузов В. ЧАСОВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА.— М.: Знание, 1990.— 48 страниц с иллюстрациями.

Наряду с кубиком Рубика существуют и часы Рубика — головоломка из девяти циферблатов. Это весьма занимательно, но человеку, выбирающему профессию, не помешает узнать о технологии производства современных часов, их ремонте и адресах учебных заведений.

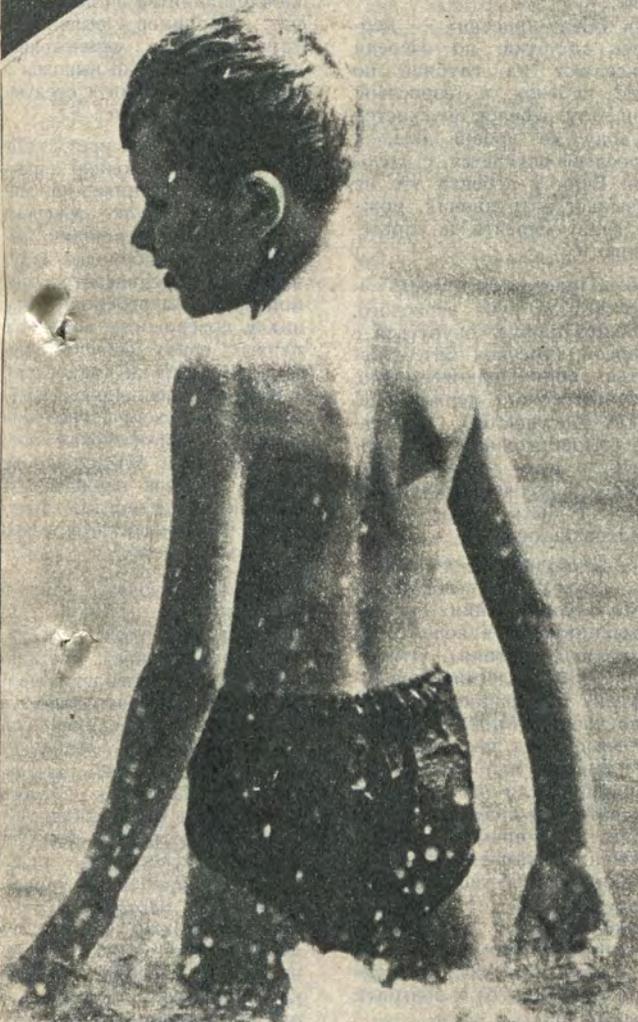
Михайленко Н. Я., Протокова Н. А. КАК ИГРАТЬ С РЕБЕНКОМ.— М.: Педагогика, 1990.— 160 страниц с иллюстрациями.

Из интервью малыша: «Они (взрослые) играть не умеют. Им некогда!» Из открытого признания родителя: «Нас никто не учил играть». Выручает опыт собственного детства, но не всегда, так что попробуем поучиться играть, используя в качестве учебного пособия выпущенную книгу и, разумеется, «примерив» все рекомендации к своему ребенку.

Соколов В. ФАУНА МИРА МЛЕКОПИТАЮЩИЕ: СПРАВОЧНИК.— М.: Агропромиздат, 1990.— 254 страницы с иллюстрациями.

Справочником открывается новое шеститомное энциклопедическое издание. Каждый найдет здесь что-то для себя: малыши — красочные фотографии, школьники — полезную для учебы информацию, специалисты в области охраны природы — справочные данные.

Алгобский
почерк

А. ГУДИНКЕЛЬ,
кандидат педагогических наук

КАК РЫБА В ВОДЕ

Родители, которые решили научить детей дошкольного и младшего школьного возраста плавать, в этой статье найдут набор упражнений для начального обучения плаванию и конкретные рекомендации по их применению. Чем меньше ребенок, тем больше он нуждается в помощи, тем больше упражнений будет проходить... на руках у папы.

Упражнения первой группы (рисунки 1—4) помогут ребенку освоиться в воде, ощутить некоторые свойства непривычной для него среды, научиться передвигаться в воде, преодолевая ее сопротивление и одновременно используя ее как опору.

Дети по-разному реагируют на воду. Многое зависит от возраста, общей двигательной активности ребенка, температуры воды и других факторов. Одни ребята с огромным удовольствием играют и плещутся в воде, для них упражнения «на освоение с водой» могут быть сокращены до минимума. Другие дети панически боятся воды. В этом случае период освоения удлинится, а применение упражнений потребует большей осторожности. Тогда на помощь может прийти игра — всевозможные догонялки, элементы танцев и подобные им упражнения, которые постепенно избавят ребенка от страха и позволят перейти наконец к обучению плаванию.

Следующий шаг — упражнения с погружением в воду (рисунки 5—9, трудность идет по возрастающей). Их следует вводить исподволь, без спешки, придерживаясь принципа «от простого к сложному»: от кратковременных погружений (со страховкой взрослого) до самостоятельных окунаний с открытыми глазами и выдохом в воду. И опять-таки: если один ребенок окунется с головой уже на первом занятии, то другой решится на это только после нескольких занятий.

Третий шаг — упражнения на всплытие. Никакие слова не способны убедить ребенка, что вода легко удерживает его тело на поверхности. Он должен это ощутить сам! Но для выполнения этих несложных упраж-

нений ребенку необходимо проявить большое мужество. Нужно помочь ему в этом, вначале подстраховывая, а потом наполнив эти занятия играми и забавами. Основные упражнения на всплытие представлены на рисунках 10—12: они могут варьироваться, упрощаться и усложняться в зависимости от конкретных обстоятельств. В любом случае нужно упражняться до тех пор, пока ребенок не научится все выполнять без видимых затруднений. Упражнения с выдохами в воду нужно повторять на всех этапах обучения вплоть до освоения техники спортивного плавания.

Четвертый шаг в обучении — упражнения в скольжении (рисунки 13—19). Это очень важно: если ребенок научится скользить, то он обязательно поплывет. Одним детям легче дается скольжение на спине, другим — на груди. В ходе обучения следует попробовать и то, и другое, а также скольжение на боку (на правом и левом). Что касается движений ногами в упражнениях на скольжение, то и здесь наблюдается некоторая природная предрасположенность. Для одних естественны попеременные движения вверх-вниз, для других — симметричные одновременные (по-лягушачьи), для третьих наиболее подходящим может оказаться «шагание» в положении на боку. Определив это, следует совершенствоваться на дальнейших занятиях. Естественная предрасположенность ускоряет процесс обучения и помогает выбрать наиболее приемлемый способ плавания.

Заключительный, пятый шаг в начальном обучении плаванию — это освоение техники работы рук в избранном способе и попытки проплыть рекордное расстояние в несколько метров. Основные упражнения этой группы представлены на рисунках 20—24.

Из каждой группы основных упражнений в процессе занятий следует выбирать наиболее доступные и интересные для ребенка и изучать их, постепенно усложняя и дополняя, объединяя изученные элементы в связки:

скольжение плюс работа ног, плюс гребки руками. Или погружение, погружение с открытыми глазами, погружение с выдохом в воду. Запаситесь терпением, не раздражайтесь, если упражнение не получается. Подумайте, как помочь ребенку, упростив его или видоизменив. Не упрекайте малыша: «Трусюшка», «Неуклюжий» и т. п. Настораживают ребенка и предупреждения: «Не бойся», «Это не страшно». Ещё хуже запугивать: «Не спеши — захлебнешься» и т. п. Урок лучше закончить на том упражнении, которое хорошо усвоено. Это создаст положительный настрой. Вообще нужно почаще подбадривать ребенка. Если ребенок выполнил, например, скольжение на спине, но при этом согнулся («сел в кресло»), можно сказать: «Хорошо, молодец, а теперь сделай так же, только выпрямись как дощечка». Это придаст ребенку уверенность. Занятия всегда должны доставлять ему радость. Никаких принуждений. Интерес и активность можно поддерживать по-разному: «Вот покажем маме (бабушке), чему мы научились...», «Научимся и будем с тобой плавать до самого буйка». Разговаривать с ребенком следует ласково, показывать упражнения многократно.

1. «Крабы», «раки», «караси» — боком, спиной вперед, бег, различная ходьба, догонялки, «азробика», элементы танца — все на глубине по пояс, чтобы освоиться в воде, снять страх перед ней.

2. В «Морской бой» можно играть только тогда, когда это нравится ребенку и позволяет температура воды и воздуха.

3. «Отними игрушки» — упражнение проводится вначале на глубине по пояс, затем по грудь. Папа прячет пластмассовую рыбку (кораблик) за спину, перекладывает из левой в правую руку. Чтобы завладеть ею, ребенок вынужден перемещаться, менять направление движения.

4. «Качели-карусели» — на руках у взрослого ребенок скользит по поверхности во-

ды вправо и влево. Можно повернуть его на спину (рисунок 4а) или на грудь (рисунок 4б). Руки вытянуты произвольно вдоль туловища, заведены за голову и так далее. Задача упражнения, кроме освоения с водой, — научиться удерживать тело на поверхности воды в горизонтальном положении. Движения должны быть широкими и плавными. Если на первых порах ребенок держится руками за папу, то затем может выполнять гребки «веслом» или «мельницей».

5. «Сели-присели» — держась за руки, по очереди приседают на глубине по пояс ребенок и взрослый. При этом ребенок опускается в воду до уровня рта, а взрослый окунается с головой. Если у ребенка это не вызывает затруднений, можно сразу перейти к упражнению 6.

6. «Присели-окунулись» — держась за руки взрослого, ребенок пробует окунуться с головой (рисунок 6а). Окунуться обоим одновременно, ребенка можно держать на руках (рисунок 6б). Окунуться самостоятельно, не держась за руки (рисунок 6в); взрослый должен находиться рядом и быть готовым подстраховать ребенка.

7. «Подводные считалочки» или «У кого улов больше?» — упражнения для открывания глаз в воде (если позволяют условия). Открытие глаз облегчает ориентировку и придает больше уверенности. Можно пользоваться очками для подводного плавания или маской для ныряния. Если ребенок умеет считать в пределах десятка, то папа при каждом погружении выставляет различное количество пальцев (рисунок 7а). Можно на мелком месте разбросать цветные камешки или элементы пластмассового конструктора (рисунок 7б) и поиграть в «рыбаков».

8. «Телеграмма» — упражнение, подводящее к выдоху в воду. Стоя в воде по грудь, ребенок наклоняется так, чтобы вода достигала нижней губы и, сложив губы трубочкой, дует как в блюдце

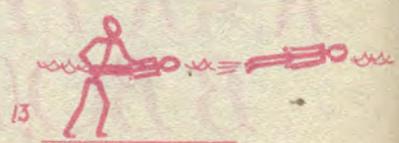
с чаем. Поднятые маленькие волны доносят «телеграмму» до стоящего вблизи взрослого. Можно и просто «пофыркать».

9. «Пускаем пузыри» — попытка сделать выдох в воду предпринимается вслед за восьмым упражнением. Следует после вдоха опустить лицо в воду и сильно выдохнуть. Затем то же, окунувшись с головой. Можно провести мини-соревнования: «У кого больше пузырей?». Повторяю: упражнения с выдохами в воду следует проделывать на каждом занятии по несколько раз. Например, выполнили упражнение в скольжении, сделали несколько выходов в воду и приступили к следующему упражнению.

10. «На буксире» — для обучения скольжению в различных положениях: на спине и на груди (рисунки 10а, 10б). Удерживая ребенка за подбородок-щеки, взрослый передвигается спиной вперед, а ребенок скользит у поверхности воды. На первых порах ребенок держится за руки взрослого, а затем сопровождает скольжение на буксире, гребками рук у бедра помогая «лошадке». При буксировке на груди, ребенок держится за пояс папы, а ногами пытается выполнять движения вверх-вниз.

11. «Поплавок» — войти в воду по пояс, сделать глубокий вдох, присесть, сгруппироваться (спина «углая, руки обхватили колени, подбородок опущен на грудь) и всплыть, удерживаясь на плаву, пока не возникнет потребность сделать выдох. Для выполнения этого упражнения от ребенка требуется смелость. Следует вместе рассмотреть рисунок 11, попробовать упражнение на берегу. Первые попытки можно сделать на мелком месте, помогая ребенку принять форму «поплавка». Ощущение родительских рук придаст ему уверенность. Ребенок убедится в том, что вода способна удержать тело на поверхности.

12. «Медуза» (рисунок 12). — из положения «поплавок» руки и ноги без напряжения свободно опу-

скаются и разводятся в стороны, спина круглая, голова опущена; лицо в воде.

13. «Арбалет» — помогаю одной рукой ребенку удерживаться в горизонтальном положении у поверхности, второй рукой взрослый подталкивает малыша в ступни ног, заставляя его скользить (рисунок 13). Наиболее доступный вариант упражнения — скольжение на спине: руки вдоль туловища, подбородок взят на грудь. Усложняется упражнение сменой положения рук: попеременно вытянута правая и левая, обе одновременно, скольжение на груди, скольжение на боку. Следует стараться скользить как можно дольше.

14. «Стрела» — самостоятельное скольжение из положения приседа, руки вытянуты и соединены (рисунок 14). Расстояние от места толчка до финиша — родительских рук — постепенно увеличивается. Как и предыдущее, это упражнение усложняется различными положениями рук. Скользить на спине сложнее, чем на груди. Упражнения 13 и 14 требуют многократного повторения, так как являются ключевыми в овладении техникой плавания.

15. «Фонтанчик» — взрослый в положении лежа на спине удерживает ребенка руками за плечи (рисунок 15) и выполняет ногами попеременные движения вверх-вниз мягко ритмично; стопа, завершая движение вверх, вспенивает воду — «фонтанчик». В идеале движение подобно движению рыбьего хвоста при плавании. Если на первых порах ребенок приходится поддерживать под мышки или за плечи, то по мере освоения, можно поддерживать за голову, за руки.

16. «Катер» — упражнение напоминает предыдущее, но выполняется в положении лежа на груди (рисунок 16). На первых порах ребенок поддерживает за талию, потом за плечи, за руки. Ноги должны двигаться вверх-вниз мягко, почти не сгибаясь в коленях. Стопы не шлепают по воде, а только вспенивают ее.

17. «Колесный пароход» — это по существу попытка плавания на спине: ноги выполняют движения вверх-вниз, руки — короткие гребковые движения у бедра (на последующих этапах целесообразно попытаться выполнить длинные попеременные гребки руками, пронося их по воздуху). Облегчается выполнение задания тем, что «пароход» буксируется взрослым, который поддерживает ребенка двумя руками за голову. Следует следить, чтобы у пловца не провалился таз («не садился в кресло»), он должен лежать на воде достаточно высоко (рисунок 17).

18. «Плавучий кран» — попытка плавания на груди без выноса рук. Папа передвигается по дну, транспортируя малыша, который стремится выполнять ногами движения вверх-вниз, а руками — попеременные гребки под водой, как при ползании. Темп продвижения должен позволять ребенку контролировать движения (поддерживать лучше за талию) (рисунок 18). Движения руками и ногами предварительно изучают на берегу.

19. «Лягушонок» — при буксировке на груди (за плечи, затем за руки) ребенок стремится выполнить симметричные движения ногами, напоминающие движения лап лягушки при плавании. Эти движения будут эффективны, если пятки подтягивать ближе к поверхности воды, а стопы разворачивать носками наружу. Подтягивание ног производится медленно, на счет «и-и-раз», а выпрямление быстрее — на счет «два» (рисунок 19). Эти движения тоже следует вначале изучить на берегу. Осваивать работу ног при плавании стилем брасс можно только в том случае, если у ребенка обнаруживается естественная предрасположенность к ним.

20. «Везу мяч» — плавание при работе ногами с мячом или надувной игрушкой в вытянутых руках. Ребенку представляется выбор в движении ногами: попеременно, как в способе кроль, или

одновременно, как при плавании брассом (рисунок 20). Упражнение следует повторять по несколько раз на каждом занятии, постепенно увеличивая дистанцию.

21. «Нырлящик» или «Ракета» — ребенок, вытянувши руки и выпрямившись (голова между руками), скользит из папиных рук в глубину (рисунок 21). По мере тренировок возрастает высота, с которой стартует «ракета». Упражнение помогает освоиться в воде и научиться скользить. Но выполнять его следует только тогда, когда появилась уверенность, что ребенок не боится воды и контролирует свои движения под водой.

22. «Синхронное плавание» — папа плывет брассом, а ребенок, держась за его плечи, выполняет плавательные движения ногами (рисунок 22). Упражнение, как правило, очень нравится детям, но его можно рекомендовать лишь в том случае, если взрослый уверенно держится на воде.

23. «Мы шагаем и гребем» — взрослый держит руки малыша за кисти или запястья, передвигаясь по дну в наклоне. Они вместе выполняют гребок руками в соответствии с избранным способом плавания (рисунок 23). Папина помощь позволяет ребенку усвоить правильное направление и распределение усилий во время гребка. При этом можно скандировать название упражнения или другую фразу: «Гребем назад — плывем вперед». Это и весело, и полезно.

24. «Я сам» — попытка проплыть самостоятельно любым удобным для ребенка способом должна поощряться на всех этапах обучения. Освоив работу ног и рук (рисунок 24), ребенок начинает пытаться плавать кролем без выноса рук («по-собачьи») или на спине («по-лягушачьи»). Длину проплываемой самостоятельно дистанции следует постепенно увеличивать, подбадривая ребенка, соревнуясь с ним («кто дальше?») или проводя заплыв на установление «мирового рекорда».

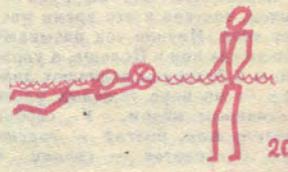
17

18

19

20

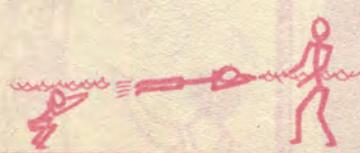
21

22

23

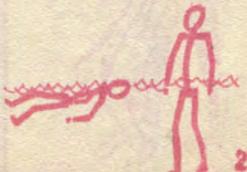
14

15

16

24

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

календари

Владыка тепла

(Что мы знаем об ИЮЛЕ)

В древнеримском календаре июль был пятым месяцем года и назывался соответственно *квintiлисом*. Однако в 44-м году до нашей эры он был переименован в *юлиус* в честь римского верховного понтифика Юлия Цезаря, родившегося в этом месяце. Созвучно этому называют его с тех пор многие народы мира.

По одной из легенд название первого месяца второго полугодия тесно связано с солнцеворотом, как производное от этого слова. И эта легенда имеет под собой реальную почву, так как две тысячи лет тому назад летнее солнцестояние приходилось именно на июль. Недаром в народе говорят, что июль — середина года и сердце лета, его макушка, вершина, перелом, экватор, вершинное лето.

Первое его имя на Руси — *липец*, так как в это время цветет липа. Именно так называют его до сих пор в Польше, а украинцы и белорусы величают *липом* — по поре тяжелых ульев с липовым мёдом. У сербов июль — *жар*, болгар — *горешник*, у хорватов — *српани* и *серпан*.

У чехов и словаков июль — *сечень* или *червенец* (*червень*), что означает «красный месяц». Червцом называли его и в Древней Руси. Эти названия происходят от поры сбора червца, используемого для изготовления красной краски. Червленый — значит тёмно-багряный, багровый.

Июль — краса лета, середка цвета, зелёное пиршество года, пора медовых трав, месяц душистых ягод, щедрый сладкоужка — так величают его в народе.

Кроме того, июль в народе называют *сенокосом* — по времени сгребания и складывания сена в стога, *жарником* — от самого знойного времени года, *сенокос(а)рником* — в ранние зори косят луга, *серпнем* — по зажинку хлеба, *прибрихой* и *сградником* — по времени проведения уборочной страды, месяцем ливневых дождей, *грозником* и *грозовиком* — из-за частых дождей и гроз. Он так же *косень* и *косач*, *сенокосник* и *сенокосец*, зелёная страда и бальовень внезапных и короточных дождей.

На июль приходится период полного лета, так как этот месяц находится на самой вершине го-

да, его маковке, как говорят в народе. Это самое тёплое время во всем северном полушарии. Что ни день, то новости — появились грибы, вызрели ягоды, достигли своего «потолка» развития травы. Пока они не осеменались, начинали сенокос. Снимали с грядки первые зелёные огурчики. Приспевает жатва. Травы в соку — лучший срок сбора целебных трав, последний период сбора лечебных корней. В огородах пололи гряды, окучивали картошку, дёртали корневище овощи, а кое-где сажали последнюю репу.

Интересно, что 26 июля грачи уже начинают собираться в первые осенние стаи. А день спустя можно наблюдать начало осенней раскраски листьев у деревьев. Первой примеряет осеннюю красу мелколистая липа. 28 июля наступают средние сроки уборки озимой ржи, а также

самые поздние сроки цветения пшпмы.

Согласно календарю садовода в июле заканчивают рост, формируют верхушечную почку. Рост ветвей в длину у старых деревьев обычно заканчивается ещё в июне. Сейчас же ствол и ветви этих деревьев растут только в толщину. Начинается одревеснение тех активных ростовых корней, которые образовались в начале лета. Созревают вишни, черешни.

В июле убирают цветную капусту, кольраби и раннюю белокочанную капусту. Высаживают цветную капусту второго срока использования, а свободные площади засевают зелеными культурами — салатом, шпинатом, укропом, луком на зелёное перо.

По календарю пчеловода продуктивный взятки за лето бывает несколько раз, а самый большой

из них называется главным. Его начало зависит от богатства медоносной растительности данной местности, состояния погоды, силы пчелиной семьи. Например, в центральных и южных районах Белоруссии главный взятки наступает обычно в первой половине июля, когда зацветают кипрей, липа и другие древесные и травянистые медоносы, а за ними — гречиха.

По календарю грибника в июле появляются первые волнушки, грузди и рыжики, идёт заготовка белых грибов и подосиновиков. А согласно календарю ягоdnика в июле наступает сезон сбора ягод. В первой половине месяца его открывает лесная земляника. Следом за ней поспевают черника и морошка, затем — малина, ежевика и голубика.

По календарю сбора лекарственных растений в июле собирают цветки василька и липы, траву зверобоя, трёхцветной фиалки, череды, чистотела и пустырника, листья крапивы и подорожника, наросты берёзового гриба (чаги).

Согласно календарю комнатного цветоводства в июле продолжают размножать черенками пеларгонию. Растения подкармливают минеральными удобрениями, поверхность листьев регулярно опрыскивают. Подкормку пальм производят не только минеральными удобрениями, но и настоем коровяка. В течение всего лета стеблевыми черенками можно размножать восковой плющ, Аспидистру, которую называют также и «дружная семейка», на лето желательнее выносить в сад или на балкон и регулярно опрыскивать.

По имениннику календарю в июле именинники:

1-го — Иоанн, Леонтий, 2-го — Гурий, 4-го — Иулиан, Черентий, 5-го — Галактион, Димитрий, Кирилл, 6-го — Алексей, Андрей, Борис, Василий, Всеволод, Георгий, Глеб, Даниил, Михаил, Мстислав, Прохор, Роман, Святослав, Сергей, Ефросинья, Мария, София, 7-го — Иаков, 8-го — Петр, Ефросинья, 9-го — Иоанн, Тихон, 11-го — Иоанн, Сергей, 12-го — Петр, 13-го — Андрей, Филипп, 14-го — Ангелина, 16-го — Анатолий, Марк, 17-го — Феодор, Евдокия, Марфа, 18-го — Василий, Сергей, 19-го — Валентин, 20-го — Ефросинья, 21-го — Константин, 22-го — Александр, 23-го — Даниил, Леонтий, 24-го — Елена, Ольга, 25-го — Арсений, 27-го — Владимир, 29-го — Алевтина, Марфа, 30-го — Маргарита, Маринна, 31-го — Иоанн.

Летите, голуби!

Год назад, в № 7 «Семьи и школы», мы впервые начали разговор о голубях. В том материале мы остановились в основном на строительстве голубятни. Сегодня мы поговорим о кормлении и разведении голубей.

Кормить голубей надо два раза в сутки: в 7-8 часов утра и в 15-17 часов, лучше всего — смесью кормов. Приводим несколько составов.

Смесь для высоколетных пород голубей и турманов (в процентах): вика — 40, горох — 15, ячмень — 15, бобы измельченные — 10, чечевица — 10, кукуруза — 5, просо — 2,5, конопля — 2,5.

Смесь для кормления мелких и средних голубей зимой: ячмень — 30, кукуруза мелкая или дробленая — 20, просо — 20, горох мелкий или дробленый — 20, пшеница — 10. **При гнездовании и линьке:** кукуруза мелкая или дробленая — 20, вика — 20, просо — 15, горох мелкий или дробленый — 15, ячмень — 30.

Смесь для крупных и мясных пород голубей зимой: ячмень — 60, горох — 15, вика — 25. **При гнездовании и линьке:** вика — 25, горох — 20, просо — 10, кукуруза — 20, пшеница — 15, ячмень — 10.

Сколько давать корма, ustanавливают опытным путем. Корм голуби должны съесть без остатка. Если они отошли от кормушки, а в ней остался корм, в следующий раз дают меньше. После кормления зоб птицы не должен быть набит туго, лучше, если он будет чуть-чуть мягким. От перекорма птицы становятся сонными и вялыми. При кормлении следите, чтобы взрослые птицы не отгоняли от кормушек молодых.

Кроме основной смеси, голуби должны получать минеральные корма, мелкие камушки (для растирания зерна в мускульном желудке — гастролиты), а также свежую питьевую воду. В воду для профилактики можно добавлять небольшое количество антибиотиков — биомитина, хлортетрациклина, но делать это крайне осторожно. Воду в поилке менять ежедневно.

В средней полосе голубей в спаривание пускают в конце марта или начале апреля, в южных районах на 2—3 недели раньше, на севере позднее. Для спаривания голубя с назначенной голубицей

голуби запирают на несколько дней в ящик. Если птицы сидят, плотно прижавшись друг к другу, значит, они прочно спарились. После этого голубь занимает в голубятне место для гнезда и заманивает туда голубку. Он строит гнездо из веток, травы, соломы, перьев. Все это надо заранее набросать на пол голубятни.

В кладке обычно бывает одно-два яйца. Насиживание яиц продолжается 18—19 дней. Дату кладки надо записывать, чтобы точно определить время выведения птенцов. На конце клюва у них имеется маленький желтоватый роговой нарост, предназна-

ченный для разбивания изнутри скорлупы при выклевывании. Молодой постепенно поворачивается в яйце, пока скорлупа не распадается. Пустые половинки скорлупы из гнезда следует выкинуть.

Птенцов выкармливают оба родителя. Сначала совершенно жидкой, а позднее более густой желтоватой кашкой, которую отрыгивают в клювы птенцов.

Иногда по какой-нибудь причине родители перестают кормить молодых. В таких случаях молодых подкладывают под кормилок. При разведении породистых голубей тоже прибегают к помощи кормилок. Здесь есть

свои секреты: если подложенные кормилкам молодые будут на несколько дней моложе собственных, вынутых из гнезда, то подкидыши будут получать неподходящий еще им, более грубый корм вместо необходимого жидкого питания и погибнут. Наоборот, если подложенные молодые на несколько дней старше вынутых, более жидкая пища им не повредит. Поэтому кормилки должны быть спарены на два дня позднее, чем пара, чьих детей они будут кормить.

Не следует подкладывать молодых, которые покрылись пеньками перьев настолько, что можно определить их будущий цвет. Не следует также подкладывать молодых, которые величиной меньше, чем собственные дети кормилок. Таких кормилки могут не принять. После того, как кормилки покормят подложенных молодых хотя бы один раз, подмен можно считать удавшимся. Не годятся в кормилки все голуби, имеющие большие перья на ногах, так как из-за них они часто роняют из гнезд яйца и молодых. Непригодны для этих целей и очень пугливые голуби. Хорошие кормилки получают из беспородных голубей.

В возрасте 7—10 дней на лапки молодых надевают кольца с указанием года рождения и номера по племенной книге. Последнее особенно важно при разведении породистых голубей.

В возрасте четырех недель молодые выходят из гнезда и учатся подбирать корм.

Не рекомендуется скрещивать очень молодых и очень старых голубей: получается очень слабое потомство. Не пригодны для разведения закормленные и сильно ожиревшие голуби. Лучше скрещивать птиц только одной породы, если скрещивать птиц разных пород, то получается растворение одной породы в другой. Начинающему голубеводу не следует гнаться за большим количеством голубей: трех-четыре пар достаточно.

Более подробные советы можно получить в клубах голубеводства, в журнале «Птицеводство», где есть постоянная рубрика для голубеводов.

В. СОБОЛЕВ

Литература
Ларионов В. Ф. Разведение голубей. М.: 1956. Рычин Ю. В. Голуби. М.: 1957. Ямов И. Д. Разведение голубей. М.: 1957. Деркач Н. С., Васильев Н. А. Голубеводство. М.: 1971. Рахманов А. И., Бессарабов Б. Ф. Голуби и профилактика их заболеваний. М.: 1987. Романов В. А., Разбеков О. К. Голубеводство. М.: 1987.

СЕМЕЙНЫЙ ДОСУГ

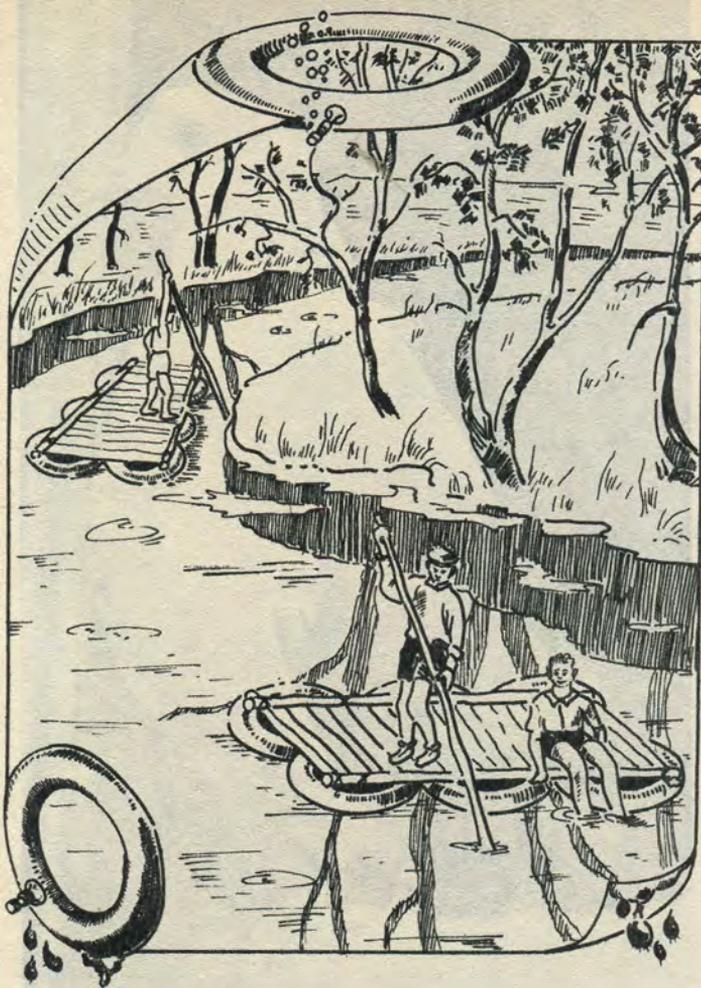
семейный туризм

Зовут, зовут семью речушки

— Не знаем прямо, куда в отпуск поехать! — часто можно услышать повсюду, в том числе от жителей небольших городов и поселков (особенно, как известно, обделяемых путевками). — На юг ехать — и дорого и народу там тьма тьмущая, путевку куда-нибудь на всю семью не достанешь; по Волге, на теплоходе, опять же...

— Да что вам Волга-то далась?! — попробуем помочь мы таким страждущим. — Ведь у вас буквально под боком замечательная, полная поэзии речка. Сплошная зелень по берегам, тишина, нарушаемая только музыкой птичьего пения, чистой водой, купание где хотите, а виды-то какие! Несудоходная речка ваша, говорите, узкая, мелкая? Так это даже хорошо. На лодках по ней не ходят? Подумаешь — лодки! А плоты-то на что? Надувные! На одном если, то всей семьей: папа, мама, малыш (или двое) и Жучка; на двух — две дружные семьи. Такие плоты специально для малых речек и родились в практике туристов. Хотите — неделю на таком плоту поплаваете, хотите — на две недели пойдете, но можно и за месяц. Можно — в один конец речку пройти и съездить на последней стоянке в своей «кухне» весь деревянный каркас, возвращаясь потом домой налегке. А можно речку и в оба конца пройти — от дому и до дому; обратно-то, против течения не менее интересно (а может, у вас это и будет началом).

Портативный непотопляемый надувной плот легко изготовить самим. Прежде всего нужны четыре автомобильных камеры одинакового размера или же шесть камер, если вес экипажа большой. Их легко достать; по технике безопасности клееная доска проколов камера служит весьма ограниченный срок, для плота с его малой статической нагрузкой отслужившие свой век камеры подойдут прекрасно.

Еще вам нужны для плота тонкие бруски, куски пяти или четырехслойной фанеры, шурупы, шнуры, автомобильный насос, ниппели и колпачки.

Размеры подгоняемых деревянных частей каркаса плота зависят от величины камер. Основной каркас будут три продольных бруска шириной в 20 мм и толщиной в 30—35 мм (для большего подъема палубы над водой). Их длина примерно на 1/6 больше трех надутых камер, поставленных в линию (т. е. на половину камеры). Их концы будут немного выступать и за камеры и за палубу, образуя ручки для переноса плота через препятствия, а также будут служить жесткими буферами, принимающими удары при причаливании. На продольных брусках покоятся 6 поперечных брусков такой же ширины и толщины,

по длине же — не больше ширины палубы (чтобы не было зацепов). Просверленные и резанованные поперечные бруски шурупами привинчивают на одинаковом расстоянии друг от друга и от краев будущей палубы к продольным. С другой стороны длинных брусков к ним шурупами, опять «за подлицо» приворачивают сегменты фанерной палубы из 3—4 поперечных полос. Со стороны поперечных брусков к ним привязывают сантиметровой хлопчатобумажной лентой надутые и связанные слабо между собой камеры (чтобы был небольшой люфт). В четырехкамерном плоту в середине между продольными и поперечными брусками делают вставки (из обрезков брусков) для предотвращения прогиба. На корме палубы устанавливается еще кнехт (привинчивается шурупом снизу),

пенёк, формой напоминающий песочные часы. — для крепления к берегу на причале или для соединения петель двух плотов.

Чтобы отталкиваться от дна вам нужны будут два-три шеста, а чтобы грести на глубине — столько же коротких лопаток-вёсел. Излишне говорить, что все деревянные части плота должны быть во избежание проколов и протертостей камер заструганы и прошкурены.

...К месту старта вы подвозите плот в разобранном виде. Монтируете его с утра у речки на ровном берегу. Сначала крепите шурупами палубу к продольным брускам. Потом, перевернув палубу к земле, к продольным брускам крепят поперечные, а к поперечным — накачанные и связанные камеры. Вновь перевернув конструкцию, под восторженные крики зрителей и гудки паромов на той реке, куда впадает ваша речушка, плот спускают на воду. На палубу быстро «забрасывают» снаряжение, грузят маму и Жучку, экипаж занимает свои места. Кормовой «матрос» шестом отталкивает плот от берега и ваш чудесный поход начался.

Первые часы плавания выявляют все новые положительные стороны путешествия на плоту. С медуями — из-за небольшой осадки и веса — экипаж справляется хорошо. Не остановит путешественников и сплошной завал стволов и ветвей: взяли плот за ручки и перенесли через завал. А небольшие завальчики бьются проче и разобрать. Плот очень устойчив, его даже нарочно на воде не перевернешь; дифферент — незначительный в любом случае, и палуба не заливается. Эластичные поплавки не боятся подводных коряг и глыб, они люфтят на лентях и удары гасятся. А если даже и случится, что пробьется одна камера, остальные все равно выдержат и людей и груз. Впрочем, как и на всех настоящих кораблях, на плоту у вас будут и спасательные круги (детские, надувные; они легкие, дешевые, не занимают много места и отлично держат и взрослого).

Уверенно идет ваш плот. Счастливого ему (и вам) плавания. Семь футов под килем! — как желают всем мореплавателям.

на реке, на озере

Тихая водная охота

«Не клюёт сегодня!» — огорченно говорят иной раз рыболовы, потратив несколько часов в погожий летний день впустую, поменяв много раз стоянки, глубину заброса, дальность закидки, перепробовав все принесенные с собой насадки.

Да, бывают у рыбы такие периоды, притом никак необъяснимые, когда она какое-то время (иногда ряд дней) не берет приманку, закидываемую по классическим рыболовным канонам. «Не клюет!» — и сматывает свои подчас мудреные и дорогие снасти, рыболовы уходят ни с чем.

Однако, смотришь, тут же неподалеку, сидя в кустах, какой-то мальчишка таскает себе из воды рыбок. В чем же дело? Приглядишься к его снасти. Удилище — из кривой орешины, вместо лески — нитка, крючок маленький, поплавком служит пробка от пузырька, а грузик... Грузика же вообще нет!

В отсутствии-то грузика и заключается секрет удачного лова мальчишки. Дело в том, что в достаточные теплые месяцы даже при отсутствии клёва со дна и в полводы всякая неценная «сорная» рыба и молодёжь хищника превосходно берет насекомых, упавших на воду. Значит, их и надо насаживать, но оставляя на поверхности! Поэтому-то грузик не нужен, он только утопит приманку.

И закидывать снасть надо отнюдь не «в нахлест» — так только рыба испугается, да и крючок будет, что-нибудь цеплять. Закидывай надо методом «маятника»: опускаете леску с крючком над водой при полупущенном удилище, чтобы крючок с насадкой спокойно лег на воду.

А куда закидывать снасть? Не куда попало, а где с берега видна рыба или где она предположительно должна «гулять». Можно с осторожностью, чтобы не зацепить, закидывать снасть и в заросли водных растений, но с самого края. Ловить будет на нашу снасть не

только мелочь (как пескарь или уклейка), но и рыбки сантиметров до 20-25 — плотва, красноперка, елец и даже молодой голавлик.

А какое насекомое сажать на крючок? Прежде всего идут на это мухи. Хорошо идут слепни. В июле лучше всего сажать мелкого кузнечика (убрав длинные лапки). В августе же лучшая насадка — полевая моль, маленькая бабочка-мотылек, в изобилии порхающая в теплый день по прибрежным полянам. В холодноватую погоду этот мотылек будет лишь там, где траву от северного ветерка защищают кусты. Ловить мотылька надо, конечно, не сачком, а двумя пальцами руки, осторожно подходить к нему, когда он, закинув свой урывчатый полет, садится на травинку. Брать его надо нежно, минимально повредив.

Начните лов, набрав предварительно десятка два насекомых, и держите их в коробочке. А слепней и искать не надо, они сами к вам пожелают, если коровы недалеко. Бояться их ничего, они же не тучей летают, а поодиночке. Только слепень на кожу вам сядет, только свой «шприц» выпустит, вы его — хлоп! и, упавшего, — прямо на крючок.

Рыба, разумеется, в одном месте без конца ловиться не будет. Две попадутся, три... а других всё же «впечатлит» постоянный улет куда-то в небо их подруг. И клёв временно прекратится. Вы не ждете тут, а подыскиваете другое место; новую опорную площадку, уже у других стаек. Но, меняя место, вам придется преодолеть всякого рода препятствия: тут — перелезть через корягу, там — забраться на свисающий над водой ствол, здесь — перепрыгнуть канавку или заливчик, а теперь вот — вскарабкаться на крутой осыпающийся бугор. У вас не только весья и весья хорошая ловля, но и целый каскад разнообразных гимнастических упражнений. Фактически у вас не рыбная ловля в общепринятом смысле, а тихая увлекательная охота на рыбу. И вы не одиноки тут: ведь именно охотой называют лов лосося на удочку, напряженный, с беганьем и прыганьем по скользким камням берега. А ваша охота будет тихая, уравновешенная, успокаивающая.

В процессе лова можно на мелких местах и окунуться — лову это не помешает. А при такой частой смене поз и положений очень хорошо и ровно ложится загар. Но не забывайте о двойных лучах солнца у воды — прямых и отраженных; предохраняйте голову и лицо легкой шляпой с полями или шапочкой с

kozyрьком. А в самый солнцепек лучше одеть легкие рубашку и брюки.

Лов с поверхности без грузика — быстрый лов. Он особенно хорош для людей нетерпеливых, любящих движения и разнообразие, которые не любят и не могут долго сидеть, уставившись в неподвижный поплавок, которым поскорее нужен хоть какой-то результат. Это относится равно и ко взрослым, и к детям. Касается это и мам. Ведь почему мы крайне редко видим женщину с удочкой у воды? Да потому что по складу своего характера она, если не спит отдыхая, должна постоянно заниматься какими-нибудь делами, притом обязательно, чтобы толк от них тут же видать. А в нашей охоте у неё сразу много толку получится: и рыба, и физкультура, и загар, и отличный способ похудеть. Так что в нашу охоту надо втягивать и мам.

Но бывает, что и «терпеливым» рыболовам нужно поскорее наловить мелочи — на наживку или для кошки. Уверен, и «терпеливые» окажутся довольны таким методом. А на рыбном стаде водоёма ваш лов практически не отразится, так как вы ловите главным образом ненужную для водоёма рыбу, неценные породы, а также лишние молодых хищников.

Что же касается кулинарной стороны дела, то многие гурманы предпочитают именно мелкую рыбку любой другой солидной рыбе. Жарьте рыбок без головы, а рыбку покрупнее делите на два пласта. Можно под конец жарения добавить сметаны...

Если вы еще не собрались на рыбалку, то почитайте Гоголя или Щедрина. Там описания таких блюд часто можно встретить. Освежив знакомство с классикой, вы, без сомнения, скоро окажетесь на берегу пруда или реки с удочкой. Счастливой охоты! М. КРУПНОВ — ДЕНИСОВ

игры на воде

Сыщик

Сыщик ищет похитителя драгоценного камня, а заодно и сам камень, который спрятан под водой в чьих-то руках. Высмотреть камень не очень сложно, поскольку он крупный — величиной с голову — а кроме того, он, будто живой, сам норовит выскочить из воды на общее обозрение, хотя бы потому, что в роли пропащей драгоценности используют мяч. Однако в воде не всегда ясно видно, да и укрыватели хитры.

Заметив разыскиваемую пропажу, сыщик бросается к ней, чтобы изловить укрывателя с полицим. Если сыщик обемни руками схватил укрывателя вместе с камнем, тот считается пойманным и за своё ремесло получает наказание в виде удара мячом с условленной дистанции. Наказанный выбывает на берег, а игра продолжается, для чего сыщик, как и в начале её, отворачивается от остальных игроков, которые затем быстро решают, кому из них укрыть предварительно камнем.

Следующий пойманный получает уже два удара мячом, третий — три, и так далее. Игра прекращается, когда пойман последний укрыватель, которого сыщик милует. Таким образом, в среде игроков существует желание оказаться пойманным в последнюю очередь.

И всё же взять укрывателя с полицим не легко: заметив, что вскоре будет схвачен, он пытается избавиться от улики и переправляет её под водой сообщнику, который, кстати, обязан не уклоняться от этой передачи. Когда она произведена неловко, и драгоценность, выпущенная из рук укрывателем, выскочила наружу и лежит на воде, сыщик объявляет виновным первого из двоих. Если укрыватель, передавая камень, успел коснуться им сообщника, а тот не подхватил, передача считается выполненной, и виновником, подлежащим наказанию, объявляется сообщник, которого и хватает сыщик. В случае спора между сообщниками его разрешает сыщик — в меру своих соображений о справедливости.

Проказливые укрыватели пытаются ввести в заблуждение сыщика тем, что держат ладони под водой или за спиной, делая вид, будто камень находится у них, вдобавок они не стоят на месте, а стараются запутать сыщика, всё время кружа вокруг него и якобы обмениваясь камнем.

Поэтому сыщику суждено немало побегать с целью найти настоящего укрывателя, а то и понырять — ведь камень допустимо прятать и в глубине: скажем, удерживать его там ногами или прижимать ко дну.

При очень большом числе играющих может быть двое сыщиков, а то и трое.

Ф. ГРОТ

ДОМАШНИМ ПИТОМЦАМ

Из кладовой лета

Для любителя природы лето — пора особая. В это время и лес, и речка, и даже городской газон наполняются жизнью, становятся настоящими лабораториями для пытливого человека. Удивительные встречи, загадки и открытия «подстерегают» внимательных и неравнодушных на каждом шагу. А кого-то ликующая летняя природа вдохновит на стихи и картины... Но праздник жизни — праздником. Постараемся не забыть и о том, что лето дает прекрасную воз-

можность «поработать» на обитателей наших домашних зоопарков. Не только угостить их чем-нибудь лакомым из зеленой столовой, но запастись многим необходимым для их жизни на будущее. Год впереди долгий, а теплые месяцы летят так быстро! Поэтому не будем терять время и для начала побываем

На речном берегу

Здесь можно набрать речной песок. Он понадобится тем, у кого дома живут птицы, хомячки, террариумные животные. Тщательно промойте или на огне прокалите песок. Он должен быть чистым и сухим. А еще поищите на берегу ракушки. Толченые, их можно использовать как минеральную добавку к меню птиц.

Идем через луг

Здесь так много свежей, душистой, красивой зелени! В летнюю пору ей особенно порадуются кролики, морские свинки, хомячки, степные черепахи. Для ткачиков соберите клевер, тимopheevку, подорожник. Для щегла — семена конского щавеля. Для большинства земноводных и ящериц на лугу с помощью

сачка можно наловить разных кузнечиков, мух и других насекомых (конечно, бабочек и обитателей Красной книги ловить не следует). Почти все террариумные животные питаются только движущейся пищей, поэтому насекомых надо скормить сразу же, живыми. Но можно сделать и хороший запас насекомых на зиму. Для этого содержимое сачка надо вытряхнуть в бутылку или банку и (как это ни ужасно) поместить в жаркую духовку. Затем окончательно высушите будущий корм на солнце, разложив на листе бумаги. Хранить насекомых (желательно целых, неповрежденных) надо обязательно в сухом месте. Перед кормлением останется лишь обварить их кипятком. Не только лягушки и жабы порадуются такой подкормке. Ценной она окажется и для многих насекомоядных птиц.

Всего этого года должен быть обязательной минеральной добавкой в пищу птиц.

Задержимся еще в лесу, чтобы сделать необходимые заготовки. Лесные орехи и желуди пригодятся для белок, крыс и мышей. Для белок же в конце лета — осенью соберите сосновые и еловые шишки с плотно прижатыми чешуйками. Это будет чудесное питание для зверьков. Храните шишки в прохладном месте. А еще шишки (уже в качестве игрушки) могут заинтересовать, например, волнистого попугайчика. Свежие лесные ягоды — лакомство для многих птиц и зверей. Но и в сухом виде они будут с удовольствием съедены вашими пернатыми — щеглами, снегирями и другими птицами. Поэтому наберитесь терпения, заготовьте побольше ягод рябины, можжевельника, брусники, черники, калины, черемухи, высушите их. Каждый вид корма храните в отдельной банке или коробке. Когда наступит пора угощать ягодами птиц, обварите корм кипятком.

В книгах о птицах вы, возможно, читали, что многие из них охотно поедают свежие и сухие муравьиные яйца. И всякий остановитесь перед искушением самостоятельно сделать такие заготовки. Из-за незнания и неопытности так легко разорить муравьиную кучу, жилище миллионов тружеников. А это огромный вред для леса. Выходя из него, аккуратно нарвите веточки осины, липы или других деревьев. Пернатые обитатели ваших домашних зоопарков будут рады погрызть свежую листву. Да и зимой ветки в птичьих жилищах нужны.

Дом уже рядом

Замелькала тропинка между полями. Слева шуршат, словно шепчутся, метелки овса. Справа, как тысячи солнц, горят отяжелевшие соцветия подсолнухов.

А впереди уже замаячило пшеничное море. Зернового корма для птиц и грызунов, кажется, хоть отбавляй. Но приобретать его лучше все-таки в зоомагазинах (просо, льняное семя, канареечное семя). Самостоятельно же можно заготовить, например, головки и семена репейника (лопуха), семена чертополоха, ольхи, березы. Это будет хорошим угощением для щегла. А если не побоятся крапивы, то и в ее жгучих зарослях сможете пополнить запасы витаминных кормов для птиц. Семена жгучей крапивы входят в состав смеси для снегирей. А ткачики (да и другие птички) по достоинству оценят листья этого растения. Измельчив, их хорошо добавлять к основному корму (поддерживается сочная окраска оперения). Высушенные листья крапивы можно использовать так же.

...Наполнились питательными запасами банки, коробки, пакеты. До следующего лета заготовленные корма будут помогать вашим четвероногим и пернатым любимцам расти здоровыми и красивыми. Но стол некоторых из них еще больше «выиграет», если в вашем доме заработает

Своя ферма

Для многих обитателей террариума и аквариума, для ежа живой земляной червяк — любимое блюдо. С осени накопайте небольших по размеру червей. Поместите их в ящик с хорошей землей. Кормом для червей могут стать обрезки разных овощей или мука, посыпанная небольшими порциями на поверхность земли. Если же землю предварительно просеять опавшими листьями, то подкормка червям будет и не нужна. Поставьте ящик в прохладное место, время от времени опрыскивайте землю водой. Наверное, такое тихое хозяйство никому не помешает в квартире. А чтобы червяк к кормлению животных всегда «был под рукой», положите на поверхность земли доску или кирпич. Под ними черви обязательно будут скапливаться. Останется только обмыть их водой и пожелать ящерице или тритону приятного аппетита.

Елена МИХАЙЛОВА

ниточка-иглолочка

Рубашки и шорты

Здравствуйте, редакция журнала «Семья и школа!» Я очень люблю ваш журнал. У вас очень хорошая рубрика «Ниточка-иглолочка». Я учусь в 9 классе, и очень люблю шить и вязать. Не могли бы вы дать в своем журнале выкройку летних шорт и блузки. Я думаю, что многие другие девочки моих лет тоже будут довольны, ведь выкройки на нас не печатают ни в одном журнале.

А ещё дайте, пожалуйста, описание какой-нибудь кофточки (летней) с коротким рукавом, с красивым ажурным рисунком, которую смогла бы связать на спицах любящая вязальщица. Заранее благодарна.

Оля
г. Новокуйбышевск

Нам приятно выполнить просьбу Оли из Новокуйбышевска (к сожалению, не подписавшейся) и «многих других девочек» её лет. Описание летней вязаной кофточки мы дадим в следующем номере журнала, а сейчас расскажем, как шить рубашку и шорты.

Шорты. Длина по боковому шву 43 см. По середине передних и задних половинок проходят декоративные швы. На поясе им соответствуют 4 шлевки.

Ткань для этой модели можно выбрать любую — джинсовую, льняную, «плащевку», вельвет, набивную или однотонную.

К шортам подойдет рубашка свободного покроя с большим карманом, втачанным в планку. Рукав цельнокроенный, полукруглый, нижние срезы обработаны косой бейкой.

Рубашку лучше шить из легкой хлопчатобумажной ткани.

Наша выкройка рассчитана на 44—46 размер. И мужская и женская модели шьются по одной выкройке, но женские шорты и рубашка застегиваются на левую сторону, а мужские — на правую.

Расход ткани на шорты 0,90 м при ширине 140 см, на блузку 0,70 м при ширине 140 см.

Раскрой.

Построить чертежи выкроек на бумаге. Вырезать их и разложить на ткани, совмещая указанное направление долевой нити с нитью основы ткани. Выкроить, учитывая припуски на швы: боковые, плечевые, средние

швы — 1,5 см; подгибка низа — 3-4 см; остальные швы 1 см.

Шитье. Шорты.

1. Боковые половинки переда А сложить с мешковинами карманов лицевыми сторонами, пристрочить. Припуски швов рассечь в нескольких местах, входы в карманы отстрочить в край.

2. Деталь А положить на деталь Б так, чтобы совпали контрольные знаки. Стачать мешковины и приметать их к внешнему срезу деталей.

3. Стачать внутреннюю и боковую детали передней и задней половинок шорт, приутюжить припуски в сторону среднего шва и отстрочить по лицевой стороне.

4. Стачать боковые и шаговые срезы.

5. Шлевки сложить пополам вдоль, чисто вытачать и отстрочить в край. Приметать их к верхнему краю шорт в местах, указанных метками.

6. Стачать передний средний шов между метками. По линии сгиба заутюжить цельнокроенные обтачки разреза на изнаночную сторону. Пристрочить одну тесьму молнии к припуску под разрез так, чтобы зубчики касались сгиба. Косыми стежками сметать разрез. Свободную тесьму молнии приметать к цельнокроенной обтачке другой стороны разреза, не захватывая переднюю половинку, пристрочить. Отстрочить эту переднюю половинку по размеченным линиям, притачивая обтачку с молнией.

7. Детали пояса пристрочить к верхнему краю шорт, оставив припуск под застежку свободно выступать за край припуска под разрез. Пояс сложить пополам и чисто вытачать передние концы и нижний срез припуска под застежку. Внутреннюю половинку пояса подвернуть пришить к шву притачивания и отстрочить в край по лицевой стороне.

8. Стачать средний шов до верхнего края пояса.

9. Свободный конец шлевки подвернуть дважды и пристрочить.

10. Припуск на подгибку низа подвернуть дважды и пристрочить.

11. На поясе выметать петлю и пришить пуговицу.

Блузка.

1. Стачать плечевые срезы. 2. Горловину чисто вытачать сложеной вдоль пополам косой бейкой и отстрочить в край.

3. Подвернуть верхний срез кармана на изнанку и отстрочить по лицевой стороне. Боковой и нижний срез сложить вместе лицевой стороной внутрь так, чтобы получился треугольник, и угол отстрочить перпендикулярно сгибу на расстоянии 1—1,5 см. Разложить карман и заутюжить припуски бокового и нижнего срезов на изнанку. Наколоть карман на перед блузки, совместив продольный срез выреза и необработанный срез кармана.

4. Планки для застежки при-

посыпьте сахарным песком (по вкусу). Подавайте блюдо охлажденным.

Модокко с малиновым сиропом
Смешайте в миксере 200 г молока и 1 столовую ложку малинового сиропа, затем вылейте в высокий бокал, наполненный наполовину мелко раздробленным льдом, положите туда соломинку и подавайте напиток.

Приведем также рецепты некоторых сборов, включающих малину и используемых при простудных заболеваниях.

Рецепт № 1

Малина, плоды 20,0
Душица, трава 10,0

Две столовые ложки смеси заваривать двумя стаканами кипящей воды, настаивать 30 минут, процедить через марлю и пить настой горячим по полстакана 3—4 раза в день как потогонное и отхаркивающее средство.

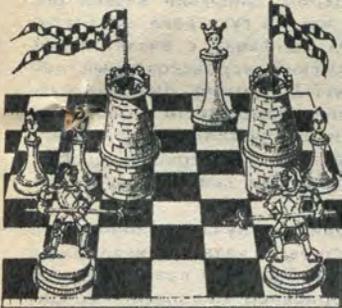
Рецепт № 2

Малина, плоды 10,0
Липа, цветы 10,0

Две столовые ложки смеси заваривать двумя стаканами кипящей воды, кипятить 5 минут, процедить через марлю. Пить отвар горячим по полстакана 3—4 раза в день как жаропонижающее и противовоспалительное средство при простуде и гриппе.

А. СИНЯКОВ,
кандидат медицинских наук

шахматный лекторий

Шахматные миниатюры

На этом занятии мы разберем короткие партии, которые обычно называют миниатюрами. В быстротечных поединках, заканчивающихся эффектной победой одного из партнеров, борьба, накал страстей необычайно концентрированы, что придает каждому ходу особую ценность. События развиваются стремительно, а комбинации получаются яркими и запоминающимися.

Какую партию считать миниатюрой, сколько ходов может быть сделано в ней? На этот вопрос нет однозначного ответа. Партия-миниатюра должна закончиться не позднее 25-го хода. В коротких партиях, как правило, за допущенную неточность комбинационным путем наказываются противник.

Посмотрим миниатюру, сыгранную первым чемпионом мира Стейницем. Это одна из лучших партий, осуществленная в ней комбинация украшает многие издания и входит в золотой фонд шахматного искусства.

СТЕЙНИЦ — БАРДЕЛЕБЕН

Гастингс, 1895 г.
Итальянская партия

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Cc5 4. c3 Kf6 5. d4 ed 6. cd Cb4+ 7. Kc3 d5 8. ed K:d5 9. 0—0 Cc6 10. Cg5 Ce7 11. C:d5 C:d5 12. K:d5 Ф:d5 13. C:e7 K:e7. Теперь черным осталось увести короля в безопасное место, но решить эту задачу до конца они не смогли. 14. Le1 f6 15. Фe2 Фd7 16. Лaс1 e6 17. d5! Атака белых становится неотразимой. 17... cd 18. Kd4 Kp17 19. Ke6 Лhe8 20. Фg4 g6 21. Kg5+ Kpe8. Теперь следует одна из самых знаменитых комбинаций в истории шахмат. 22. Л:e7+! Kpf8 (Не годится 22... Kpe7 из-за 23. Le1+ Kpd6 24. Фb4+ Лc5 25. Ле6+). 23. Лf7+! Kpg8 24. Лg7+! Еще один блестящий ход. 24... Kph8 25. Л:h7+ черные сдались, так как форсировано получают эпольный мат: 25... Kpg8 26. Лg7+ Kph8 27. Фh4+ Kp:g7 28. Фh7+ Kpf8 29. Фh8+ Kpe7 30. Фg7+ Kpe8 31. Фg8+ Kpe7 32. Фf7+ Kpd8 33. Фf8+ Фe8 34. Kf7+ Kpd7 35. Фd6 мат.

Эта короткометражная миниатюра входит в число лучших партий второго чемпиона мира.

Э.М. ЛАСКЕР — В. ПИРЦ

Москва, 1935 г.

Сицилианская защита

1. e4 c5 2. Kf3 Kc6 3. d4 cd 4. K:d4 Kf6 5. Kc3 d6 6. Ce2 e6 7. 0—0 a6 8. Ce3 Фc7 9. f4 Ka5 10. f5 Kc4. Эту поспешность уже невозможно будет поправить. Ласкер эффективно использует отсталость черных фигур в развитии.

11. C:c4 Ф:c4 12. fe fe 13. Л:f6!! Жертва качества из разряда интуитивных. Вряд ли чемпион мира рассчитал все варианты до конца. 13... gf 14. Фh5 Kpd8 15. Фf7 Cd7 16. Ф:f6 Kpc7 17. Ф:h8 Ch6 18. K:e6+! Ф:e6 19. Ф:a8 C:e3 20. Kph1. Черные сдались.

Следующая партия — знаменитая сверхминиатюра, борьба в ней длилась всего 18 ходов.

В. УЛЬМАН — В. СМЫСЛОВ

Москва, 1956 г.

Новоиндийская защита

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kf3 b6 4. g3 Ca6 5. b3 d5 6. Cg2 Cb4+ 7. Kfd2 c5 8. dc C:c5 9. Cb2 0—0 10. 0—0 Kc6 11. Kc3 Лc8 12. cd ed 13. Ka4 Kd4! 14. Kc3 Фе7 15. Le1 Kc2! 16. Лf1 K:a1 17. Ф:a1 Лfd8 18. Cf3 Ca3. Белые сдались, справедливо решив, что дальнейшая борьба бесполезна.

А в этой замечательной миниатюре всю погоду сделали черные кони. Каждый из них совершил яркий, запоминающийся прыжок.

Р. БИРН — Р. ФИШЕР

Нью-Йорк, 1964 г.

Защита Грюнфельда

1. d4 Kf6 2. c4 g6 3. g3 c6 4. Cg2 d5 5. cd cd 6. Kc3 Cg7 7. e3 0—0 8. Kge2 Kc6 9. 0—0 b6 10. b3 Ca6 11. Ca3 Лfe8 12. Фd2 e5 13. de K:e5 14. Лfd1? Следовало побеспокоиться о своем короле и отправить на d1 другую ладью. 14... Kd3 15. Фc2 K:f2!! 16. Kp:f2 Kg4 17. Kpg1 K:e3 18. Фd2 K:g2!! 19. Kp:g2 d4! 20. K:d4 Cb7 21. Kpf1 Фd7! Белые сдались.

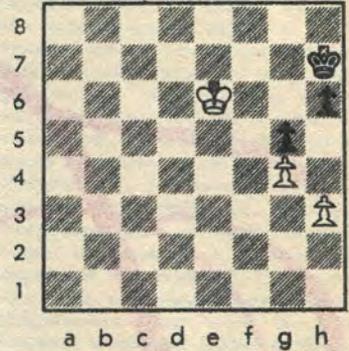
И закончим мы рекордной миниатюрой:

САНГЛА — КАРПОВ

Рига, 1968 г.

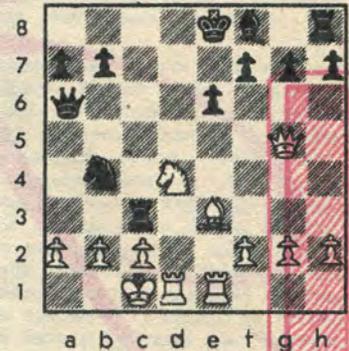
1. d4 Kf6 2. Kf3 e6 3. Cg5 c5 4. C3 cd 5. cd Фb6 6. Фb3 Ke4 7. Cf4 Kc6 8. e3 Cb4+ 9. Kbd2 g5 10. C:g5 C:d2+ 11. K:d2 Фa5. Белые сдались.

Задание 13

Позиция белых: Kр6, g4, h3.
Позиция черных: Kph7, g5, h6.
Белые выигрывают.

Задание 14

Позиция белых: Kpc1, Фg5, Лd1, Le1, Ce3, Kd4, a2, b2, c2, f2, g2, h2.
Позиция черных: Kpe8, Фa5, Лc3, Лh8, Cf8, Kb4, a7, b7, e6, f7, g7, h7.

Белые выигрывают.

Н. ЮНЕЕВА

В начале XV века Епифаний, монах Троице-Сергиева монастыря, писал в Тверь игумену тамошнего Спасо-Афанасиева монастыря Кириллу: «Когда я жил в Москве, там проживал и преславный мудрец, философ зело хитрый, Феофан, родом грек, книги изограф нерочитый и среди иконописцев отменней живописец, который собственною рукой расписал много церквей каменных — более сорока, какие имеются по городам: в Константинополе, и в Халкидоне, и в Галате, и в Каффе, и в Великом Новгороде, и в Нижнем. Но в Москве им расписаны три церкви: Благовещение святой Богородицы, св. Михаила и еще одна».

Этот Епифаний, монах, прозванный за свою ученость Премудрым, — замечательный агиограф, то есть составитель житий (им написаны жития Сергия Радонежского и Стефана Пермского), чудесный писатель, влюбленный в слово, мастер древнерусского «плетения словес» («Епифаний Премудрый, — говорил Алексей Ремизов, — из слов плел венки: слово ему цветы»). Именно благодаря ему о Феофане Греке мы знаем несколько больше, чем о других художниках Древней Руси. «Сей дивный и знаменитый муж, — писал Епифаний игумену Кириллу, — питал любовь к слову ничтожеуству; и я, ничтожный и неразумный, возымал большую смелость и часто ходил на беседу к нему, ибо любил с ним беседовать».

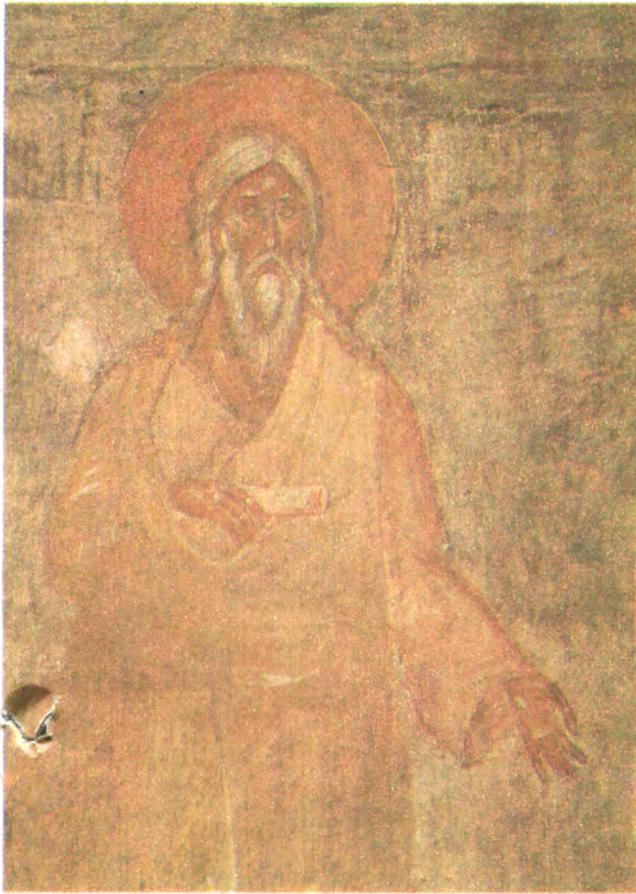
Сопоставив свидетельства Епифания с множеством разнообразных косвенных данных, ученые сегодня считают наиболее вероятным, что Феофан Грек родился, скорее всего, в конце тридцатых годов XIV века (1340 г.) в Константинополе либо неподалеку от него. Он вырос и воспитался в самом сердце Ромейского царства (так называли на Руси Византию); Византия же находилась в ту пору в глубоком упадке; империя была накануне гибели. С исторической точки зрения этот факт был определяющим в судьбе Феофана Грека. При первых же шагах на поприще иконописца он столкнулся (не мог не столкнуться) с перетрофией церковной догмы, углубился в дебри богословской премудрости, возможно, увлекательной для ума, но мало что говорящей сердцу верующего; повсюду ему напоминали о себе жесткая иерархия, мертвящий ритуал и то специфическое безумие, которым, как говорится, Бог поражает тех, кого решил покарать. Оговоримся: по характеру мысли, по мироощущению Феофан, разумеется, был и остался истым византийцем, более того — богословом византийской выучки (недаром Епифаний назвал его «философом зело хитрым»). И мы, по сути дела, не знаем, в чем именно заключался его конфликт с византийским укладом. Носил ли он политический, вероисповедный или творческий характер — как знать? Возможно, Феофан, чувствуя в себе мощные творческие возможности, просто задышался в стране с ослабевающим пульсом исторической жизни. Факт же остается фактом: примерно в начале семидесятых годов Феофан, пользуясь современным термином, эмигрировал из Византии.

В. Н. Лазарев, написавший одну из лучших монографий о Феофане Греке, считает: существовали какие-то, неизвестные нам, обстоятельства, позволившие Феофану возродить традицию эллинской свободы в церковной живописи, — традицию уже непонятную, а потому и нетерпимую в поздней Византии. «К великому счастью Феофана, — писал Лазарев, — его искусство было запоздалым цветком на иссохшей ниве византийской художественной культуры, таким же запоздалым, каким явились философия Джордано Бруно или гуманизм Шекспира по отношению к эпохе Возрождения. С аналогичными процессами неравномерного развития постоянно приходится сталкиваться в истории».

Конечно, пришлось ему выбирать: в какую из частей христианского мира направить свои стопы, где именно найти применение своему дару? Он мог бы (как поступали многие) уехать в Италию, где вольно и бурно развивалась Генуя (счастливым и благодатным край). Но почему-то решил иначе — выбрал противоположное направление: уехал не на Запад, а на Восток. Епифаний упоминал Каффу, — там тоже работал Феофан. Каффа (точнее — Кафа) — это Феодосия в Крыму. Как долго прожил Феофан в Кафе, какие храмы расписывал — неизвестно. В сохранившемся и по сей день храме на феодосийском Карантине следов Феофановой живописи нет. «Его» же храмы, надо полагать, не уцелели.

Феофан Грек

650 лет
со дня
рождения

Затем, в 1378 году, мы встречаем его уже на Руси — в Новгороде Великом.

Воспроизводящиеся здесь фрески — из новгородского собора Спаса Преображения, расписанного Феофаном Греком. В них Феофан — художник неистовый, суровый до беспощадности, всем существом устремленный ввысь, к Богу. Можно сказать, художник-спиритуалист, причем именно византийской школы, в которой пренебрежение к миру, лежащему во зле, прямо граничило с ненавистью к нему. Господствует накаленная атмосфера Акаполиписиса — «Откровения в грозе и буре», атмосфера близкого конца света. И живопись Феофана насыщена драматическим движением: нет ведь ничего прочного, постоянного, устойчивого в мире, предназначенном преобразиться — либо погибнуть. Посмотрите на эти фигуры, погружившиеся в молитвенный экстаз: и святые, и столпники, сокрушаясь о бесчисленных грехах, молят Христа Пантократора о прощении. Смертная тяжесть земного греха и мольба о спасении — вот драматургия фресок Спаса Преображения. Под стать тому и художественный почерк Феофана: «Феофан любит свободные, ассиметрические контуры, энергичные, размящистые линии, полные динамизма формы... Вместе с тем Мудрый Ной, — писал Лазарев, — величественный Мельхисидек, любой из замкнувшихся в себе столпников, взволнованный Акакий, несколько сангвинический Агафон, самоуглубленный Макарий Египетский, полные психологической напряженности серафимы, даже сам грозный Пантократор — все эти вышедшие из-под кисти Феофана образы поражают своим ярко выраженным индивидуальным складом. Их невольно воспринимаешь как портреты, и притом портреты чисто реалистического толка, в которых заключена огромная сила обобщения».

Затем прошло около четверти века; за эти годы мы мало что знаем о жизни Феофана. Кажется, он побывал в Нижнем Новгороде. Потом работал в Москве (где беседовал с ним Епифаний Премудрый); расписал церковь Рождества Богородицы (1395), Архангельский собор (1399), терем великого князя Василия Дмитриевича, а во дворце серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича Храброго, внука Ивана Калиты и двоюродного брата Дмитрия Донского, написал на стене вид города. Ни одна из этих работ не сохранилась. Весной 1405 года в Москве начали роспись Благовещенского собора, «а мастера бяху Феофан иконник Гречин, да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев, да того же лета и кончаша ю» (Троицкая летопись). Сравнивая фрески Спаса Преображения с этой последней феофановой росписью (сохранился только иконостас, так называемый деисусный чин), трудно не остановиться в изумлении. Точно другой художник писал! Куда девался аскетический пафос, напряженное чаение светопреставления, суровость духа, вихреобразный ритм! Вместо грозового апокалипсического освещения — глубокий и тихий, поистине Фаворский свет, плавные линии, покой и гармония. Смысловый центр композиции — Богоматерь, кроткая заступница за род людской, протянувшая руки перед Сыном и Судией непередаваемым жестом любви и милосердия. В этих руках — залог спасения, его безусловность и окончательность, — то, чего не было в новгородских фресках. Феофан разительно переменялся (хотя и узнаваем, конечно). И эта перемена, происшедшая с ним, происшедшая в самом духе его искусства, глубоко загадочна. Иногда думали, что это Андрей Рублев, работавший вместе с Феофаном, так сильно повлиял на него. Мысль невероятная: Феофан был старик, Рублев — юноша, их отношения — учителя и ученика. Быть может, преклонный возраст научил Феофана относиться к миру добрей и в некотором (самом глубоком) смысле печальней (вспомните пушкинскую «светлую печаль»)? Или это святая Русь с ее беспредельным простором, пронзительной лирикой пейзажей и долготерпеливым народом переродила византийского эмигранта? Еще раз — как знать? Во всяком случае, «умозрение в красках», как назвал русскую иконопись Евгений Трубецкой, то есть умение смотреть и видеть. Невидимое нашло одно из высших своих воплощений в творениях Феофана Грека. Это, что называется, исторический факт.

Последний раз имя Феофана упоминается в летописи в 1405 году. Предположительно он скончался между 1405 и 1415 годами.

В. АЛЕКСЕЕВ

БОВИК В ГОСТ

Н. НОСОВ

Жил-был пёс Барбоска. У него был друг — кот Васька. Оба они жили у дедушки. Дедушка ходил на работу, Барбоска сторожил дом, а кот Васька мышей ловил.

Однажды дедушка ушёл на работу, кот Васька убежал куда-то гулять, а Барбоска дома остался. От нечего делать он залез на подоконник и стал смотреть в окно. Ему было скучно, вот он и зевал по сторонам.

«Дедушке нашему хорошо! — думал Барбоска.— Ушёл на работу и работает. Ваське тоже неплохо — убежал из дому и гуляет по крышам. А мне вот приходится дома сидеть, сторожить квартиру».

В это время по улице бежал Барбоскин приятель Бобик. Они часто встречались во дворе и играли вместе. Барбоска увидел приятеля и обрадовался:

— Эй, Бобик, куда бежишь?

— Никуда,— говорит Бобик.— Так, бегу себе просто. А ты чего дома сидишь? Пойдём гулять.

— Мне нельзя,— ответил Барбоска,— дедушка велел дом стеречь. Ты лучше ко мне в гости иди.

— А никто не прогонит?

— Нет. Дедушка на работу ушёл. Никого дома нет. Лезь прямо в окно.

Бобик залез в окно и с любопытством стал осматривать комнату.

— Тебе хорошо! — сказал он Барбоску.— Ты в доме живёшь, а вот я живу в конуре. Теснота, понимаешь! И крыша протекает. Неважные условия!

— Да,— ответил Барбоска,— у нас квартира хорошая: две комнаты с кухней и ещё ванная. Ходи где хочешь.

— А меня даже в коридор хозяева не пускают! — пожаловался Бобик.— Говорят — я дворовый пёс, поэтому должен жить в конуре. Один раз зашёл в комнату — что было! Закричали, заохали, даже палкой по спине стукнули.

Он почесал лапой за ухом, потом увидел на стене часы с маятником и спрашивает:

— А что это у вас за штука на стене висит? Все тик-так да тик-так, а внизу болтается.

— Это часы,— ответил Барбоска.— Разве ты часов никогда не видел?

— Нет. А для чего они?

Барбоска и сам не знал толком, для чего часы, но всё-таки принялся объяснять:

— Ну, это такая штука, понимаешь... часы... они ходят...

— Как — ходят? — удивился Бобик.— У них ведь ног нету!

— Ну, понимаешь, это только так говорится, что ходят, а на самом деле они просто стучат, а потом начинают бить.

— Ого! Так они ещё и дерутся? — испугался Бобик.

— Да нет! Как они могут драться!

— Ты ведь сам сказал — бить!

— Бить — это значит звонить: бом! бом!

— А, ну так бы и говорил!

— Бобик увидел на столе гребешок и спросил:

— А что это у вас за пила?

— Какая пила! Это гребешок.

— А для чего он?

— Эх, ты! — сказал Барбоска.— Сразу видно, что весь век в конуре прожил. Не знаешь, для чего гребешок? Причёсываться.

— Как это — причёсываться?

Барбоска взял гребешок и стал причёсывать у себя на голове шерсть:

— Вот смотри, как надо причёсываться.

Подойди к зеркалу и причешишься.

Бобик взял гребешок, подошёл к зеркалу и увидел в нём своё отражение.

— Послушай,— закричал он, показывая на зеркало,— там собака какая-то!

— Да это ведь ты сам в зеркале! — за-

смеялся Барбоска.

— Как — я?... Я ведь здесь, а там другая собака.

Барбоска тоже подошёл к зеркалу. Бобик увидел его отражение и закричал:

— Ну вот, теперь их уже двое!

— Да нет! — сказал Барбоска.— Это не их двое, а нас двое. Они там, в зеркале, неживые.

— Как — неживые? — закричал Бобик.— Они же ведь двигаются!

— Вот чудак! — ответил Барбоска.— Это мы двигаемся. Видишь, там одна собака на меня похожа?

— Верно, похожа! — обрадовался Бобик.— Точь-в-точь как ты!

— А другая собака похожа на тебя.

ЯХ У БАРБОСА

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Рисунок А. Распопова

— Что ты! — ответил Бобик. — Там какая-то противная собака, и лапы у нее кривые.

— Такие же лапы, как у тебя.

— Нет, это ты меня обманываешь! Посадила туда каких-то двух собак и думаешь — я тебе поверю, — сказал Бобик.

Он принялся причёсываться перед зеркалом, потом вдруг как засмеётся:

— Глянь-ка, а вот этот чудак в зеркале тоже причёсывается! Вот умора!

Барбос только фыркнул и отошёл в сторону. Бобик причёсался, положил гребешок на место и говорит:

— Чудно тут у вас! Часы какие-то, зеркала с собаками, разные финтифлюшки и гребешки.

— У нас ещё телевизор есть! — по-

хвастался Барбос и показал телевизор.

— Для чего это? — спросил Бобик.

— А это такая штука — она всё делает: поёт, играет, даже картины показывает.

— Вот этот ящик?

— Да.

— Ну, это уж враки!

— Честное слово!

— А ну, пусть заиграет!

— Барбос включил телевизор. Послышалась музыка. Собаки обрадовались и давай прыгать по комнате. Плясали, плясали, из сил выбились.

— Мне даже есть захотелось, — говорит Бобик.

— Садись за стол, сейчас я тебя угощать буду, — предложил Барбос.

Бобик уселся за стол. Барбоска открыл буфет, видит — там блюдо с киселем стоит, а на верхней полке — большой пирог. Он взял блюдо с киселем, поставил на пол, а сам полез на верхнюю полку за пирогом. Взял его, стал вниз спускаться и попал лапой в кисель. Поскользнувшись, он шлёпнулся прямо на блюдо, и весь кисель у него размазался по спине.

— Бобик, иди скорей кисель есть! — закричал Барбос.

Бобик прибежал:

— Где кисель?

— Да вот у меня на спине. Облизывай.

Бобик давай ему спину облизывать.

— Ох и вкусный кисель! — говорит.

Потом они перенесли пирог на стол. Сами тоже на стол уселись, чтоб удобнее было. Едят и разговаривают.

— Тебе хорошо живётся! — говорит Бобик. — У тебя всё есть.

— Да, — говорит Барбос, — я живу хорошо. Что хочу, то и делаю: хочу — гребешком причёсываюсь, хочу — на телевизоре играю, ем и пью что хочу или на кровати валяюсь.

— А тебе позволяет бабушка?

— Что мне бабушка! Подумаешь! Эта кровать моя.

— А где же бабушка спит?

— Бабушка там, в углу, на коврике.

Барбоска так заврался, что не мог уже остановиться.

— Здесь всё моё! — хвастался он. — И стол мой, и буфет мой, и всё, что в буфете, тоже моё.

— А можно мне на кровати поваляться? — спросил Бобик. — Я ни разу в жизни ещё на кровати не спал.

— Ну пойдём, поваляемся, — согласился Барбос.

Они улеглись на кровать.

Бобик увидел плётку, которая висела на стене, и спрашивает:

— А для чего у вас здесь плётка?

— Плётка? Это для бабушки. Если не слушается, я его плёткой, — ответил Барбос.

— Это хорошо! — одобрил Бобик.

Лежали они на кровати, лежали, пригрелись да и заснули. Не услышали даже, как бабушка с работы пришёл.

Он увидел на своей кровати двух псов, снял со стены плётку и замахнулся на них.

Бобик с перепугу выпрыгнул в окно и побежал в свою конуру, а Барбос забился под кровать, так что его даже половой щёткой нельзя было вытащить. До вечера там просидел.

Вечером вернулся домой кот Васька. Он увидел Барбоса под кроватью и сразу понял, в чём дело.

— Эх, Васька, — сказал Барбос, — опять я наказан! Даже сам не знаю, за что. Принеси мне кусочек колбаски, если тебе бабушка даст.

Васька пошёл к бабушке, стал мурлыкать и тереться спинкой о его ноги. Бабушка дал ему кусочек колбаски. Васька половинку съел сам, а другую половинку отнёс под кровать Барбоске.

30 коп. Индекс 70909

ISSN 0131—7377 «Семья и школа», 1990, № 7, —64